

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№5 2018

ISSN 0130-8173

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 26.05.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Виллюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

Великой Победе посвящается...

Смелость снайпера

4

Великой Победе посвящается...

Алексей АМБРОСЬЕВ
– СИЭН МУНДУ

Последний солдат

Песчинки в конверте

Рассказы

6-8

Проза

Николай ЛУГИНОВ

ПУТЬ

к Верхнему миру

(Повесть пятая)

10

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Надежда Кудашкина

«С солнцем
лисица рыжая»

•
Вениамин МИРОНОВ

*«Когда я был ещё ребёнком,
Когда со снегом
повстречался...»*

34-35

И снова о Пушкине. . .

Владимир ТОМСКИЙ

**Пушкин
и Кант**

(Рассуждения обывателя)

38

Дружба литератур – дружба народов

**Якутские гусары
на болгарской
земле**

56

Впервые в «Полярной звезде»

Владимир ГАРЬКУН

*«Поднявшись однажды
– парить,
Препонов не замечая...»*

62

Проза

Сергей МОСКВИТИН

**Если очень
захотеть...**

Повесть

64

Память

Альфред КУЛАЧИКОВ

**За словом
будет слово...**

82

Впервые в «Полярной звезде»

Михаил СЛЕПЦОВ

**Опустевший
океан снов**

Рассказ

86

СМЕЛОСТЬ СНАЙПЕРА*

Автор этого рассказа П. Пшеничный — гвардии майор запаса, бывший комиссар артиллерийской батареи 1291-го стрелкового полка 84-ой гвардейской Карачевской дивизии.

В одном полку с ним служил снайпер-якут Дмитрий Алексеевич Гуляев, уроженец Модутского наслега Вилюйского района Якутской АССР. Отважный воин героически погиб в боях за Родину. О большом мужестве этого храброго солдата, его необычайной дерзости и полном пренебрежении к опасности рассказывает его однополчанин.

Наш полк вел оборонительные бои в Смоленской области. В ту памятную ночь меня срочно вызвали в штаб полка: был получен приказ о передислокации.

На передовой, щедро залитой светом луны, стояла тишина. Лишь изредка поскрипывали на морозе могучие сосны. Но в этой молчаливой тишине таилась опасность: немцы в любой момент могли преподнести очередной «сюрприз».

Вдруг зазвонил телефон: сообщили о странной и непонятной стрельбе по противнику со стороны первого батальона. Кто-то вел редкий огонь из винтовки. Но кто бы это мог быть? На выяснение отправили дежурного лейтенанта.

Часа полтора с нетерпением ждали мы его возвращения. И вот он с шумом вваливается в землянку. Весь в снегу, лицо мокрое от пота. Снял автомат, бросил на стол шапку и, возбужденный, опустился на нары:

— Ну, товарищи, доложу я вам, случай! Развеселил нас снайпер! — И лейтенант, не сдерживая смеха, стал рассказывать:

— На переднем крае мы определили место, откуда производились выстрелы: это возвышенность с густым кустарником, примерно в 250 метрах от противника. С бойцом-связным не без труда по-



ГАЗЕТА «ЗА РОДИНУ», 20. XI. 42.

**Фронтая печать —
о доблестном снайпере.**

добрались мы к кустарнику с двух сторон. Видим: в небольшом углублении, пригнувшись, сидит на снегу солдат в маскхалате и над чем-то энергично орудует ножом. Спрашиваю как можно тише:

— Кто здесь?

Солдат спокойно повернул голову в мою сторо-

СМЕЛОСТЬ СНАЙПЕРА.

Великой Победе посвящается...



Снайпер Д.А. Гуляев.

ну и на ломаном русском языке ответил вопросом:
– Ты наш? Давай сюда!

Мы со связным вползли в укрытие. Незвестный оказался снайпером-якутом Гуляевым. Это был молодой, среднего роста, широкоплечий паренек. На его смуглом скуластом лице лукаво поблескивали черные глаза. Он был доволен приходом своих и, мешая русскую и родную речь, стал рассказывать о том, как еще затемно пришел на это место для «охоты за фрицами». По пути прихватил кусок свежей конины (днем недалеко от окопов осколком снаряда была убита молодая лошадь). Гуляев, нагнувшись, старательно срезал с куска тонкие нежные стружки замерзшего мяса. Я спросил его:

– Почему без напарника? И вообще, где же ваша винтовка?

Он небрежно махнул рукой в сторону кустов:

– Ружье там!

Действительно, на ветвях покоилась его снайперская винтовка, обращенная дулом в сторону противника.

– Мы кушаем строганину, – продолжал Гуляев спокойно, – а человек там (кивнул в сторону неприятеля) топтался-топтался ногами. Мы немножко стреляем – опять кушаем. Другой человек приходит – мы тоже немножко стреляем!

Он так убедительно повторял эти фразы, словно боялся, что мы не поймем цели его пребывания здесь. Несмотря на всю серьезность обстановки – немцы совсем рядом! – я не мог удержаться от улыбки. И тогда Гуляев, тоже улыбаясь, стал настойчиво приглашать нас отведать строганины. Мы взяли с его ножа по кусочку мерзлого мяса.

Через кусты ясно видны были у вражеских окопов три трупа, лежавшие на расстоянии 20–30 метров друг от друга. Фашисты боялись убирать убитых до захода луны...

– Вот и все, что удалось выяснить, – закончил свой доклад лейтенант.

– Где же Гуляев? Вы привезли его с собой? – нетерпеливо спросил начальник штаба.

– Наотрез отказался! Говорит – уйду, когда все спать лягут, «топаться ногами не будут», – улыбаясь, ответил лейтенант.

Этот случай надолго запомнился. Частенько устраивали наши снайперы трагические для врага «ловушки». Гуляев был в этом неутюмим.



На огневом рубеже.

Алексей АМБРОСЬЕВ
– СИЭН МУНДУ

Последний солдат

Рассказ

...Рано утром Афанасия разбудил стук в окно. Тревожный такой. Как любой стук в окно в любое время суток, поскольку это всегда означает что-то чрезвычайное, что трудно донести до дверей. Афанасий в этом был уверен.

Нащупав и надев стоявшие у кровати большие валенки, которые и зимой и летом служили ему домашней обувью, Афанасий накинул жилетку и посмотрел на часы. Было четверть шестого. Поживаясь от утренней прохлады, он подошел к окошку и отдернул занавеску. В предрассветном зимнем небе еще сверкали звездочки, и он с трудом разглядел в утренних сумерках подростка, который, активно жестикулируя, что-то говорил, но слов не было слышно. Это был Витька, соседский мальчишка.

Афанасий включил свет, открыл дверную щеколду и вышел на террасу навстречу неожиданному утреннему гостю. Витька был тут как тут.

Уже зайдя в дом, мальчонка сказал, что дверь террасы была закрыта, и потому он постучал в окошко. Чуть погодя он добавил, что умер Павел Иванович.

– Кто, кто? – переспросил Афанасий.

– Мой дедушка... Старик Байбаас...

И только тут до Афанасия дошло, кто умер. Старик Байбаас, как все в деревне звали Павла Ивановича Слепцова, был ветераном Великой Отечественной войны, возглавлял Совет старейшин наслега. Орденоносец. Был не по годам активным человеком, и никто бы не мог подумать, что он так внезапно умрет. «Эх, не дожил до юбилея», – промелькнуло в голове Афанасия.

– Афанасий Семенович, вас мама просит зайти утром к нам. – Витька направился к двери. – Ну, я пошел...

– Да, да... Конечно... Передай маме, что я буду...

Афанасий пошел растапливать печку.

АЛЕКСЕЙ АМБРОСЬЕВ – СИЭН МУНДУ. ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ.

Великой Победе посвящается...

* * *

Старик Байбаас был последним ветераном Великой Отечественной войны из их небольшого наслега, который воевал с гитлеровцами. Дошел до Кенигсберга, где был тяжело ранен, долго лежал в госпитале и пришел с фронта незадолго до Победы. Афанасий тоже был ветераном войны, но он призывался в конце 44-го, и воевал с японцами.

...На очередной юбилей Победы всех ветеранов приглашали в районный центр. Это было еще в советские времена. На сцене клуба в президиуме сидели раз и навсегда избранные для этой почетной роли ветераны. По крайней мере, так казалось Афанасию. Сколько он себя помнит, эти люди там восседали постоянно. Менялись юбилейные даты, но ветераны в президиуме никогда не менялись. Словно они были бессмертными.

После торжественной части ветеранов приглашали в столовую, где специально для них были накрыты столы. Однажды, еще в 60-ых годах, тогда еще молодые ветераны после обильного возлияния сошлись стенка на стенку. Дрались солдаты, воевавшие на Западном фронте, с «японцами». Первые за счет численного преимущества взяли вверх. Но Афанасий такого разделения не понимал, поскольку считал, что война есть война, и убивают везде.

...Сначала в деревне было восемь ветеранов, которые воевали с немцами на Западе, а он, который бился с японцами, был один. Всю жизнь был один, и потому восемь ветеранов всегда его затыкали, не давали рта раскрыть: мол, пошел на войну, когда мы уже победили. Там, утверждали они, была настоящая война. А что с японцами? С ними и бабы сладили бы, говорили они, захмелев.

В 68-ом году умер Иннокентий. И началось... Каждую пятилетку они хоронили по одному ветерану. Афанасий был моложе всех, да и ранен он ни разу не был. И вот сегодня умер Байбаас – последний солдат с Западного фронта. Почему-то всплыли слова, сказанные ему одним из его односельчан: «Смотри, Афоня, мы все умрём,

и только тогда дойдет очередь по-настоящему поздравлять тебя. Глядишь, и до президиума доживешь...»

И память услужливо напомнила ему, как обычно поздравляли ветеранов. И его тоже, конечно. Но он всегда чувствовал, что это было, как бы сказать, через запятую, что ли... И как председатель скороговоркой произносил его имя. Последним в списке, когда уже поздравили всех ветеранов. Вот так вот: скороговоркой, в последнюю очередь и через запятую.

Однажды, в середине 70-ых, пришла молодая журналистка. Задавала, как казалось Афанасию, несуразные вопросы. Например, сколько он убил врагов.

– Вот ты у меня спрашиваешь, сколько мне удалось убить врагов, а я не могу ответить на этот вопрос. Я же не снайпером был. Ты поднимаешься вместе со всеми в атаку, бежишь и стреляешь... Бежишь и стреляешь... И не знаешь, в кого ты попал, и попал ли вообще... Не знаешь, в какой момент попадет пуля в тебя, и сколько тебе ещё осталось жить... Я хоть и был в полку писарем, поскольку, в отличие от многих, имел образование, но в атаку ходил вместе со всеми. Самое страшное – это заставить себя подняться в атаку. Ничего страшнее в мире я не знаю, и никогда потом такого тошнотворного страха не испытывал...

При слове «писарь» журналистке стало скучно – это было видно. Ничего героического, и она быстренько закруглила разговор. То, что воевавший в составе 1011-го стрелкового полка старший стрелок Афанасий Лаврентьев закончил войну в звании младшего сержанта, ей ничего не говорило, и она даже не взглянула на его медали, которые он накануне старательно нацепил на свой единственный приличный пиджак. Статья в газете так и не появилась. Но обиды не было.

...Афанасий прикрыл печку, оделся и вышел во двор. Постоял с минутку, глядя на последние гаснущие звезды, поежился от холода и вдруг до боли в сердце ощутил своё бесконечное одиночество. Он остался один. Последний солдат на этой огромной земле...

Песчинки в конверте

Рассказ

Всем, кто не вернулся с той войны, посвящается.

... Вечереет. Солнце уже коснулось верхушек деревьев, но все равно жарко и душно, и с земли поднимаются потоки тёплого воздуха. И в этом мареве – дьэргэлгэне, все окружающее принимает причудливые, порой просто фантастические очертания. Николка еще маленький, и что такое фантастика, он пока не знает, и потому ему в дьэргэлгэне видятся образы бабушкиных сказок. Но в этот раз фигура всадника, который появился в глубине алааса, и который, как кажется мальчишке, плывёт над землёй и колыхается в воздухе, не исчезает.

Николка перехватывает взгляд бабушки Марии, которая заворуженно смотрит на медленно приближающегося человека на белом коне. Её лицо напряжено. В это время в их алаас обычно никто не приезжает и не приходит. Разве что с какой-то важной вестью. Она уже дважды получала “похоронку” на своих двух старших сыновей, и каждый раз черная весть появлялась в образе всадника на белом коне в конце алааса, где начинается дорога, ведущая в большой мир. Сердце матери зашло от тревожного предчувствия – сейчас там, далеко на Западе, остался в живых и воюет её последний, самый младший сын – Пана. Пантелеймон.

Николке на миг почудилось, что все вокруг застыло, но потом оцепенение спало, и он, как любой мальчишка в его возрасте, припустил навстречу всаднику.

Приехала секретарь наследного Совета Светлана. Она хотела тут же прочесть письмо с фронта, поскольку ни Мария, ни Николка читать не умели, а других людей в этом алаасе и ближайших окрестностях не было. Но Мария настояла на том, чтобы письмо Светлана прочитала в сайылыке, благо он тут совсем рядом. Уже после того, как гостя по давней якутской традиции выпила чашку чая и поела оладушек, Мария аккуратно развернула за столом письмо сына. Оттуда посыпались песчинки. Их почему-то было очень много – этих песчинок с далёкого фронта. Николка, теперь уже Николай Пантелеймонович, до сих помнит шуршание тех песчинок и то, как бабушка осторожно, все до последней крупинки собрала их и аккуратно завязала в уголке своего выцветшего белого платка.

«Я пишу в перерыве меж вражеских атак, прямо в окопе, – сообщалось в письме. – Уже отразили две атаки немцев...» В конце короткого послания Пантелеймон передавал привет всем родным и близким.

Дочитав письмо, Светлана аккуратно сложила

АЛЕКСЕЙ АМБРОСЬЕВ – СИЭН МУНДУ. ПЕСЧИНКИ В КОНВЕРТЕ.

Великой Победе посвящается...

его и передала Марии, которая приняла небольшой бумажный треугольник как самую большую драгоценность на свете. Да иначе и быть не могло – ведь это было письмо от её единственного оставшегося в живых сына. Её сын жив... Жив. Жив!

Светлана попросилась и пустилась в обратный путь. Не близкий. Но она уже дважды привозила сюда чёрную весть, и потому считала себя обязанной доставить Марии добрую весточку от её единственного оставшегося в живых сына. Только у развилки дорог в конце алааса она вспомнила, что забыла сказать Марии дату, которая стояла в конце письма. Судя по ней, солдатская весточка добиралась сюда почти полтора месяца. Почему так долго, Светлана не могла понять, поскольку почта, несмотря на войну, до этого всегда работала исправно.

... “Похоронка” на младшего сына, на Прокопьева Пантелеймона Николаевича, 1914 года рождения и призванного на фронт в 42-ом, пришла позже – в ноябре 1943 года. Бабушка Николки Мария скончалась месяцем ранее до трагического известия. Она так и не узнала, что её младшенький погиб на фронте. Что погибли все её три сына...

* * *

Николай Пантелеймонович о месте захоронения своего отца узнал уже после Перестройки – деревня Милеево Калужской области. В первую поездку он взял троих сыновей. Местные активисты из военно-патриотического клуба встретили их уже на железнодорожной станции областного центра. И в первый же день, благо они приехали рано утром, хотели повезти их сначала на знаменитую «Безымянную высоту», воспетую в кинофильме «Тишина», куда обычно ездят все туристы, прибывающие к ним. Туда вела приличная по местным меркам асфальтированная дорога, а территория за счет федеральных денег была обустроена не в пример остальным уголкам области. Но Николай Пантелеймонович вежливо отказался от экскурсии, и они сразу поеха-

ли на братскую могилу, где захоронен его отец.

...Поле. Классическое русское поле. С почти недвижимой речкой, с рожицей скромных берёзок. Он до сих пор удивляется, как всё тогда четко отпечаталось в памяти. Тропинка меж колосьев. Легкий ветерок, гуляющий по ещё не скошенному лугу и приносящий время от времени неизъяснимые запахи разнообразных трав. Тишина. Лишь слышно, как рядом с ними в траве от цветка к цветку перелетает неутомимый и невидимый шмель...

Все происходящее было снято на видеокамеру и потом подарено Николаю Пантелеймоновичу. Учителю информатики местной школы удалось запечатлеть все моменты пребывания Николая с сыновьями на Калужской земле.

...Уже дома Николай несколько раз пересматривал запись, пока однажды не понял, что его так зацепило в коротком видео. Прямо возле небольшого скромного обелиска, коих в местах ожесточенных боев установлены сотни и тысячи, растет небольшая берёзка. Не высоченная берёза, каких полно в средней полосе России, а именно скромная берёзка, словно шагнувшая к обелиску с какого-нибудь милого сердцу каждого якута алааса.

Камера выхватывает белый ствол дерева... Полуденный зной... В кадре видно, как Николай Пантелеймонович достает привезенный с алааса отца заветный мешочек с родной землей. Рядом с ним стоят его сыновья – внуки, которые никогда не видели деда. Резкий порыв ветра не дает расслышать, что говорит Николай при этом маленьком ритуале, хотя это и не так важно. Только шелестят в знак безмолвного согласия листья берёзы, и бесконечно долго с маленького мешка сыплется земля. И в какой-то момент Николаю вдруг кажется, что ветер принёс чудесный аромат родины, запах далеких якутских просторов, которые накатывают на него невидимыми волнами. Земля из мешочка не желает кончаться, и все сыплется и сыплется...словно те бесконечные песчинки из солдатского конверта с его далекого военного детства, которые бабушка Мария завязала в уголке своего выцветшего белого платка...

Николай ЛУГИНОВ,
народный писатель РС(Я)

Путь к Верхнему миру

(Повесть пятая)

1. Проводы

Паломники готовились к продолжению своего непростого пути. Акол сосредоточенно и подолгу сидел на высокой скале лицом к западу, словно что-то высматривал в далёком далеке, а когда Окой попытался отговорить его от продолжения путешествовать в одиночку, он только отмахнулся. Ничто не могло остановить его, а если предстояло дальше идти одному – значит, так тому и быть.

Окой старательно собирал для путников свежую еду на первые дни, а на последующие – крупы и хурт, сушеное мясо и рыбу. Получился приличный мешок. Когда же утром стало известно, что Хойгур согласился идти вместе с Аколом, содержимое разделили на двоих.

Хойгур порывался взять с собой побольше воды, памятуя о пережитой в пустыне жажде, но его отговорили от этой затеи, ибо всегда можно найти воду в горных ручьях или озерах. Горы – не пустыня. Хойгур с недоверием посматривал на провожавших, но, в конце концов, согласился со своим «учителем».

На прощание Окой подарил ему сетку из конского волоса для ловли рыбы и силки на птиц.

– Очень необходимые в пути вещи! – похвалил Окун брата, хотя ему даже стало немного завидно.

У него, некогда могущественного правителя, ныне при себе не было совсем ничего для подарка.

Братья жалели мальчишек, понимая, что у тех только на первое время есть провизия. Дальше же им придется питаться тем, что добудут. Но надежды на это мало, слишком неумелым охотником был Хойгур. Если в предгорьях они еще как-то протянут, то в горах, на голых скалах, живности и растительности почти не будет, и сушеные продукты станут единственным подспорьем.

Даже Окун, опытный в дальних путешествиях, не мог в полной мере представить, что же ожидает их на голых вершинах Куньлуня. К тому же он всегда ездил в составе большого каравана, где было почти всё необходимое.

А вот так, как эти мальчишки – неся всё на своих плечах... – никогда. Сами и только сами должны они при дожде и ветре разжигать костры, готовить еду. Но самое главное – они абсолютно беззащитны перед хищниками, а тем более – перед разбойниками. Надеяться им не на кого, только на самих себя...

Когда мальчишки уходили вверх по течению реки, братья сочувственно смотрели им вслед, пока паломники совсем не исчезли за чертой горизонта, которая здесь была не очень далека.

Затем Окун взобрал на вершину своего острова и за поворотом реки снова увидел путников. Акол

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

шел рядом с поводырем, опустив голову, словно что-то высматривая под ногами. А Хойгур почему-то стал озиаться вокруг и часто оглядываться назад. Во всем его облике были неуверенность и страх. Явно было видно, что он боялся идти, но шел, преодолевая огромным усилием животный, неконтролируемый страх.

Окун долго смотрел вслед Хойгуру, словно пытаясь взглядом передать ему свою уверенность и веру. “Хорошо, – думал он, – что преодолевает страх. Это уже немало”. Окун знал, о-о, еще как знал, это жуткое чувство, управляющее миром. Кто умеет его преодолевать, того можно причислить к немногочисленным избранным, готовым владеть этим миром.

Первый шаг сделан! Иди, мальчик. Впереди тебя ждет еще множество трудностей, преодоление которых необходимо для достижения вершины жизни – власти. Сможет ли устоять он? Если сумеет, то после такого тяжелого пути вернется закаленным и набравшимся опыта преодоления любых трудностей.

При этих мыслях лицо Окуну растянулось в невольной улыбке: «Хорошо бы...»

После сокрушительного удара судьбы с появлением этого мальчика у Окуну впервые в душе зародилась подлинная надежда...

Всё! Теперь уж точно надо решительно отбросить дурные мысли, нечего лелеять обиду. С её помощью ничего сделать невозможно. Только душу травмишь. Пусть прошлое останется в памяти. Надо думать только о будущем. Тем более, когда, наконец, появилась такая возможность.

– Да! И еще раз – «да!» – Окун почувствовал прилив сил и в возбуждении бодро зашагал по тесным коридорам своего убежища. – Рано, рано прощаетесь с Окунуном, господу предатели! Окун еще заявит о себе! Заявит – на горе многим!

2. Волчица Оу

Первые три дня путникам дались очень тяжело, видимо, сказались дни продолжительного отдыха – расслабились.

Тем не менее, они с раннего утра отправлялись в путь и упорно шли до солнца в зените, почти ни-

где не отдыхая. Потом наскоро обедали: ели всегда всухомятку, запивая холодной речной водой, и, слегка отдохнув, снова вступали на свой путь, устремляясь всё дальше и дальше вверх по течению реки.

На третий день кончились продукты, которые Окой дал им на первое время – это были вкусно приготовленные вареные бобы и жареное на вертеле мясо. Хойгур – любитель поесть – только тогда начал лихорадочно думать, как им поступить с питанием теперь. Понятно, что еще рано было доставать запасы круп и сушеного мяса, ибо неизвестно, что их ожидает впереди. К вечеру четвертого дня дошли до притока небольшого ручья, впадающего в речку, где и решили переночевать.

Расположившись для стоянки, Хойгур достал из мешка волосяную сетку – подарок Окоя, и насторожил ее в наиболее узком месте. Вода в ручье была прозрачной, и он засмотрелся на снующих мелких рыбешек. Мелкоячеистая сетка при сильном течении сильно раздувалась и принимала форму мешка. Видимо, опытный Окой связал ее в расчете на такую рыбу. Скоро Хойгур наловил множество мелочевки для ужина и, снова поставив сетку, стал думать, как же ему сохранить улов, чтобы взять с собой в дорогу побольше. Было очевидно, что при такой жаре свежую рыбу далеко не унесешь. Тут Хойгур снова вспомнил совет Окоя – подольше прожаривать рыбу на костре для лучшей ее сохранности.

Хойгур ликовал – он вовремя вспомнил нужный совет, который, пусть временно, но помогал решить одну из главных нужд паломников. Заготовив рыбы в достатке, не придется голодать среди голых камней и жалеть об упущенной возможности.

Заодно Хойгур привлек и Акола к рыбной ловле. Он посадил его на камень у воды и дал две веревки от сети, объяснив, что и когда делать. Акол ликовал, ощущая трепыхание рыбы в сетке.

Сам же Хойгур быстро разжег костер и, поставив уху вариться, стал жарить рыб на ивовых прутьях. Но шло дело слишком медленно, а рыбы не уменьшалось. Тут Хойгура осенило: камни у костра становятся горячими, и их можно использовать как сковороду, а камней к огню надо подложить побольше.

Удачной и своевременной оказалась мысль, он тут же передвинул огонь на новое место и подкинул в него дров. Переносить костер было намного проще, чем разжигать новый – это он знал с детства.

На дышащие горячим жаром камни с предвещущего костровища Хойгур разложил пойманную рыбу, которая с шипением стала обжариваться. Надо было только не зевать и вовремя переворачивать её. Прошло совсем мало времени, и ему удалось приготовить достаточно много рыбы. Хотя пришлось побегать между камнями, посуетиться, переносить костер с места на место. Довольный удачей, Хойгур позвал Акола и они, наконец-то, сели ужинать. Сначала ели уху, а затем жареную рыбу.

– Ты молодец, что придумал жарить рыбу на горячих камнях, – сказал Акол.

– А ты... Как ты это понял? Ведь ты не видишь, – удивился пораженный Хойгур.

– Не видел, но я же слышал шипение жарящейся рыбы и ощущал запах. К тому же слышал, как ты переносил костер с места на место. Хорошо ты придумал.

– Я и сам удивился такой неожиданной задумке, – простодушно ответил довольный Хойгур. – Просто мне захотелось быстрее закончить, вот и придумал.

Оказывается, это было замечательное чувство: удовлетворение от сделанного своими руками. Прежде оно было совершенно незнакомо ему, потому что он, сколько себя помнил, рос в тягостной обстановке недовольства всем и вся.

– Сеть у меня опять полная, – потягивая веревки вверх, сказал Акол, успевший поесть и вернуться к месту рыбалки.

Хойгур подбежал к нему и умело вытащил на камни сеть, полную рыбы. Нескольким шустрым рыбешкам удалось ускользнуть в воду. Но никто не пожалел об этом, потому что рыбы было предостаточно.

Сберегая приготовленный улов, Хойгур дал в руки Акола ветку ивы, чтобы тот отпугивал мух, слетевшихся на запах добычи. Казалось, он успел забыть, что Акол слеп.

Когда упаковались, получился довольно весомый груз, но мальчики были довольны, что на ближайшие дни обеспечили себя рыбой и, таким

образом, сохраняют запас сушеных продуктов для последующих дней. Счастливые путники весело направились дальше вдоль устья реки.

Но счастье их длилось недолго.

Совсем скоро они наткнулись на небольшое стадо из овец, нескольких коз и двух верблюдов. Хойгур с удивлением оглянулся вокруг, но никого не было.

Тогда Хойгур снял с себя тяжелую поклажу с рыбой и помог Аколу сделать то же самое. Усадив его на камень, сначала услышал непонятный рык и тут же увидел огромную разинутую волчью пасть... А чуть позже он понял, что это была волчица Оу, о которой он слышал от Окуня.

В первое мгновение у Хойгура от страха отнялись ноги, и он беспомощно смотрел, как зверь намеренно медленно вылезает из кустов и не торопясь направляется к ним, уверенный в своем превосходстве.

Наконец, поводырь вышел из оцепенения и бросился бежать, оставив слепого Акола вместе с поклажей. Он бежал бы и дальше, если бы беспомощно не растянулся на земле, а лежа, скрючившись от страха, не ожидал, когда же вцепятся в него волчьи зубы.

Он пришел в себя оттого, что никто на него не бросался и не рвал зубами. Проклиная себя за трусость – очередное подлое предательство, не спеша вернулся назад, ожидая увидеть последствия страшной расправы над Аколом.

К его удивлению, волчица Оу мирно лежала у ног слепца, а тот гладил ее по загривку. Увидев Хойгура, она нехотя поднялась, лизнула щеку Акола и удалилась прочь.

Всё еще не веря в благополучный исход, поводырь поскорее помог подняться Аколу и устремился прочь, быстро взвалив себе на плечи всю поклажу и крепко держа посох слепого спутника. Долго еще раздавалось им вслед недоуменное блеяние баранов.

3. Встреча с разбойниками

Хойгур решил взять правее – в сторону Куньлу-ня, куда уходил один из притоков. Основное русло реки скатывалось с гор слева, как бы в обход вер-

шины, поэтому разумнее было идти по правому притоку. Так и сделали.

Через день пути от устья протоки Хойгур вдруг увидел людей и, даже еще не осознавая, что это значит, опять испытал жуткий страх. Он и сам не понял, почему это состояние приводило его в ужас и одновременно вызывало странное недоумение.

Даже увидев волчицу Оу, он испугался не так сильно. Может, потому, что от волка оставалась надежда защититься, а от этих людей – точно не удастся спастись.

Поводырь остановился, снял с плеча поклажу, поставил её рядом и, опустив руки, покорно сел на камень.

– Что? Что такое? – тревожно спросил Акол, видимо, почувствовав его страх.

– Люди... Трое.

– Странно. Откуда тут могут быть люди?

– Не знаю. Ты отдохни, сядь на камень. Сними поклажу, – сказал Хойгур и усадил Акола, не говоря ему о своих предположениях.

Тем временем к ним подошли трое незнакомцев.

– Кто такие? Куда и зачем идёте? – строго спросил пузатый мужчина небольшого роста. Его уверенный и строгий тон показывал на старшинство.

– Мы... просто люди...

– Вижу, что не звери, и даже не бараны! Куда направляетесь?

– Мы... паломники...

– А... что это значит?

– Идем по святым местам Куньлуня святыням поклониться.

– А... значит, божьи люди? Понятно... – сказал пузатый и приказал своим: – Ну-ка, узнаем, что у них там! Может, золото или нефриты?

Тут двое его слуг, не церемонясь, развязали мешки и все их содержимое вывалили прямо на камни.

– Посмотрим, что же нам Бог Тэнгри послал на этот раз? – Толстяк упал на колени и стал рыться в вываленных вещах. – Неплохо! На этот раз Тэнгри решил нас угостить жареной рыбой! То-то я учуял запах!

Все трое тут же накинулись на рыбу и начали уплетать ее за обе щеки. Они были так увлечены едой, что, казалось, забыли о путниках.

Обидно было вдруг потерять с таким трудом доставшиеся им припасы. Но делать нечего, против силы не попрешь. Неизвестно было, что надумают сделать с ними дальше разбойники, после того, как наедятся. Поэтому Хойгур тихо подошел к неподвижно сидящему Аколу, взялся за бамбуковый посох и, стараясь не шуметь, повел прочь.

Он шел и в каждое мгновение ожидал услышать окрик. Но окрика не последовало. Вскоре разбойники скрылись из виду. Путники шли, никуда не спеша, обычным шагом, при желании их могли без труда догнать.

– Вот так, мой дорогой хозяин, закончилось наше путешествие.

– Почему же? Ведь мы идем, значит, с каждым шагом ближе к святыням, – тихо промолвил Акол.

– Ближе-то, может, и ближе. Но мы с тобой остались без единого кусочка пищи. Скоро мы с тобой обессилеем от голода, – сказал Хойгур. – Не знаю, насколько хватит наших сил без еды. А еще мы с тобой остались совсем голыми, ночью нам даже нечем укрыться.

– Давай постараемся быстрее идти, чтобы оторваться от них.

– Это бесполезно. Захотят, так сразу догонят нас.

– А зачем им догонять нас? – усмехнулся Акол. – Они свое взяли и знают, что у нас больше ничего нет.

– Кто их знает...

– Ты смотри по сторонам, вдруг заметишь какое-нибудь укромное место, где можно укрыться до утра, – сказал Акол.

Но сколько ни всматривался Хойгур, ничего подходящего вокруг не видел. По обеим сторонам громоздились голые камни.

Нигде не останавливаясь, путники упорно шли вперед до самого вечера. Стало заметно свежеть. Но от долгой ходьбы они ощущали жар в теле и не замечали наступающую прохладу, столь опасную ночами в горах.

4. Возмездие

Вдруг за спиной послышался гул скатывающихся к подножию камней.

– Что это?

– Это погоня, – сразу определил Акол. – Погоня на лошадях. Давай спрячемся за чем-нибудь. Посмотри, может, рядом есть кустарники?

– Идем направо скорее, там что-то темнеет.

Оказалось – распадок, и довольно глубокий. Совсем скоро, почти как только они вошли в укрытие, мимо стремительно пролетел всадник на вороном коне.

Хойгуру из-за куста удалось внимательно всмотреться в его лицо. Это был другой, никто из трех разбойников не походил на него.

Скоро снизу опять донеслись шаги и обрывки разговора. На этот раз приближались пешие преследователи. Когда они приблизились, Хойгур узнал прежних разбойников. Двое несли их мешки и были не так веселы, и даже, прихрамывая, постанывали. Явно с ними что-то случилось... Но что?

– Видимо, они спешат вернуться домой дотемна. Значит, они живут где-то здесь и несут туда свою добычу, – решил Хойгур.

– Всё это странно. Что-то здесь не так.

– Ничего странного, объелись нашей рыбой. Вот и волочат ноги еле-еле. Но как нам быть, если становище их находится выше? Нам трудно будет незаметно пройти мимо. Зря мы завернули по этой речке. Надо было вдоль следующей пойти. Но кто знал-то?

В это время сверху опять донесся звук копыт.

Лошадь остановилась перед разбойниками.

– Ну что? Ничего не увидели?

– Нет. Хотя они не могли так далеко уйти.

– Вот что, подлецы, оставьте здесь мешки и возвращайтесь назад, вдвоём снова осмотрите обе стороны русла, третий – иди вперед. Пока не стемнело, во что бы то ни стало, разыщите их. Вы же их почти голышом отпустили, а ночи холодные, они могут замерзнуть без одежды.

Когда все ушли на поиски, Хойгур сказал:

– Оказывается, они ищут нас! Мы пропали! Только не пойму, зачем мы им нужны. Хотя, кто знает, что у них на уме. Нам отсюда даже некуда убежать. А здесь нас, наверняка, найдут и убьют...

– Зачем им нас убивать? Какой в этом смысл?

– Это ты у них спроси. Они убивают порой и по-техе ради.

Ребята замолчали, увидев, что вернулись всад-

ник и пеший и остановились возле брошенных мешков. Всадник спешил, привязал лошадь и велел спутнику разжечь костер. Тот стал собирать сухие ветки вдоль русла и вплотную подошел к распадку и, сразу увидев спрятавшихся путников, позвал другого. На его зов прибежал всадник.

– А-а, вот вы где спрятались! Ну-ка, выходим на свет божий, – он подвел их к кожаным мешкам и спросил: – Ваши?

– Да, наши... – промывчал Хойгур.

– Тогда внимательно осмотрите, все ли ваши вещи на месте. А чего нет, обязательно скажите.

Уже сгущались сумерки, но Хойгур привычно шустро осмотрел и заново упаковал мешки.

– Ну что? Все ли вещи?

– Все, кроме маленького ножика и жареной рыбы, которую они съели.

Всадник повернулся к толстяку и грозно рыкнул:

– Ножик у тебя?

– Да, господин, у меня. Давеча я хотел вернуть его, да забыл... Простите...

– Чего меня-то просишь простить, его, вот этого сироту, проси, – прорычал всадник.

– Прости меня, мальчик, очень прошу. Я забыл...

– А что, что с рыбой? Когда ты вернешь рыбу?

– Рыбу... Не только я, все трое ели.

– Вкусная была рыба?

– Очень... Очень вкусная была, господин... Я не удержался.

– Не удержался, говоришь?.. – с явной издёвкой зло усмехнулся всадник. – Да, бывают мгновения в жизни, когда трудно, очень трудно бывает удержаться. Сейчас подойдут твои друзья по несчастью. Их и спросим...

В это время снизу послышались странные звуки, похожие на звук бича, со свистом разрезающего воздух, и вскрики людей. Вскоре все увидели двух посланных на поиски паломников, подгоняемых третьим. Всадник нещадно избивал несчастных бичом. Они почти подбежали к костру, а увидев своих недавних жертв, сразу поняли, что им предстоит допрос с пристрастием.

– Принимай беглецов, Гурган. Я сразу понял, что они чего-то натворили. Иначе, зачем им было бежать, увидев меня? Что же они сделали?

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

– Сейчас всё выясним, – сказал Гурган, подтолкнув грабителей друг к другу. – Ты, Салбар, допроси-ка их, а я послушаю. Я не то что удивлен, а скорее, поражен их поведением.

Тем временем совсем стемнело, но при свете ярко горевшего костра эти трое выглядели совсем иначе. Днем они казались намного выше и шире, держались очень уверенно, ощущая свое превосходство и силу. А теперь они словно уменьшились в размерах. Даже ростом стали почти на пядь ниже. И толстяк казался не таким толстым, лишь слегка полноватым, и что странно – сутулым. Глаза его бегали. Это было заметно по отсвету огня на белках, видимо, от страха он никак не мог ни на чем задержать свой взгляд. Он даже не мог спокойно стоять на одном месте, а постоянно переминался с ноги на ногу. От недавней самоуверенности и следа не осталось. Сейчас это был напуганный до смерти, неуверенный, несчастный человек.

– Давай говори мне честно, зачем вы остановили этих мальчиков? – спросил Салбар.

– Мы... просто хотели проверить, кто они такие, – робко ответил толстяк.

– Ну и что?

– Сказали, что – паломники. Идут помолиться ко святым местам.

– И всё?

– Всё.

– Тогда зачем вы у них отобрали вещи?

– Мы не отнимали... Когда мы проверяли содержимое, они сбежали.

– Как складно у тебя получается, – усмехнулся Салбар. – Они сами ушли, оставив одежду и запасы еды... Трудно в это поверить. Если даже очень захотеть. Ну, а что с рыбой?

– Немного... Съели... были голодны. Немного совсем съели...

– И она закончилась?

– Да...

– А ты сразу заметил, что это идет слепой со своим поводырем? – тихо спросил Салбар, а когда толстяк со страху что-то неопределенное промямлил, громко взорвался: – Говори ясно!

– Да... Это было видно, – выдавил из себя толстяк.

Тут встал Гурган. Он, молча, походил вокруг си-

дящих возле костра людей, а затем тихо, как бы разговаривая сам с собой, заговорил:

– Пусть мы разбойники. И грабить – наше главное занятие. Но сегодня произошло неслыханное преступление. Вы ограбили беспомощнейших существ, которые шли помолиться, поклониться святым, божьим местам. Это не просто насмешка над нашим ремеслом, но еще и тягчайший грех... Ограбить слепого... Как может опуститься человек до такого?

И человек ли он после этого? Но главное – то, что во всем этом замешан я...

– Причем тут ты, Гурган! Эти нелюди сами ответят за содеянное ими.

– Нет, Салбар, я знаю, что говорю. Я тоже отвечаю за них.

– Объясни тогда, почему?

– Эти трое, преследуемые саратайскими разбойниками, еле живые добрались сквозь песчаное пекло до границы пустыни. Я спас их, дав еду и воду, спрятав в надежном месте в предгорьях, пока саратайцы не ушли ни с чем восвояси. Приняв их в свой отряд, поставил для выслеживания путников и караванов. Я поверил им. Но как ошибся! Какими негодьями оказались они, какими бессовестными безбожниками...

– Нет, мой друг, зря ты так. На мой взгляд, твоей вины вовсе нет.

– Есть! Каждый в этом мире должен отвечать не только за свои прямые поступки, но и за последствия своих поступков. Поверив этим людям, я умножил зло. Позволил им ограбить слепого паломника...

– Но, Гурган, когда их искала саратайская погоня, неужели ты смог бы стоять в стороне, оставаясь безучастным свидетелем возможной беспощадной расправы над ними? Найди они их, в лучшем случае, оставили бы каждого без правого уха.

– Кто же знал, что тогда одни разбойники догоняли других таких же, разве что менее удачливых. И я не знал. Поэтому, как говорил один учитель-мудрец, как-то проходивший по этому пути: «Иногда лучше не вмешиваться в течение жизни. Пусть бы всё шло своим чередом... Вода не борется с вещами, и не совершает ошибок».

– Нет, друг мой Гурган, ты не одинок в своих вы-

водах. Я тоже всегда спасал слабого и заступался за сирого. И что ты не говори, чего бы мне ни стоило, буду делать так и впредь, – убежденно возразил Салбар. – Ну откуда человек может знать подноготную спасаемого им? Поэтому ты не виноват.

– Не знаю, что и думать, но этот случай на деле показал и доказал мне правоту учителя. Я совершаю ошибку, когда, не вникая в суть, вмешиваюсь во всё и вся, и нарушаю естественное течение жизни: «Мудрый не противоборствует ничему в жизни, поэтому непобедим».

– Тогда... пусть бы их убили на твоих глазах?

– Получается, так. И тогда сегодняшнее, ужасное по своей циничности, преступление не произошло бы. Мир был бы чище без этих разбойников. А я своими действиями предопределил это неслыханное деяние, невольно поспособствовал ему.

Они замолчали. Наступила такая тишина, что даже в ушах зазвенело, а костер, до этого спокойно горевший, с оглушительным треском выбросил высоко вверх сноп ярких искр.

Все переглянулись. Это значило, что духи услышали слова Гургана и выразили своё мнение... Хотелось бы верить, что если не восторг и восхищение, то – высшее одобрение воссияло в тот миг.

Вдруг трое разбойников, как по приказу, с нечленораздельными причитаниями пали ниц у ног Гургана, но тот, брезгливо отмахнувшись, ушел из круга света во тьму.

5. Ночной разговор

Салбар, постелив на камни медвежью шкуру, уложил мальчиков спать. Хойгуру не спалось, он то проваливался в забытие, то опять возвращался к действительности, в которой Гурган с Салбаром всё еще сидели у костра и тихо беседовали.

– Что-то не слышно твоих. Иди, проверь, не убежали ли? – сказал Гурган.

– Нет, спят, – ответил ему Салбар спустя некоторое время. – Я их надежно связал... Что будем с ними делать?

– Я же сказал – надо избавить мир от этих подлецов.

– Это понятно. Надо только обдумать, как сде-

лать это полочнее. Марать боевое оружие не хочется. А вешать – веревку жалко. Их ведь трое... Видимо, надо сделать проще. Например, забить камнями, как изменников. Это позорная смерть как раз для них...

Хойгур, слушая их, опять заснул, и ему приснился страшный сон, видимо, под впечатлением от услышанного. Показалось ему, что сидит в яме, сверху кидают в него камни, а он защищает руками голову и... от ужаса проснулся с мокрым лицом. В первые мгновения даже подумал, что это кровь, но обрадовался, обнаружив – не кровь, а всего лишь слезы.

У костра всё еще сидели Гурган с Салбаром, разговаривая и прихлебывая из чаш какое-то горячее варево.

– Я никак не могу понять, почему большинство людей постоянно лгут даже самим себе? Зачем? Ведь это невыгодно, ибо ложь всё равно обнаружится. Это же позор... – Гурган, видимо, так и не смог простить себе совершенную давным-давно ошибку, но тему избрал совсем другую.

– Да, это так. Правда, существует и иная сторона вопроса, – ответил Салбар. – Зачем человек говорит неправду? Конечно, может быть, по причине неведения или заблуждения. Но если осознанно, то, наверное, ради выгоды.

– Но какая выгода от неправды?

– А чтобы сознательно ввести противника в заблуждение, таким образом выгадать время и опередить его.

– Коротка земная жизнь. Не успеешь оглянуться, а она уже промелькнула. Чего тут хитрить-то?

– Ничего, Гурган, мы же ещё молодые. Всё у нас образуется...

– Кто знает, что нас ждет впереди. Рискованная жизнь может прерваться, когда угодно. Ведь жизнь поставила нас в положение дичи, нас все считают разбойниками, а настоящие разбойники, которые живут за счет ограбления всего населения Саратая, – якобы уважаемые люди. Наша вина только в том, что мы взбунтовались, возмущившись бессовестно низкими ценами, по которым принимали золото и камни. Нас все добытчики поддерживали, пока «уважаемые» не напустили своих прихвостней. Многих наших убили, а мы еле убежали. Вроде и власть всё же сменилась в

Саратае, а те богачи опять на своих местах и продолжают так же поступать с работниками. Потому у нас нет никакой надежды на мирный труд и достойную его оплату.

– Не говори так, надежда всегда есть.

– Может быть... Но, честно говоря, я устал надеяться... Видимо, где-то я сам виноват в том, что все обостряю излишними требованиями. Не прощаю людям их мелкие человеческие слабости. Вот потому сильные мира сего превратили меня в изгоя, который вынужден прятаться по горным норам.

– Ты ошибаешься, делая выводы обо всем мире по Саратаю, который и создавался по изначально разбойничьим правилам. А мир-то большой, в нём всякое, я уверен, есть.

– У меня на этот счет в голове разные мысли крутятся. Вот мы с тобой заступились за богомольцев. Им всего по семнадцать лет, а они пустились в такой прямо-таки гибельный путь, чтобы помолиться. Сами-то они по молодости лет еще не успели нагрешить, значит, они не за себя будут молиться, а за других.

– Да, так и есть. За себя любой молится, а я слышал, что настоящие богомольцы молятся за других, за целые роды и народы. И это, говорят, получается намного действенней...

– Наверное, грешно так думать, но я не могу избавиться от мысли, что Всевышний слишком запустил наш мир.

– Это почему же? – удивился Салбар.

– Ведь столько несправедливости, неправды и лжи накопилось в нём, что жить даже не хочется.

– Сказал тоже...

– Разве не так?

– Где-то, может, и так плохо. Но не везде же. Мир-то большой, а мы знаем только Саратай с его подлыми нравами. Есть же земли, где люди живут по справедливости, по правде. Саратай – еще не весь мир.

– Махтал тебе, мой Салбар... – глухо проговорил Гурган. – Мне было бы трудно без тебя.

– И мне не сладко пришлось бы.

– Я ведь только двоим здесь доверяю: тебе и хозяину Кюёх Ары – Окою. Он удивительный человек. Своей жизнью он даёт мне столько примеров для осмысления, что некоторые его поступки я понять и постичь не могу. Ты же знаешь, он мне по-

дарил этого удивительного скакуна, о котором я всю жизнь мечтал. Так вот я, желая отблагодарить, принес ему три мешка, один с золотом, другой с серебром, а третий с камнями. И что ты думаешь? Он не взял, говорит: мне незачем, они – источник опасности. Мы-то, может, над ними и не так трясемся, как другие, но и мы, всё равно ценим, дорожим и стараемся приумножать богатства...

Посмотришь на этого Окою и подивишься: с виду маленький, щедедушный, беспомощнейший человек, любой проходимец, завернувший к нему – господин для него. А вот после того, как он, подарив мне такую великолепную лошадь, отказался от вознаграждения, убедив меня, что все наши ценности не то что совершенно не нужны ему, а наоборот, являются лишь источником опасности – из-за посягательства алчных людей, я ощутил вдруг свою ничтожность, несмотря на то, что сам-то ещё могу постоять за себя и за других... Понял, насколько сильнее и свободнее этот маленький человек. А я-то... При всех талантах и немалых возможностях, я такой же участник великого базара, которым заправляют самые отъявленные мошенники, проходимцы и подлецы со всех концов мира, и разменной монетой для них жадность, алчность, предательство, продажность, а человеческая жизнь – ничто.

– И я... – вздохнул Салбар. – Был таким, как все. Всё принимал, как должное. Считал, что это нормально, когда бедные, которых большинство, львиную долю добытого отдают хозяевам. Особо не вникал ни во что, старался, и этой добросовестностью мечтал выбиться в люди. Сначала стать приближенным, потом – распорядителем у хозяев, и так дальше двигаться. Меня сразу заметили, определили в охрану. Я – дурак, ещё пуще стараться начал, следил за всеми, никому спуска не давал. И меня определили в старшие. Я был очень рад и горд этим. И сделали меня начальником отряда, который рыскал по непроходимым горным тропам, где ловил тех, кто пытался пронести с собой золото, серебро или камни. Меня хвалили, ставили в пример другим. Это еще пуще распаяло мое тщеславие, желание выделиться, выслужиться. Я месяцами пропадал в горах, изучая тайные пути бедных рудоносцев. Скольких я сгубил – не счесть!

Но однажды задумался: по какому праву кто-

то считает огромные золотоносные территории своей собственностью, и любого, кто подходит к ним, объявляют вором и начинают преследовать, словно зверя? А если поймают, мало того, что отнимают все добытое, но обязательно убивают. И понял, что я помогаю хозяевам в их чёрном деле, потому что «бескорыстное служение» моё поворачивалось против людей, в поте лица своего добывающих возможность жизни для близких.

И что же? Стоило так подумать, я сразу почувствовал опасность для себя от тех, кому служил, кому доверял, кого считал в доску своими, потому что, узнай они хоть часть моих мыслей, тут же убили бы меня. Это меня просто сразило. Иначе не скажешь. Как это так? Люди, которым я доверял, вместе с которыми всего себя отдавал службе, с кем делил последний кусок – вдруг в один миг делают из тебя кровного врага и готовы уничтожить, только потому, что ты становишься самостоятельным, начиная думать не так, как они. Проявляешь инакомыслие... Ты всего лишь думаешь иначе. А уже – смертельно опасен! Как возможны такие изменения в человеческих отношениях?

– Дорогой мой Салбар... Я стараюсь понять тебя, – раздался глухой голос Гургана. – Но, признаюсь, что порой мне трудно сделать это. И я знаю, почему мне многие вещи непросто понять – я на жизнь смотрю намного проще тебя. Судьба сурово помотала меня. Все мы прошли через саратайские правила жизни. Те, которые приняли их законы, остались прислуживать им, а тех, кто активно сопротивлялся – убили, редкие выжили и убежали, как мы с тобой. Они нарекли нас разбойниками и время от времени посылают карателей, чтобы выслеживать. Сами при этом предстают в глазах людей как благообразные, уважаемые, почтенные и безгрешные...

– Обидно... Но ума не приложу, как открыть людям глаза.

– Я думаю, все умные люди знают правду. Но их запугали, и они вынуждены молчать и заискивать перед богатыми бандитами. Богатые очень удобно и хитро устроились в этом мире. Никто не указ им, даже правителей – своих ставленников – ни во что не ставят.

– Надо же! – удивленно воскликнул Салбар. – А тогда почему же они у них так часто меняются?

– А потому, что они, эти так называемые правители, даже себя не могут защитить. Они у них как шапки, которые можно легко и просто менять, сообразуясь со временем года.

– Странно... Как это так? Ведь наемная армия и внутренние войска, на которых все держится, подчиняются только правителю. Так или нет?

– Так-то вроде так, но на деле получается, что совсем не так.

– Ну вот, даже ты говоришь – то так, то эдак, – сказал Салбар обиженно, повысив голос. – Ну, как это так? Как можно жить в этом мире, где не разбираешься, где – правда, а где – ложь!

– Дорогой мой, мне тоже очень хотелось бы жить там, где все просто и ясно. Но в обычной жизни получается так, что всё намешано, напутано... и ой как непросто разобраться в этих жизненных хитросплетениях.

Стараясь вслушиваться в каждое слово, особенно стал внимателен Хойгур, когда речь зашла о правителях Саратая, хотел что-то услышать об «учителе» Окуне. Они же точно его знали. Но его даже не упомянули. Значит, он ничем, совершенно ничем не выделялся в черед своих предшественников. Это печально удивило Хойгура. Он считал его выдающимся правителем Саратая. А оказалось, что даже такие необычные люди, как Салбар и Гурган, ничего замечательного в нем не увидели, и был он, как все горе-правители, которых меняли как шапки...

Хойгур горько вздохнул: «Надо же, как сложен и многозначен мир. Вроде бы мы всё видим, слышим, ощущаем. И уверены, что всё знаем. Оказывается, многое недоступно нашему пониманию. И скрыты эти знания глубоко и далеко от видимого и слышимого. Мы заблуждаемся, когда, почувствовав малейшее превосходство над кем-то, пытаемся унижить или обидеть».

Вот хотя бы вчера. Как себя вели с ними трое разбойников? Сколько самоуверенности и спеси было в каждом их слове, действии, позе! А вот прискакали Гурган и Салбар, и они даже не сделали малейшей попытки сопротивления им. У них было оружие, и они могли защищать себя. Но рядом с сильными и властными превратились в безвольных, дрожащих от страха рабов. А теперь, связанные, ждут своей заслуженной участи.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

Послушав разговор своих всемогущих спасителей, Хойгур понял, что и они далеко не всемогущие, что миром правят неподвластные никому на земле злые силы. Оказывается, даже правители Саратая – слабаки.

Что далеко ходить, даже он – всего-навсего ничемнейший поводырь – получал немислимое удовлетворение, когда в игре обманывал Акола – внука могущественного сегуна, а за едой брал себе лучшие куски, а ему – оставлял менее сытные. И он – дурак полнейший, был уверен в те мгновения, что слепой ничего не видит, и его можно спокойно обманывать. А оказалось, что тот ощущал каким-то непостижимым образом намного больше и глубже, чем он – зрячий. Удивительный человек этот Акол!

Хойгур посмотрел на Акола... Тот дышал ровно и, казалось, крепко спал, хотя и с открытыми глазами. Но Хойгур все равно с опаской косился на него, потому что уже не раз убеждался, что этот мальчик далеко не так прост, как кажется. Весьма возможно, что он не спал и всё слышал.

– Смотри, скоро утро, уже заря занялась.

– Хорошо мы с тобой проговорили... – подытожил Гурган.

– Хорошо-то хорошо. Да разговор получился тяжелым. После такого разговора пропадает весь смысл жизни. И начинаешь мучить себя ненужными вопросами: «Ради чего и во имя чего жить? И стоит ли вообще жить в этом подлом мире?..»

– Иногда я тоже так думаю. Но что делать? Чище и возвышеннее всё равно нет. Имеем то, что имеем, и нам придется смириться с тем, что есть.

– Вот ты, дорогой Гурган, человек сильный во всём. Ты в любой обстановке умеешь держать себя. А я – нет. Я часто теряюсь, и тем выдаю свое внутреннее состояние, например, несогласие или неприятие. А пронизательные люди это сразу видят.

– Ладно, нашел, о чём переживать. В добропорядочном, благополучном обществе Харатая искренность и честность, там именно так называются эти качества, особенно ценятся. А здесь, в Саратае, совсем наоборот. Не умеющие притворяться и скрывать свои мысли сразу попадают впросак и становятся изгоями. Тут нужны совсем иные качества. Жизнь требует, чтобы мы становились как все, или, хотя бы, как большинство...

– Это значит, что в подлом, предательском обществе Саратая надо быть...

– Да... Тут кто успел первым предать, тот и оказался на коне.

– О, ужас! Не хочу я жить с такими людьми, хотя я здесь и родился.

– Я тоже. Земля широка и люди в ней разные и по-разному живут. Мы уйдем отсюда.

– И куда же?

– Конечно, на родину предков – в Харатай, хотя в свое время они ушли оттуда по разным причинам: кого изгнали за провинность, кто-то сам устремился на заработки. Пусть трудно будет сжиться с их правилами, но мы все стерпим и сумеем.

– Хорошо, Гурган! Когда ты рядом, я все выдержу. А без тебя сразу начинают одолевать сомнения. Главное – держаться вместе.

– Ну, всё, уже светает, давай собираться. Надо еще хорошенько снарядить паломников в путь, а потом определиться, как быть с этими негодьями.

– Мы, вроде, определились вчера...

– Давай еще раз хорошенько проучим... и отпустим. Может, они образумятся? Люди же, – сказал Салбар.

– Нет. Нельзя таких отпускать, – твердо ответил Гурган. – Знаешь, почему?

– Почему же?

– Чтобы не плодить зло, надо пресечь его на корню. Если сейчас по доброте душевной их отпустим, то это будет на несчастье очередным беспомощным путником.

– Да, ты прав. Я согласен и всё сделаю, как надо, – ответил другу Салбар. – Я уже всё продумал.

6. Светлое утро

Когда мальчики проснулись, никого рядом не было. Хойгур оглянулся вокруг и даже присвистнул от неожиданности. С крутого берега спускался Гурган, в руках он держал огромную птицу, оказавшуюся глухарем. По улыбке охотника было понятно, что он очень доволен.

– Смотрите, хозяин тайги – Баай Байанай – прислал вам подарок на царский завтрак! Вот это удача! Это к добру. Бог вам поможет, и всё

у вас пройдет удачно, хоть временами и будет трудно.

– Дядя Гурган! Можно мне поддержать его? – со смущением спросил Акол.

– Конечно, дорогой, держи! – Гурган с открытой улыбкой протянул ему птицу.

– О-о, он еще теплый! – воскликнул Акол, внимательно поглаживая перья глухаря, а затем прижав его к себе. – Какой он большой и красивый.

– Считается, что по значимости такая добыча приравнивается к поимке самых крупных зверей: лося или медведя, – Гурган был счастлив. – Сейчас я вас попотчую по-царски! – и сам усмехнулся сказанному. – Бедные цари, я уверен, что мало кому из них доводилось попробовать такую вкуснятину.

Гурган сам ощипал, распотрошил птицу и сварил ее в котле. Готовое мясо разложил на бамбуковых подстилках.

– Ох, как приятно быть слугой у честных людей с высокими помыслами! Вы этого не можете пока понять, потому что никогда еще вам не доводилось прислуживать подлецам.

В это время подошел хмурый Салбар и молча сел в стороне. Они с Гурганом о чем-то коротко поговорили. Хойгур сразу догадался, куда и зачем он ходил, но вида не подал, тайком наблюдая за ним.

– Кто это? – спросил Акол.

– Это один из наших спасителей, – ответил ему Хойгур, и по его спокойному, почти безразличному выражению лица понял, что ночной разговор он не слышал.

Когда мальчики вдоволь поели и стали собираться в путь, Гурган удовлетворенно заговорил:

– Я покажу путь, по которому вам следует идти. Примерно к полудню справа от вас окажется незаметный на первый взгляд распадок, вот по нему и двигайтесь дальше. Нам, простым смертным, по тому пути идти нельзя».

– А почему же? Что вы слышали о запретном перевале? – Акол тихо спросил.

– Про многое мы насышаны. Чего только не говорят о всяких непонятных ужасах, поджидающих редких удальцов, решившихся пуститься в путь по этому перевалу.

– Кто же эти удальцы? Зачем они туда рвутся? Разве они паломники?

– Нет, паломников мы не встречали здесь

прежде ни разу. Просто слышали о них всякие легенды. А те, что туда рвутся – обычные золотоискатели. Они убеждены, что если путь запретный, значит, там навалены горы золота. На самом деле ничего о тех краях неизвестно, потому что из ушедших туда никто и никогда не возвращался.

– Удивительно! – воскликнул Акол. И сразу же спросил: – А что это за голоса раздаются свьше?

Действительно, высоко в небе кружили вороны, орлы, а еще выше – неподвижные, поэтому зловещие фигуры огромных грифов.

– Вороны, – сказал Хойгур.

– Еще слышен чей-то клёкот.

– Орлы... – Хойгур при этом промолчал про грифов. – Они высматривают добычу.

Затем, чтобы сменить тему, спросил:

– Что же могло случиться с золотоискателями?

– Ничего не знаю об этом. Но если никто из ушедших не возвращается, то, возможно, они погибают. Не зря же говорят, что туда нельзя ходить, непосвященных духи не пускают. Говорят, там не только крутые скалы перекрыли дорогу, но еще и друг за другом семь или девять непроходимых перевалов надо преодолеть.

– А мы как же? – Хойгур испугался, услышав подобные ужасы. – Как же мы пройдем-то? Может быть, есть обходной путь?

– Нет другого! По всем признакам, мы идем верной дорогой, – твердо молвил Акол и сделал это так уверенно, словно он тут некогда уже бывал и теперь постепенно узнает эти места.

– Ну, если вы убеждены в верном выборе пути, тогда – вперед, – сказал Гурган, с восхищением оглядывая слепого. – Можно, я поведу вас? Мне никогда еще не доводилось быть поводырем.

– Если хотите...

Гурган, несмотря на возражения, легко накинул себе на плечо мешок с поклажей. – Дорога у вас впереди долгая и трудная, еще натаскаетесь.

И, взявшись за посох, повел слепца.

– Всё-таки меня одолевают сомнения о проходимости перевалов, – неуверенно сказал Хойгур, ступая рядом. – Как же мы их преодолеем?

– Ничего... Главное – верить... – твердо сказал Акол. – Сомнение подкашивает дух, а вера его укрепляет. Мы обязательно дойдем, преодолев все препятствия.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

– Вот это правильно! – подбодрил Гурган, стараясь идти ровнее. – Надо верить в себя и упорно продвигаться вперед. Я много раз убеждался, что даже в совершенно безвыходном положении, если держаться выбранного направления, всегда находится выход.

– Да. Так и должно быть... – твердым голосом сказал Акол.

– Ах, как бы я хотел идти вместе с вами, помолиться там! – с волнением в голосе, но с некоторым смущением воскликнул Гурган. – Но я не только чувствую, но и понимаю – с вами мне нельзя. Рад бы в рай, да грехи не пускают. А как хотелось бы! Я прошу вас, если можно, помолитесь там за меня.

– Конечно, помолимся, – особо не вникая в просьбу, ради приличия, ответил Хойгур, ибо он был во власти сложных чувств, овладевших его душой. С одной стороны, за ним было не меньше греха, чем у кого бы то ни было. В последние дни пути его даже угрызения совести начали мучать: «Ну, зачем?!. Зачем я столько нагрешил? Врун несчастный! Делал же это чаще всего из-за вредности характера, просто так, без всякого расчета и умысла». Но, с другой стороны, ему почему-то стало приятно, когда Гурган признался в своей греховности и беспомощности по пути к святым местам. Сказал эти слова такой сильный и с виду совершенный человек – вот в чем суть, а значит, и ему – слабаку-мальчишке – не только возгордиться, но и покаяться самое время. Неизвестно, какие у Гургана грехи, но он сам счел невозможным идти к святым местам. А он, Хойгур, идет и еще смеет вести туда, можно сказать, святого человека.

7. Дорога ведёт вверх

Гурган попрощался с паломниками у самого начала распадка, который дальше ощутимо устремился вверх. Дорога с каждым шагом становилась круче. Хойгур несколько раз оглянулся. Гурган всё стоял, наблюдая за уходящими, пока их фигуры не исчезли за очередным поворотом.

Распадок оказался довольно широким, поэтому мальчишки шли рядом. Дно устлало одинаковые по размеру кремнистые камни, и оно было

настолько ровное, что казалось нарочно кем-то высланным. Если к вечеру удавалось добрести до очередного ручья или родника, то оставались ночевать. После восьми дней пути они вышли к открывшемуся их взору перевалу. Со всех сторон громоздились огромные хребты. А впереди сливались с небесами снежные вершины Куньлуня. Восхитительное это величие подавляло. Неизвестно, мог ли чувствовать это Акол, но Хойгур от переполнявших его чувств прямо сейчас бросился бы в обратную сторону, если бы не знал о судьбе ограбивших их разбойников и не боялся встречи с Гурганом.

Теперь время от времени приходилось не просто идти вперед, а карабкаться, поддерживая друг друга. Акол, хотя и не видел ничего вокруг, странным образом вовремя предлагал наилегчайшее направление движения, чтобы проще было обойти препятствие. Но, несмотря на это, Хойгур уже несколько раз срывался и больно падал.

Так прошло еще пять дней пути, которые могли показаться невыносимыми только от незнания будущих трудностей.

Это стало понятно с началом особенно крутых подъемов. Их приходилось преодолевать при помощи кожаных веревок и лестницы из бамбуковых палок, заблаговременно подаренных Гурганом. Хойгур тогда не понимал их предназначения и всё отнекивался: «Лишний груз, лучше взять продукты...» С большим трудом удавалось пройти в день около двух-трёх ли.

В один из вечеров на привале Хойгур с печалью подумал, глядя на подернутый дымкой восток: «Наверное, это путь только в одну сторону. Вряд ли возможно повторить его и вернуться обратно».

Особенно страшно ему было на горной дороге. Он жил в степи, овраги которой нельзя было даже рядом поставить с теми ужасными пропастями, которые они чудом преодолевали в последние дни. Иной раз Хойгур зажмуривал глаза и тут же начинал завидовать Аколу, что тот не видел эти ужасы, и, возможно, поэтому всегда оставался невозмутимо хладнокровным и никогда не терял самообладания.

Хойгур, как всякий дворовый мальчик, с самого раннего детства был приучен к тяжелому физическому труду, таская дрова, кизяк и воду для

домашних нужд. А Акол – убогий внук сегуна, по слепоте своей должен был целыми днями сидеть в тени и тепле. Но поразительно было видеть, что именно он ловко карабкался вверх по крутой скале, почти не уставая. Однажды он полез первым, а Хойгур в нужную минуту подставлял плечо, давая ему опору. Неожиданно Акол сорвался и повис на руках, внизу под ним зияла такая пропасть, что страшно было заглядывать в нее. Хойгур, взвизгнув от ужаса, почти по отвесной скале каким-то невообразимым образом оказался выше Акола и чудом вытянул его.

Потом оба, лежа на гладком камне, пытались вспомнить подробности чуть не случившейся трагедии. Но, к сожалению, никто из путников не мог их припомнить. Аколу показалось, что когда Хойгур вытягивал его вверх, снизу кто-то подставлял опору ему под ноги, но там точно ничего и никого не было. Только пропасть зияла, как разверстая пасть хищника. Хойгур при этом хорошо помнил, как в решающий миг ему почудилось, что кто-то подсобляет сзади, помогая вытягивать Акола. Так ни к какому выводу они и не пришли. Только счастливо и устало рассмеялись.

8. Страх

К тому времени начало смеркаться.

Дружными усилиями путники вытянули за веревки свою поклажу наверх и решили тут же переночевать, слегка перекусив кусочками сушеного мяса.

На западе в полнеба алел огненный закат, а когда он погас, звездная ночь нависла над ними, и некоторые звезды по самому краю неба оказались ниже их площадки. Хойгур подумал, что они на вершине мира, но не стал говорить об этом вслух.

Акол, кажется, сразу заснул. Поводырь так и не научился понимать, спит он или нет, потому что тот дышал, бодрствуя, так же ровно. А Хойгур долго не мог унять возбуждение и страх в душе, дрожь то и дело пробегала по телу.

В голову лезли всякие мысли, одна страшнее другой. Но после столь чудесного спасения его куда больше беспокоило ощущение, что они

здесь не одни... Кто-то невидимый явно присутствовал рядом и, кажется, даже не один.

Страх, необъяснимый, неподвластный ему всё нарастал и в итоге овладел им настолько, что он готов был вскочить и убежать. Но куда? Кругом не только тьма и глядящие прямо внутрь тебя звезды, но он помнил это очень четко – невообразимой глубины пропасти. На равнине он бы давно уже спрятался где-нибудь, зарылся с головой хоть в стог сена, укрывшись любимым куском кожи или ткани, и под стрёкот кузнечиков или крик ночной птицы уснул. А здесь – не только тьма придавливала все тело к остывающей скале, но ещё и новое ощущение своей малости, беззащитности, телесной немощи.

Хойгур не мог унять дрожь. Его трясло от страха. Страх был намного сильнее его, могущественнее его воли, которая и раньше у него была не ахти.

Одна мысль вертелась в голове: «Всё, теперь мы точно пропали. Погибель наверняка уже ждет нас». Он вспоминал, сколько гибельных случаев кое-как удалось им миновать, будучи, казалось, на волоске от гибели. Понимание, что вечно так продолжаться не может, крепло с каждой минутой. Надо бежать отсюда, хотя бы самому спастись, если Акол не захочет вернуться назад с ним. Но куда идти? Только назад. Впереди – неизвестность. Впереди – смерть. Назад? Да! Там – знакомое и пройденное, а впереди – сплошная неизвестность...

Он никогда не думал, что горы, издали такие красивые, покрытые голубой дымкой, вблизи окажутся такими зловещими, безжизненными и пустынными. Тут даже кусты не растут, только голые камни упираются друг в друга плечами. Никакая живность не водится, даже птицы пролетают редко.

Нет, надо бежать отсюда. Надо спастись. Пропади все пропадом, ничего здесь нет – ни святынь, ни богов, одна погибель ждет на каждом шагу...

А внизу столько жизни... Там и спрятаться всегда можно в гуще привычной зелени. Там и напиться вдоволь, и никто тебя не остановит, чтобы ограбить. Как же ему захотелось в этот миг прожить лишний день на воле, еще немного насмотреться на степь, на ставшую родной природу, а

там – будь что будет. Хоть на часок перенестись бы домой...

«Бежать... Спасаться... Бежать...» – твердил Хойгур, как заклинание.

Но вдруг стыдливая мысль об Аколе, словно нашептанный ему кем-то, заставила изменить этот поток нервного разговора самого с собой. «А этот? Он же сразу пропадет без меня! В первую же пропасть свалится... А погибни он, поводырю, если даже и выживет, там внизу не дадут никакой жизни. Сегун Турар и еще более страшный мегеней Бабыр найдут его где угодно через своих многочисленных ищеек. Но это потом... До этого ему еще придется дожить».

Еще здесь внизу он должен ухитриться проскочить мимо Гургана и Салбара. Их тоже не обманешь. Они сразу поймут, что он бросил слепца, и расправятся с ним...» – Хойгур с ужасом представил, как будут терзать его безжизненное тело огромные грифы. Почему-то особенно ясно увидел он их кривые зловещие клювы... И в очередной раз зажмурил глаза.

«В общем, положение безвыходное. И бежал бы, но – некуда. Нигде нет спасения, куда не подайся – ни впереди, ни позади...»

Оказывается, эта безысходность угнетает еще сильнее: как же непереносимо, когда у тебя вообще нет никакого выбора!..

9. Переправа

Наконец-то наступило долгожданное утро.

Акол проснулся, с удовольствием потянувшись всем телом, сделал несколько движений головой, словно оглядывая синеющие дали вокруг.

Хойгур, чтобы преждевременно не расстраиваться, не поднимая глаз от камней, стал готовить завтрак: из мягкого бычьего пузыря достал сушеный хурут, отсчитал по две штуки каждому, и засунул свой кусок в рот. Только с наслаждением перекачивая во рту твердый хурут, сразу же напомнимший ему о доме и уюте, он дал волю своему любопытству. Вначале посмотрел назад. Там громоздились, заслоняя друг друга, хребты. Он не мог объяснить себе – каким образом им удалось пройти через такие громадины. Ему не верилось,

что он смог сделать это... Воспоминания о перенесенных трудностях сделали невозможным даже мысль о побеге. Хойгур тяжело, но с каким-то облегчением вздохнул: всё... Решено не им, но выполнять ему. Теперь ничто не заманит его назад. И что еще важнее – дорога назад вовсе не проще. Стоит только посмотреть вперед, не боясь, и поймешь, что там – такие же горы и перевалы. Точно такие же. Нужно смириться и идти вперед.

Конечно, впереди их ожидает множество новых невероятных приключений. Уж сколько преодолевали всякого из последних сил, но испытаний меньше не становилось.

Юноши привычно собрали вещи и пошли дальше. По Хойгуру и не сказать было, что всю ночь его мучили кошмары.

Прошли всего-то шагов триста от места ночлега, и опять новое препятствие – русло реки глубоко врезалось в скалу.

Какова же была его радость, когда Хойгур чуть правее обнаружил дерево, ведущее через реку на другую сторону горы! Видимо, когда-то давно, судя по состоянию дерева, люди уже воспользовались им.

Хойгур, наученный горами не спешить, стал тщательно готовиться к переправе. Во-первых, крепко перевязал поклажу и, закрепив другой конец веревки за огромный камень, перебросил ее на другую сторону.

– Полдела сделано, – сказал он вслух.

Опясав Акола вокруг груди веревкой, усадил его за большой валун. Сам же обвязался другим концом вокруг груди и с опаской, но вполне уверенный в своих силах, шагнул на ствол. Он больше опасался, что дерево может надломиться, и тогда он, сорвавшись, повиснет на веревке над горной рекой. Если же сам оступится и свалится, то опять же должна спасти веревка. Так, убеждая сам себя в невозможности неудачи, он благополучно переправился через реку. За ним пошел Акол, и как всегда – очень уверенно, казалось даже, без всякого волнения.

Видимо, от звука шумящей глубоко внизу воды захотелось пить. Но где они, и где – вода... Третий день терпели, деля последние запасы на маленькие глоточки. В надежде найти родник, Хойгур заглядывал в каждую впадину. Но всё было тщетно.

Паломники медленно продвигались под уклон по извилистому распадку. Растительность пропала давно, и вокруг простирались лишь голые скалы. Осторожно выбирая дорогу, опасаясь неожиданных преград и опасностей, путники шли вперед. Но Тэнгри смилостивился – то тут, то там стали появляться низкорослые кустарники, а затем другие, совсем незнакомые им, растения.

И тут Хойгур в небольшом углублении скалы обнаружил чистойшую воду. Он зачерпнул её березовым туюском и первым делом преподнес Аколу.

– Какая вкусная вода! – воскликнул тот и, выпив чуть меньше половины, протянул туюсок Хойтуру.

– Нет-нет, допивай до дна, там еще есть, – чуть ли не впервые за время пути благородно соврал Хойгур. Луночка была небольшая, и ему хватило только на глоток, да еще пососал мокрый мох. Но странное ощущение пришлось ему испытать в этот миг – приятно совершить что-то доброе, поступить благородно, а что еще важнее – никто этого не видел, и похвалы ждать было, конечно, не от кого.

Оказывается, это доселе незнакомое ощущение совершённого добра придаёт человеку прилив необъяснимой бодрости и силы, захотелось немедленно что-то делать.

Хойгур, сдерживая чувства, вырывающиеся наружу, не произнес ни слова, а намеренно двигался медленнее, степеннее, продумывая каждое движение.

Местность изменялась. Перед ними открылось пологое пространство, устланное огромными округлыми камнями, словно вода мощным потоком прикатила их с самых вершин, обтачивая и ровняя, пока не испарилась, может быть, от трения тех же самых камней друг о друга. Кое-где попадались торчащие небольшие пики, но между ними совсем нетрудно было пробираться.

Округлые камни, показавшиеся сначала удобными для хождения по ним, на самом деле очень затрудняли ходьбу. Акола постоянно надо было поддерживать, ноги его соскальзывали, а сам он так и норовил упасть. Поэтому скорость их передвижения опять снизилась, проходили в день не более двух ли.

Зато между камнями часто удавалось найти

воду. Мальчики смело стали питаться сушеной рыбой, которую никак невозможно было есть без воды: иначе жажда сводила с ума.

Очень скоро они ощутили влияние высоты, о которой предупреждал Гурган. Каждое движение доставалось с трудом, после переходов приходилось долго восстанавливать дыхание. Воздух, казалось, стал жиже. Они часто и жадно хватали его раскрытыми ртами, но его явно не становилось больше.

10. Ночь у родника

За четыре дня упорного пути удалось продвигаться совсем немного, но однажды Хойгур увидел впереди высокий перевал. Он долго вглядывался, хотя издали многого разглядеть было нельзя.

Чем ближе был перевал и круче шла тропа, тем меньше становилось крупных камней. «Каменная река» осталась позади, потому идти стало намного проще, хотя склон и устремлялся ввысь.

Им опять повезло. Набрели на родник между камней и, не долго думая, решили отдохнуть у воды перед очередным сложным подъемом. С каждым прожитым днём путешественники становились намного опытнее, и теперь неизвестность не то чтобы страшила их, она заставляла готовиться к предстоящим тяготам – копить силы. Никто не мог подсказать, что их ждет впереди: будет ли вода, найдут ли какую еду.

Из собранных по пути веток Хойгур разжег костер и сварил суп из кусочков сушеного мяса и крупы. За последние дни впервые поели горячее, насытившись – завалились спать.

Утро наступило неожиданно. Полностью восстановить силы не удалось, но путники и не надеялись на это. Разогрев вчерашний суп, с удовольствием поели перед дорогой. Хойгур еще вчера решил, что будет идти, не поднимая головы. Вот и шел он, уверенно держа посох Акола, глядя только под ноги. Он страшился этого перевала – сколько их осталось позади, но этот был особый, а чем – не понять. Даже смотреть на перевал не было у него решимости. Он всем существом своим ощущал: что-то зловещее там

– за этим перевалом – ожидает их. Хотя неизвестно, хватит ли у них сил преодолеть его. Эта неизвестность странным образом успокаивала его. Будь что будет!

Ноги едва двигались. Оба задыхались. Разреженного воздуха не хватало, но упорства от этого в них не уменьшалось. На изредка попадавших ровных участках шли рядом, упираясь плечо в плечо, и тогда, казалось, особенно громким было их дыхание. На опасной крутизне Хойгур крепче брался за конец посоха, хотя сил становилось все меньше. В начале пути он куда ощутимее помогал Аколу. С каждым шагом Хойгур становился слабее, поэтому уже не Акол тянулся за посохом, а Хойгур всё чаще опирался на него, особенно на крутых и опасных участках. Раньше Хойгуру хватало сил подробно рассказывать о дороге, уточняя, какое препятствие им придется преодолеть или какого вида и очертаний камни лежат по сторонам. Но высота отнимала последние силы и не давала ему говорить. А еще ему показалось, что Акол наловчился чувствовать через посох любое препятствие. Бывало так, что именно он советовал своему поводырю, как проще преодолевать очередную преграду. Иногда трудно было понять, кто из них кого ведёт.

Останавливаясь отдышаться, пошатываясь от усталости, а главное, задыхаясь от нехватки воздуха, Хойгур всё с большим усилием заставлял себя идти дальше.

Вскоре, выбившись из сил, в изнеможении повалился он на большой, жаркий камень.

– Отдохни, и потихоньку пойдем дальше, – сказал Акол. – Нельзя так изнурять себя. От этого сил уходит больше, а пользы меньше.

– Почему же? Мы же больше проходим.

– Нет, лучше идти медленнее, потихоньку. Так надежнее и безопаснее. А когда идешь быстро – устаешь больше, да и в изнеможении можешь упасть, ушибиться. Нам нельзя покалечиться. Особенно тебе!

– Да, если тут что-нибудь случится с ногами, то мы пропали...

Хойгур печально вздохнул и представил себе, как его кости будут валяться между камнями. И через много лет очередной паломник увидит их и содрогнется. Но скорее всего, никто сюда во-

все не забредет. Кому надо забираться в такую высь? Долго придется таких дураков ждать.

Скорее всего, даже никаких костей от них не останется к тому времени. Потому что их съедят эти огромные страшные грифы. Он слышал, что они заглатывают куски плоти целиком, отрывая её от тел. Какие могут быть кости?..

Невеселые, но в их положении очень даже жизненные мысли: «Вот почему я смотрел на этот белеющий издали перевал со страхом. Силы иссякают. Скоро ноги не смогут идти дальше. А надо как можно скорее покинуть это зловещее место. Здесь нет воды, чтобы хотя бы промочить горло, всё меньше воздуха, и всё труднее дышать. Воды между камнями мало, она очень быстро испаряется под палящим солнцем. А дождей здесь и вовсе почти не бывает, облака остались где-то внизу. Так высоко они забрели. А воздух, воздух, о котором никогда прежде он и не думал, тот самый воздух, незаметный на равнине, и тут вроде бы есть, но почему-то стал жидким, и никак не удается им надыхаться. Здесь всё, каждое движение, даётся с трудом. Слабость по всему телу разливалась такая, что ничего не хотелось делать. Желание было лишь одно – лечь и не подниматься никогда. Но вокруг обжигающие, даже через одежду, камни, источающие невыносимый жар, долго не пролежишь. Тут Хойгур неожиданно для себя улыбнулся, вспомнив, как сушил рыбу. Так что долго здесь не полежишь, высохнешь.

Даже устав до такой, неизведанной прежде, степени, он хотя и не сразу, но заметил, что нигде не было земли – мягкой, живой, покрытой дёрном, приносящей росу по утрам. Всё это осталось далеко-далеко. А где – и представить было теперь невозможно. Вот бы пройтись по цветущему полю, поваляться среди разнотравья, вдоволь надыхаться ароматом совсем недавно не замечаемой им земли. А еще мечталось припасть к ручью и пить... Пить, погрузив лицо в воду, не закрывая глаз, рассматривая камушки на дне и колышущиеся травинки!.. Какое это было бы счастье! Не понимал он этого прежде. И никто, наверное, в сей миг живущий внизу, в долине, в степи – в этом изобилии – не понимает, не ценит обычного своего счастья. Это – возможность дышать вдоволь, полной грудью, пить чистую, прохладную, вечно струящую-

юся куда-то вдаль воду, отражающую в себе не просто небо, а небо, под которым он жил иногда счастливо и беззаботно, несмотря на все невзгоды и мытарства, выпавшие на его долю.

Неужели, чтобы понять эти простейшие вещи, надо переться в такую даль, забраться на эту умопомрачительную высоту, смотреть на облака сверху вниз, словно птица.

Наверное, только так и можно понять эти простые жизненные истины, через постижение всем своим существом, почти умирая от жажды и удущья. Почему почти? Вот она – смерть. Вот она. Он чувствовал ее присутствие рядом уже не первый день».

11. Очередное предательство

Хойгур стряхнул наваждение и, пошатываясь, встал. В глазах рябило. В голове была одна мысль: назад! Но куда? Теперь он четко понимал – куда... Туда, где можно свободно вздохнуть, где можно капелькой влаги намочить потрескавшиеся от жажды губы.

Акол, обеспокоенно оглядываясь, словно что-то почувствовав рядом, тоже встал и... протянул ему свой посох. Хойгур вначале отпрянул от посоха, затем, взявшись за него обеими руками, выхватил и закинул далеко вперед, будто они с Аколом должны были наперегонки устремиться за ним. Но сам вдруг пустился бежать в обратную сторону. Ему только казалось, что он бежит, а на деле «бежал» почти на четвереньках, то и дело падая лицом на камни. И никак не мог остановиться. Даже когда руки перестали держать, он продолжал ползти дальше, отталкиваясь из последних сил, то одной, то другой ногой.

– Остановись, куда же ты? Хойгур, вернись... – не кричал, а еле слышно звал его Акол. – Осталось совсем немного. Всего ничего... Я понимаю и не осуждаю тебя, но – вернись. Тебе тяжело, но что делать, скоро минует и этот перевал. Еще немного надо потерпеть. И ты сам не поверишь, мы попадем в иной, Верхний мир. А оттуда рукой подать до нашей цели.

Хойгур не понимал, слышал ли он на самом деле Акола или ему казалось, не смог бы он и от-

ветить, долго ли ползет вниз по камням. Всё закончилось мгновенно – он потерял сознание.

Когда поводырь очнулся, то долго не мог понять помутневшим сознанием, где он. Его окружала только темень, даже звезд на небе не было видно. Но куда больше он испугался другого – охватившего его беспомощности: кто он, откуда, где, зачем? Ясно было только одно – он очнулся, очоченев от адского холода. Попытался встать и идти, но как в такой тьме узнать, в какой стороне верное направление...

Память возвращалась картинками: он увидел себя, отбрасывающего посох и ползущего по склону в обратном направлении. Неизвестно было, далеко ли ему удалось оторваться от Акола, но, видимо, расстояние было приличным.

И тут Хойгур понял, что совершил очередной грех – он вновь совершил предательство. И на этот раз его поступок мог оказаться непоправимым.

Если раньше он оставил слепого на съедение волчице, то теперь оставил своего господина одного на тропе в горах на верную погибель. Выискивая себе оправдание, он подумал, что, находясь в здравом уме, никак не должен был совершить такое. Но ведь совершил, значит, у него было явное помутнение сознания.

Как теперь быть? Акол погиб. И впервые Хойгура больше угнетало не грядущее наказание людей, а ощущение страшного греха! Того греха, который он сам себе никогда не простит... Нет – жизнь, купленная такой ценой, ему не нужна. Она того не стоит. Почему именно его судьба сложилась таким несчастнейшим образом? Что теперь делать? Вокруг стояла беспросветная мгла, нельзя было рассмотреть даже ладонь вытянутой руки. Он представил, что вдруг ослеп. Вот, оказывается, в какой беспросветности пребывал всю жизнь бедный Акол. Днем и ночью. Для него рассвет никогда не наступал. А теперь он где-то во тьме один – бродит или сидит, если жив, брошенный своим поводырем, которого он самолично выбрал из двух десятков вызвавшихся в проводники. Какой позор!

Надо быстрее найти его, но как? Как найдешь слепого в такой тьме?

Тут Хойгур сообразил, что надо определяться по уклону перевала. Нужно идти вверх.

Но идти в темноте по камням оказалось почти невозможно, передвигаться пришлось на четвереньках. Так и полез вверх. Совсем скоро он понял, что далеко, таким образом, не продвинуться, и надо смиренно ждать рассвета...

Холод опять напомнил о себе, вспомнилась брошенная поклажа, где была припасена кое-какая одежда и шапка. Без них двигаться дальше тоже будет невозможно. Надо бы их найти.

Вдруг он услышал где-то в стороне – и показалось ему, что не совсем рядом – крик незнакомой ночной птицы. Надо же... Откуда тут – на такой высоте – могут быть птицы? Разве что хищные. И Хойгур представил себе, что это страшные грифы... Он уверял себя, что это они подкарауливают беспомощных путников и...

Ужас охватил Хойгура, и он незнакомым даже себе голосом протяжно закричал. Крик его постепенно перешел в вой...

Каково же было его удивление, когда кто-то совсем близко отозвался на его крик. Кто это? Может, птица или зверь какой? А может?..

Хойгур закричал опять. Прислушался... Но на этот раз ему никто не ответил, вокруг стояла гулкая темень и звенящая тишина.

– Акол... Акол, дорогой! Где ты? Отзовись! Это я, Хойгур, твой несчастный поводырь. Я заблудился.

– Я здесь... – отозвался, наконец, Акол.

– Где? Где ты?! – Хойгур бросился в направлении голоса и скоро нащупал своего слепого товарища.

Они обнялись и заплакали.

– Прости меня, прости. Я опять... опять предал, бросил тебя. Не знаю, простишь ли меня, но если простишь, то я... никогда... Никогда более! Клянусь... Клянусь... – проглатывая рыдания, причитал Хойгур, повторяя такие привычные для него слова, но впервые говоря их от чистого сердца.

– Ничего, ничего, дорогой мой друг, главное – ты вернулся за мной, значит, не бросал вовсе. Я даже не успел обидеться на тебя. Ты же в беспомощности, такое с каждым может случиться. Но вернулся же. Главное, ты не бросил меня одного. И никогда не бросал. Ты...

– И такое может быть? Разве мой поступок возможно оправдать? – удивленно промолвил Хойгур сквозь слезы...

– Ты самый верный мой друг.

– Ошибаешься... Я просто поводырь, каких много.

– Нет, ты не простой поводырь. Ты мой верный друг, самый верный!

– Да?.. А я же... Я же только что предал тебя, бросил одного и убежал... – Они лежали, тесно прижавшись замерзшими спинами друг к другу, вздрагивая при каждом слове.

– Но ты же вернулся. Забудь всё! Ничего не было, – твердым сильным голосом повелителя отрезал Акол. – Повторяю... Такое затмение раз или два в жизни может с каждым случиться, и нельзя слишком близко к сердцу принимать это. Всё! Всё прошло! И запомни наперед, что ничего не было! Никто никого не бросал, не предавал вовсе. Просто ты на время отходил по делам и вернулся. Вернулся же!.. Так или нет? Отвечай.

– Вернулся... – покорно ответил Хойгур. От этих слов на него напал какой-то необъяснимый страх и робость. Такого он за собой раньше не замечал.

Акол замолчал. Вокруг наступила звонкая студеная тишина.

«Как хорошо! – подумал про себя Хойгур. – Какое это счастье – быть прощенным. Даже не верится, не сон ли это? Такое облегчение, словно сбросил с плеч тяжелый груз. Вот оно, недостижимое, казалось бы, ощущение безграничного счастья и свободы. Оно было таким немыслимым совсем недавно».

– А что, уже светает? – спросил Акол.

– Да, на северо-востоке заалела желтая полоска рассвета. А каким образом ты это ощутил?

– Не знаю... Я многое не понимаю в себе, откуда, например, у меня внутренние знания и понимание незнакомых мне явлений и событий.

– Надо же! Ты почувствовал рассвет раньше, чем я – зрячий – увидел его.

– У меня часто так бывает...

– Рассветет окончательно, и я пойду искать нашу поклажу и твой посох.

– Они должны быть в том направлении, – указал Акол рукой. – И, скорее всего, недалеко.

Когда уже можно было различать дорогу и предметы, Хойгур пошел в указанном Аколом направлении и совсем скоро нашел оба мешка, а затем и посох.

Акол несказанно обрадовался своему посоху, обоими руками схватив его, прижал к себе, как живое существо.

– Как здорово, что ты у меня нашелся. Сейчас мы все в сборе, втроем... – восторженно зашептал Акол и, что-то ещё приговаривая, продолжал наглаживать посох. – Сейчас мы не пропадем и обязательно дойдем до цели.

12. Перевал

День выдался удачным.

До полудня под хороший настрой им удалось пройти довольно значительный участок, хотя идти было, как и прежде, непросто. Округлые камни постоянно перекашивались под ногами и с грохотом сыпались по склону вниз, увлекая за собой целый поток. Хойгур опять подумал о счастье слепоты. Увидеть хоть раз, как в пропасть свергается лавина, и узнать, что ты вполне можешь и сам оказаться в ее смертельном плену, – этого вполне достаточно, чтобы никогда не мечтать о горах, а тем более о преодолении перевалов.

Совсем скоро тропинка резко взяла вверх, подниматься дальше стало не просто труднее прежнего, но и опаснее, поэтому, после дневного отдыха, решили изменить направление и, взяв правее, пойти в обход крутого подъема – там был более пологий склон. Понятно, что дорога в обход намного длиннее, но зато подниматься стало проще и не так тяжело дышалось.

Погода здесь была непредсказуемой. Это они поняли еще по холоду прошлой ночи. А в этот день, когда к вечеру приблизились к перевалу, неожиданно подул сильный ветер, да такой силы, что мог запросто свалить человека с ног. Хорошо, что он вовремя остановил путников, когда только начинало смеркаться, и у них еще было время найти укромное место для ночлега. Правда, пришлось немного спуститься вниз, где в итоге и нашёлся уголок для привала за небольшой скалой.

Как и условились с вечера, встали с занимающимся рассветом, и пока солнце не пробудило дневные ветра, отправились в путь. А накануне, наспех поужинав, пытались понять причину появления этого страшного ветра. И вспомнили, как

Гурган рассказывал им, что ветра здесь набирают силу именно после полудня, когда солнце уже достаточно прогревает скалы. И тогда лучше на перевале не показываться, иначе человека легко может сбросить вниз.

Перевал был крут, чем дальше шли, тем труднее давался каждый шаг. Спасал посох, на который сзади опирался Акол. А затем, найдя опору наверху, Хойгур, уцепившись, вытягивал Акола. Так и продвигались. Делая новый шаг, им казалось, что этот – точно последний, что вот-вот выйдут к вершине. Но за очередным перевалом обнаруживался следующий. Хойгур всё посматривал на солнце, опасаясь, что уже скоро оно поднимет ветер, и тогда им придется туго, если они всё еще будут в пути.

Как и следовало ожидать, каждая победа давалась труднее предыдущей.

Хойгур теперь еле-еле выкарабкивался, благодаря посоху, которым сзади подталкивал Акол. Из последних сил он вытянул своего господина наверх.

Лежа рядом, долго переводили дыхание, упиваясь возможностью не двигаться, а только дышать разреженным воздухом, которым опять невозможно было наддышаться. Почти одновременно оба, расслабившись от усталости, впали в легкое забытие. Первым очнулся Акол, вырвав Хойгура из дремы:

– Эй, друг мой, ну-ка проснись и оглядись! Мне что-то чудится, что мы достигли долгожданной вершины.

От этих слов Хойгур, резко вскинувшись, оглянулся: и правда, со всех сторон был бескрайний простор, горизонт упирался в далекие и теперь уже совсем внизу расположенные горы. Приглядевшись, он понял, что видит куда дальше гор, где что-то постоянно меняло цвет под лучами набравшего силу солнца.

– У-ур-раа! – дико закричал Хойгур. – Мы на вершине!

Мальчики обнялись, а это «ура-ра-ра-ааа» еще долго перелетало с места на место по перевалу.

– Хойгур, запомни этот перевал! Отсюда у нас с тобой начнется новая жизнь, иная судьба.

– Нет, Акол, я пока не верю... Не могу я в это поверить. Наверное, впереди еще круче перевалы

ждут. Мне они не просто надоели, я их ненавижу, потому что ничего хорошего от них не жду.

– Ты, конечно, прав, дорогой Хойгур, впереди нас с тобой ждет много перевалов. Но такого, как этот – не будет никогда.

– Почему же?

– Да потому, что этот перевал разделяет нашу жизнь. То, что осталось за ним, не будет с этого мгновения влиять на нас. Отсюда у нас начинается всё сначала. Здесь мы с тобой словно заново рождаемся.

– Не может быть! Я не верил, что такое возможно, но всегда мечтал о подобном перевале, который преобразит мою жизнь и меня тоже.

– Так почему ты не радуешься? Вот ты исполнил свою мечту, преодолел тот самый перевал. Улыбнись! Мечта твоя сбылась! Да и моя – тоже. В отличие от тебя я не только мечтал, я верил, поэтому заранее готовился к встрече с этим перевалом.

– А мне трудно в это поверить. Я слишком часто разочаровывался, мечтая о счастливом исходе. И на этот раз не жду ничего хорошего.

– Веры у тебя мало...

– Не то, что мало, её совсем нет. Я стараюсь ничему не верить, чтобы затем не обмануться.

– Как же ты живешь без веры? На вере всё держится. Убери веру и все порушится.

– А я живу без нее. Живу – и ничего, мне так лучше – меньше огорчений.

– Не будем спорить, хорошо? Жизнь всё поправит.

– Согласен, – подтвердил Хойгур и, отвернувшись от Акола, вдруг ахнул от удивления.

13. Чудесная долина

За разговором он и не заметил, что почти рассветло. Дымка осела на скалы, и перед глазами возникла долина – невиданная картина среди горной растительной бедности, – манящая разнообразной зеленью.

– Не может быть! – уже шепотом сказал Хойгур.

– Что? Что ты видишь? Говори скорее!

– Деревья. Много-много разных деревьев, и не только их. Там еще множество кустарников... и на них цветы...

– Удивительно!

– Последний раз такие высокие деревья мы с тобой видели только в Кюёх Ары. А последняя растительность исчезла много дней назад. Как на такой высоте могут расти фруктовые деревья? Не может быть!

– Но они же перед тобой. Разве не так?

– Да... воочию вижу. Но на этот раз я не верю даже собственным глазам! – восторженно восклицал Хойгур. – Что же нам делать? Куда мы попали? Может, это иной мир?

– Очень даже возможно. Я же говорил, что мы преодолели непростой перевал. Он разделяет два мира. За этим перевалом должна была начаться совсем другая – неведомая, непостижимая действительность. Я слышал, что тут случается то, что в нашем привычном мире считается невозможным.

– Надо же!

– Я совсем мало знаю об этом, но уверен, нам будет чему подивиться.

Впервые за последние дни они начали спускаться вниз, с каждым шагом не переставая удивляться. Воздух стал густым и сочным. Он наполнял легкие почти по-равнинному – не надо было ловить его ртом, часто дыша, словно рыба на берегу.

Неудивительно, что всего после нескольких вздохов изможденные путники почувствовали прилив сил. В это время Акол остановился, дернув Хойгура за посох:

– Слышишь?

– Что? Ничего не слышу.

– Журчит! Где-то близко вода журчит.

– Не может быть! – воскликнул Хойгур, и прислушался, прикикая к камням. Наконец, он услышал журчание, и оно было где-то совсем близко! По звуку поводырь быстро нашел и сам ручеек, протекавший меж камней.

Измученный жаждой Хойгур хотел тут же припасть к воде и вволю напиться. Но невероятным усилием остановил себя, не спеша снял поклажу, достал берестяной туесок, набрал воды и дрожащей рукой передал Аколу.

– А ты? Ты сам пей, – не согласился слепец.

– Нет-нет, давай сначала ты... Я после тебя. Я могу еще потерпеть, – ответил Хойгур, удивляясь своей выдержке.

Акол мгновенно осушил туесок и вернул пово-

дырю. Хойгур еще раз наполнил туюсок и уже уверенным жестом опять протянул его Аколу.

– Вода родниковая, слишком холодная. Пей не торопясь.

– Вкусная какая! Кажется, никогда в жизни такую не пил.

– И я тоже.

Напившись вдоволь, легли под деревьями. Есть совсем не хотелось. Солнце уже высоко взошло, когда паломники проснулись. Рядом, важно вышагивая по камню, щебетала незнакомая птичка. Этому уже не удивились. Где есть вода, густая зелень и деревья, как не быть птичкам?

Осторожно продолжили спускаться вниз. Все камни были почти круглые. Поэтому, выскочив из-под ноги, они, отскакивая друг от друга, как мячики, попрыгав, скатывались с грохотом далеко вниз.

Крутой склон постепенно становился пологим. Но Хойгур всё равно, из привычки к осторожности, крепко держал посох. Быстро менялось всё вокруг, даже манера их движения. Они шли уже неторопливым шагом, почти без напряжения. Хойгур, незаметно для себя, привычно рассказывал обо всём, что видел вокруг. Всё было настолько необычно, что воспринималось с восторгом. Сказочный край открывался его глазам. Голубели озера с чистой водой, соединяющиеся друг с другом речушками. В воде плескалась рыба, над водой постоянно кружило множество разнообразных птиц.

– Что за божий уголок! А людей не вижу, – воскликнул Хойгур. – Почему так?

– Откуда тут людям взяться, мы и сами еле пробилась.

– Да, я понимаю, но все же такое великолепие и без человека – что-то не то.

– Неужели ты думаешь, что без человека вся прелесть природы и мира пуста и бессмысленна?

– Да! Так я и думаю. Потому что зачем, во имя чего эта красота, если никто не понимает, не ценит, не восторгается ею?

– Так-то оно так... – печально вздохнул Акол. – Но ведь здесь нет подлости и предательства! Оглянись! Вся гадость происходит только от человека.

– Но ведь это чудовищно! Человека кто сотво-

рил? Кто его создал? Бог же. Значит, виноват-то кто?

– Давай закончим на этом. Многое мы с тобой не понимаем. Что к чему и откуда – не нашего ума дело. Но судить и обвинять – мы любим. Первые начинаем рассуждать, и чаще о тех вещах, в которых ничего не смыслим. А ты даже на самого Создателя набросился с чудовищным обвинением, что в несовершенстве мира виноват он, а не мы, творящие всякие непотребства. Кто ты такой, чтобы произносить подобные слова?

– Я? Кто я такой? На самом деле... – искренне озадачился Хойгур. – Когда я возмущался, то вовсе не соотносил слова лично с собой. А надо бы... Правда, кто я такой? Я – Хойгур, грешный земной человечешка – не очень удачливый, а так себе. Если ты прав, то таким, как я, надо вовсе помалкивать, не вмешиваться в порядки и нравы Большого мира.

– А почему ты о себе сказал «я – грешник»?

– А кто же я, по-твоему? Конечно, грешник, и даже не простой, а усердный, увлекающийся грехом своим. В обычные дни моему вранью счет потерян. Если перестать жалеть себя, то становится ясно, что я – предатель и клятвоотступник, а значит, страшный человек.

– Ладно, кончай, видали мы грешников похлеще – настоящих грешников. А ты значение своих мелочных делишек возводишь до вселенских размеров. Это, по большому счёту, неплохо. Даже – хорошо. Значит, душа твоя не закаменела и не принимает твои отступления от истины. Иной бы давным-давно забыл и рядился бы в праведные одежды, поучая других. А после таких твоих слов ты уже не грешник, особенно, если вспомнить, какой путь ты проделал, чтобы посметь произнести их.

– Как это? А куда делись мои грехи?

– Я же тебе говорил, ты невнимателен. Все твои грехи остались там, позади, внизу на той земле, то есть за перевалом. А здесь ты чист, как младенец. Правда, пока не нагресишь по-новому.

– Нет, этого не будет, – решительно заявил Хойгур.

– Ну что же, посмотрим.

– Но все это очень странно и слишком просто. Всего-то за перевал перешел и – нет грехов?

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

– Ты успел забыть, каким трудом преодолел этот рубеж. Но главное – не память о преодолённых препятствиях, а понимание, что ты сумел это сделать.

– Всё равно – не верится мне. Я ли это сумел? Не может быть! Не способен я на такое.

– Опять это твое неверие... – грустно вздохнул Акол. – А знаешь ли ты, что от неверия в свои силы и Божье провидение исходит больше опасностей, чем от многих твоих, в общем-то, безобидных грехов?

14. В гостях у жителей Зелёной Долины

Увлеченные спором, мальчики не заметили, как спустились со склона и погрузились в благоухающую разнообразными растениями долину. Всё пестрело от цветов, множество незнакомых плодов на деревьях клонили ветки до самой земли.

Вдруг раздался рёв. Мальчики, испугавшись, остановились.

– Кто? Кто это? Что за зверь? – обеспокоенно спросил Акол.

В этот миг Хойгур увидел, как из-под высокого куста выкатилось страшное мохнатое существо и, ревя, устремилось прочь по камням. Но когда Хойгур внимательно всмотрелся, то оказалось, что это был очень заросший волосами старик. За ним на открытое место выбежала молодая стройная девушка. Она резво погналась за стариком и, в два-три прыжка догнав его, стала нещадно избивать длинным тонким прутом. Жалкий несчастный старик бормотал что-то несвязное, кажется, просил пощады, но девушка была безжалостна.

Когда, спеша, Хойгур рассказал об увиденном Аколу, тот лишь усмехнулся, особо не удивившись. Будто он знал нечто большее о происходящем.

– Ну, это дела семейные.

– Какие-такие семейные? Девушка бьёт старика, годящегося ей в дедушки?

– Нет. Он – её сын. Видимо, в чём-то провинился.

– Как это? Ведь он глубокий старик, а она...

– Ну и что? Дело не в нем, а в матери, которая сумела так сохраниваться.

– Не может быть! Никогда не поверю.

– Пойми, здесь всё может быть.

Ветер переменялся и отчетливо донес до них голоса:

– Негодный мальчишка! Сколько раз я тебя просила вовремя пить лекарства! Ты же скоро развалишься от старости!

– Прости... Прости меня, мама! Я больше не буду, – просил старик. – Не бей меня так сильно, мне очень больно. Я прилег в тени и незаметно уснул, из-за этого пропустил время.

– Давай пройдем незамеченными мимо этой семейки, пока нас не заметили, – сказал Акол, и они, взяв чуть левее, вышли к цветущему разнотравьем пахучему лугу.

– Как хорошо! От этих запахов голова кружится, а от обилия цветов в глазах рябит. Но это как сон. Сладкий сон. Я отказываюсь верить своим глазам. Всё это не со мной происходит. Если бы ты не шел рядом...

– Правильно делаешь, Хойгур, не верь ничему, – съязвил Акол. – Скоро проголодаешься, но ты не верь и этому. Жажда тебя будет мучить – не верь. Мираж это. Вечером комары искусают – не верь. И не чешись. Ночью замерзнешь обязательно – и тут неправда, обман, вымысел.

Впереди показалась лужайка, на которой сидел лысый мужчина, далеко не старик. Он перекладывал с места на место круглые камешки.

Оказалось – азартно и увлеченно играл, да так, что заметил гостей, когда они подошли вплотную, но совсем не удивился, будто они тут жили всегда.

– Ну что, путешественники, осилили, наконец, непреодолимые перевалы, взобрались по крутым склонам? Молодцы. Суровы эти перевалы, и далеко не всякого пропускают. А вас пропустили. Значит, хорошие люди, – прищурился Лысый, словно вглядываясь внимательнее, и продолжил: – Но у одного из вас есть грешки, хоть маленькие, но такие подленькие.

У него была странная игра: из разноцветной гальки он строил башни почти в человеческий рост. Тщательно выбирая камни, долго примеривался и, наконец, с величайшей предосторожностью и старанием устанавливал подходящий на самый верх очередной горки.

По всей обширной лужайке, на сколько хвата-

ло глаз, уже стояло нескольких сотен таких башен. Многие из них позаросли травой, видимо, стояли давно, что было удивительно и странно. Нетрудно было заметить – башни мерно покачивались, но почему-то не рассыпались по камешку.

Что бы ни делал Лысый: подбирали ли для новых строений камни, гулял ли, заложив руки за спину вокруг обширной лужайки – всё его внимание было приковано к башням. Ничего не упускал он из виду: если какая-то вдруг меняла свой ритм, он, всмотревшись, чаще всего поправлял положение верхнего камня или ставил на него другой.

Хойгура и Акола в такой умиротворенной обстановке сразу потянуло ко сну. Лысый, заметив это, забеспокоился:

– Что, устали?

– Есть немножко.

– Конечно, устали, ведь такие трудные испытания пришлось пережить.

– Откуда вы это знаете?

– Здесь все про всех всё знают. Не только про ваше путешествие.

– Да? – Хойгур совсем проснулся. – Странно, что про всех всё знают. Откуда в этом благоухающем уголке можно знать, какие муки мы терпели, взбираясь вверх? Это же невозможно знать, если сам не пройдёшь. Я не могу поверить в это. Не могу.

– Всё, что ты сказал – от глупости и гордыни, – ответил Лысый.

– А откуда ты можешь так просто определить мою, якобы, глупость?

– Ты произнес важные слова: «не могу поверить». Многое заключено в них. Ибо, хотя ты ничему не веришь, но необычайно самоуверен в своем понимании миропорядка, считая, что точно знаешь – это можно, а это нельзя, это – возможно, а вот этого не может быть никогда. Вот ты не поверил, что здесь могли знать про ваше путешествие. А мы многое знаем. Даже мой младший неразумный брат про вас многое знает.

– И много вас таких знающих тут?

– Все, кто здесь обитает, – сказал Лысый. – Но понимающих происходящее куда меньше, создающих – совсем немного, а Создатель – один.

– А что же ты – один, если вас, создающих, много?

А почему тебе мало одного меня? Смотри-ка, сразу видно насквозь, что ты того...

– Чего – «того»?

– А то, что дело ясное – ты самодовольный недоумок и врун.

– Почему?

– Да потому, что ты с малых лет любишь прихватить, а обманув, выгадать себе что-то. Разве не так?

– Есть немножко, – печально вздохнув, вынужден был признаться Хойгур.

– Вот видишь, я многое знаю о тебе. Я тоже, можно сказать – «обманщик», но правильнее – большой выдумщик. Правда, высшего уровня, которого ты, скорее всего, никогда не достигнешь. А может и не надо тебе этого вовсе. Когда увидишься с созидателями, они определят, что из тебя получится, но твой личный выбор при этом будет учитываться.

– Хотя бы согласуют со мной. Я даже испугался, подумав, что они всё сами за меня решат. Хорошо, что против моей воли ничего не случится.

– Ну... как тебе сказать... – Лысый даже смутился. – Я бы посоветовал тебе особо не проявлять свою волю, этим ты можешь вовсе испортить дело. Лучше всего сразу принять их предложения.

– Станный у тебя совет. Значит, мое мнение будут спрашивать лишь для вида, а на самом деле моя судьба давно определена созидателями?

– Можно и так выразиться.

– Мне что-то не по себе от таких новостей. Если свою судьбу не я определяю, а другие – это неправильно. Не могу я такое дело доверить чужакам, кто бы они ни были.

– Вот какой ты, оказывается, недоверчивый, – Лысый аж присвистнул от такого разговора, но при этом он ни на миг не переставал перебирать камни. – Ты привык на земле никому не доверяться и жить сам по себе. Так?

– Конечно. Но там в моей жизни не было ничего столь значимого, одна бытовая суета. Какой там может быть выбор?

– Не скажи... Ты жил в очень чистой и благородной хуннской среде. Ответь – почему ты там постоянно врал? Мне это непонятно. Почему без всякой на то необходимости ты с юных лет намеренно склонялся к неправде? И когда тебе удава-

лось уверить кого-то в своей лжи – то радовался и злорадствовал?

– Но ты там лично не бывал. Откуда же можешь всё это знать?

– Ты не допытывай меня, негодник... Признавайся, радовался? Бывало такое?

– Было – не было... Я всё равно не верю тебе. Как ты мог узнать такие подробности?

– Я и не такое знаю. Ты был гадким мальчиком с самого рождения. Хорошо, хоть признался. Знай, впереди тебя могут ожидать серьезные изменения, и возможно, ты станешь другим... Честность и доверие могут преобразить любого человека. С внутренней честностью у тебя очень неплохо дело обстоит, а вот с доверием – сложновато. Ты никому не веришь. Я думаю, большинство твоих бед из-за этого.

– Ладно, согласен, с верой в других у меня не всё гладко. Это моё слабое место: сколько себя помню, никогда никому не доверял, ничему не верил.

– Почему так?

– Да потому, что я из самого низкого сословия. Ты не жил, как я, с постоянным ощущением, что все тебя презирают и никогда, ни при каких условиях ты не можешь даже поравняться с остальным миром, не то что отличиться или стать каким-то самым маленьким начальником. Оттого и решил, что если честно я добиться ничего не могу, то попробую получить желаемое иным путем.

– То есть враньем и обманом...

– А что мне оставалось делать? Разве у меня был другой выход? Иная возможность? Укажи!

– Ох, какой ты, оказывается, несчастный! Сейчас заплачу! – притворно, с язвительной издёвкой воскликнул новый знакомый. – Ври! Ври всем. Они поверят! У тебя отлично получается! Ври... Но только не мне. Я тебя насквозь вижу, прохиндей этакий. Ты сам все придумал про своё несчастье, а мать твоя – взбалмошная особа – убедила тебя в верности такого ложного и губительного восприятия мира. Бедная, несчастная женщина... Вот ее, точно, можно пожалеть. Но не тебя – дурака по собственному желанию и прохиндея по призванию. Тебе же, недоумку, нравится обманывать. А когда это получается, то тебя охватывает неумная радость...

– Признаюсь! Твоя правда! Я действительно

получаю странную радость, если сумею кого-то обставить.

– Молодец, что признался. Не ожидал. Это обнадеживает.

– Я смогу исправиться? – тихо произнес Хойгур, опустив глаза.

– Смотри дальше – ты не только справишься, а сумеешь подняться на недоступную для многих высоту. Ты, обретя веру в добро и справедливость, отказавшись от вранья, станешь большим человеком, – резко сменив жесткий тон, так же еле слышно сказал Лысый.

Тут только Хойгур вспомнил про Акола. Быстро оглядевшись вокруг, увидел, что тот уже спит, сидя на камне.

– Помогите устроить где-нибудь на ночь моего господина. Если честно, я бы и сам не прочь вздремнуть.

– Нет-нет! – резко запротестовал Лысый. – Потерпи, совсем скоро подойдет моя мать. Она так за вас переживала, уже неделю готовилась к встрече, припасая всякие разносолы! Дорогой, не огорчайте её, прошу, достойно примите угощения. Хорошо?

– Конечно. Только непонятно: если она всё знала, то почему сейчас опаздывает?

– Да потому, что мой младший, неразумный брат опять провинился или что-то натворил. Да вы его видели уже... Ты по сравнению с ним – настоящий мудрец.

– А когда же они придут? – видимо, от усталости Хойгур никак не мог прекратить спрашивать. – Кстати, как тебя звать?

– Вот-вот придут. Подожди немного, а твой слепец пусть подремлет. Насчет моего имени, запомни: здесь не принято звать по имени. Ни у кого не спрашивай, как его зовут.

(Окончание следует)

*Перевод с якутского
Владимира Крупина.*



«С СОЛНЦЕМ ЛИСИЦА РЫЖАЯ»



*Поэт
Вениамин Миронов.*

Вшестидесятые – семидесятые годы прошлого столетия в стране был небывалый всплеск литературной деятельности. В Иркутске работала сильная писательская организация. Стоит назвать только несколько имён, как станет понятно, что это так: Лев Кукуев, Альберт Гурулёв, Марк Сергеев, Валентин Распутин, Александр Вампилов и многие-мно-

гие другие.

Наш город Ангарск начал строиться в 1945 году, а уже в 1951-ом из запланированного рабочего посёлка стал городом. Сразу же при городской газете «Знамя коммунизма» родилось литературное объединение. Над ним взяли шефство иркутские литераторы. Работа велась серьёзная, на профессиональном уровне: литературная учёба, работа с рукописями, обсуждения, конференции, встречи, выступления перед читателями.

В 1968 году я, учительница, с семьёй переехала в Ангарск. За плечами – 14 лет работы в сельской школе, любовь к литературе, неумелые



*Надежда Кугашкина,
переводчица.*

попытки писать стихи (чаще всего «датские», дилетантские). И вот я попала в Ангарское ЛИТО – школу мастеров. Почти все наши «литовцы» впоследствии стали профессиональными литераторами. Я – не исключение: в 1997 году меня приняли в Союз писателей России.

Так вот на одном из занятий наш руководитель, поэт Иннокентий Новокрещённых, принёс листочки с подстрочниками незнакомого нам поэта из Якутии – Вениамина Миронова. Текст был напечатан на пишущей машинке на плохой бумаге. О компьютерах тогда и речи не было. Надо было перевести его стихи на русский язык.

Мне достались стихи о чайках над рекой Леной. Не представляя, как выполнить задание, я сделала свой вариант (к сожалению, он не сохранился). Но какая-то сила не отпускала от стихов. Написала второй вариант. Он получился. И вдруг мне захотелось ещё почитать стихи. Я собрала

ВЕНИАМИН МИРОНОВ. «КОГДА Я БЫЛ ЕЩЁ РЕБЁНКОМ, КОГДА СО СНЕГОМ ПОВСТРЕЧАЛСЯ...»

листочку у коллег, скопировала и погрузилась полностью в мир Вениамина Миронова. Перевела все 9 стихотворений, но не была уверена в качестве перевода, долго никому не показывала. Друзья из ЛИТО уговорили опубликовать их в моём авторском сборнике «Предзимье» в 1994 году.

Меня привлекла искренность стихов, необычные образы: «костёр засветится – с солнцем лисица рыжая», «заря РАЗДУВАЕТСЯ медленно», «У Луны от озноба раздулась щека» и другие. Поразила метафоричность – полное слияние автора с природой. Его стихи целомудренны, нежны. Автор не кричит о своей любви, говорит тихим голосом, но так говорит, что «душа, долго сугробом бывшая», оттаивает и расцветает подснежником. И о любви к своему суровому краю говорит тихо, но веско:

**И никому я не поверю.
Что ты, мой край родной, не ласков.
Чем мне любовь твою измерить?
И как в долгу не оставаться?**

Стихотворение «Крутой обрыв...» автор заканчивает так:

**...Мой век короткий – перебрось сучком.
Не затеряться бы, не кануть в Вечность
Безвестным безымянным ручейком.
Ведь жизнь одна, её не повторить.
Свою тропу сумею проторить?**

Позже, когда я начала осваивать компьютер, нашла много материала об авторе этих строк. Узнала, что есть Дом-музей Вениамина Павловича. Отправила туда письмо. Послала свой сборник «Предзимье», где были переводы, но обратной связи не получилось. Рада, что стихи попадут на малую родину светлого поэта благодаря вашему журналу.

*С уважением,
Надежда Николаевна Кудашкина,
член Союза писателей России,
г. Ангарск.*

Вениамин МИРОНОВ

*«Когда я был ещё
ребёнком,
Когда со снегом
повстречался...»*

Лета дивного жёлтую хвёю
Развевает осенняя непогодь.
Сарт* за птичкой несётся лесною,
И заря раздувается медленно.
Стая уточек вихрем стремительным
С шумом села на волны, качается.
Очень кучно сидят. Удивительно,
Взять на мушку – не получается:
А на мушке ружья – капля росная
Смотрит в душу глазами печальными,
Словно солнышко в утро морозное,
Словно песня моя изначальная.
Этот взгляд твой – защита надёжная,
От строптивости глупой – лечение.
Улыбнись, моё счастье возможное,
Стань и радостью мне и мучением

По-над Леной-рекой,
над песком с золотистым отливом,
По-над краем, который мне мил,
Над безбрежной водою снуют суетливо
Стаи чаек, которых с ладони кормил.
Птицы дружно зовут

* Сарт – хищная птица.

в синеву беспредельного неба,
Как мне хочется с ними к теплу улететь!
Только землю, пропахшую по́том и хлебом,
Научившую плакать и радостно петь,
Сиротую оставить боюсь.
Чайкам – в путь.
Я с землёй остаюсь.

Крутой обрыв, за ним – тайга без края,
Ни тропки, ни единого следа.
Столетний кедр, тайгу оберегая,
Свой пост не оставляет никогда.
Ничто беды не предвещало скорой,
Но так пришлось, что здесь тропу торил
Тыатаагы** – зверище ма́тёрый,
Ударил лапой – дрогнул исполин,
И, покачнувшись, кедр седой склонился,
С обрыва камни полетели вниз,
Медведь, как шёл, так не остановился,
Кусты ломая, вырывая пни,
А вслед за ним тропинка оставалась...
На дереве согнувшемся глухарь
Побормотал, поудивлялся малость:
– Ну, старикан! Ну, сила! Ну, бунтарь!
Тропа вела к полянам земляничным
И к сизой голубичной синеве...
Я это чудо сам увидел лично,
И мысль в моей мелькнула голове:
Жизнь, как тайга, – безбрежна, бесконечна,
Мой век короткий – перебрось сучком.
Не затеряться бы, не кануть в Вечность
Безвестным безымянным ручейком.
Ведь жизнь одна, её не повторить...
Свою тропу сумею проторить?

Юрюйэ***

Меж ивами петляет,
Бормочет спозаранку:
Знать, петли вслух считает.
За ней не успеваю,

Она играет в прятки:
Как радуга живая,
То мчится без оглядки,
То в роще затерялась,
Сверкнув платком шелко́вым,
То с солнцем целовалась –
Ну, что же тут такого!
Испить могу водицы –
Она любви напиток...
Но речка дальше мчится,
Хохочет:»Догони-ка!»

Любящий взгляд ласкающий
Снег растопил нетающий –
Душу мою остывшую,
Долго сугробом бывшую.
Солнцем весенним глянула –
Жизнь возвратила заново.
В сердце – весна поющая,
В ясную даль зовущая.
В небо взлетаю синее,
Крылья имею сильные.
Радугой всё расцвечено,
Многое мне обещано.
Лишь на меня ты глянула –
На́прочь беда отпрянула,
И неуютный снежный ком
В сердце расцвёл подснежником!

– Белая ночь расцвела –
Нежного лета цветов, –
Мне подпевал у села
Птичий свисток-голосок.
Чуткие уши подняв,
Слушает белка напев.
Радуюсь ласковым дням,
Точно ко сроку поспею,
Спрятать шиповник спешит
Спелые ягоды в куст.

ВЕНИАМИН МИРОНОВ. «КОГДА Я БЫЛ ЕЩЁ РЕБЁНКОМ, КОГДА СО СНЕГОМ ПОВСТРЕЧАЛСЯ...»

Роща вздохнёт – набежит
На сердце светлая грусть.
Доброй улыбкой сверкнёт
Спелой брусники щека.
Слушаю день напролёт
Посвисты бурундука.
Летняя песня мила.
Звонче свистит голосок:
– Белая ночь расцвела –
Нежного лета цветок!

Вспыхнет зарево дымное,
Как уголёк, засветится,
Канет в сугробы зимние,
Больше со мной не встретится –
Вот и закаты рзданы!
Небо с суровой важностью
Смотрит глазами-звёздами,
Давит свинцовой тяжестью.
Страх – по спине мурашками,
Волосы шапку сдвинули:
Не человек – букашка я –
Вдруг на меня нахлынули
Ужасы первобытные.
Воображение чуткое
Вдруг извлекло забытые
Страхи, поверья жуткие...
Но все они замечутся,
Прочь улетят, бесстыжие, –
Только костёр засветится –
С солнцем лисица рыжая!

Когда я был ещё ребёнком,
Когда со снегом повстречался, –
От радости смеялся звонко,
К нему всем телом прижимался.
От бурной радости мальчишьей,
Сверкая ярко ликом светлым,
И от вниманья удивившись,
Снег улыбался мне ответно.

И никому я не поверю,
Что ты, мой край родной, неласков.
Чем мне любовь твою измерить?
И как в долгу не оставаться?

Я на лыжах, один – карабин за спиной, –
По поляне широкой шагаю,
Никому никогда не угнаться за мной:
Я спешу по следам горностаю.
У Луны от озноба раздулась щека,
А мне жарко, хоть впору раздеться.
Полыхает Юргэл****, он успел за века,
Как и я, – от мороза нагреться.
По деревьям мороз колотушкой стучит...
Вдруг проснулся я, сон раздвигаю,
Долго-долго лежу возле тёплой печи,
Потолок над собой изучаю.
Видно, предки мои мне напомнить хотят,
Что охотники были – что надо,
Вот и снится мне снег. Бойко лыжи летят,
А в душе – неподдельная радость.
Ель – сохатый, снег – лебедь, костёр – колонок –
Цвет зелёный, и красный, и белый –
Вот стихия моя.
И зовут меня вновь
Память предков и искры Юргэла.



****Юргэл – созвездие.

Владимир ТОМСКИЙ

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.
А.С. Пушкин, 1830 г.

На свете счастья нет, но есть...
А.С. Пушкин, 1834 г.

*О философии говорят, что она служанка богословия...
Но еще не совсем ясно, идет ли она с факелом впереди
своей милостивой госпожи или идет сзади,
поддерживая шлейф платья.*
И.И. Кант, 1784 г.

Пушкин и Кант

(Рассуждения обывателя)

*Светлой памяти друга моей юности Юрия Вотякова, с
которым мы в далекие 60-ые, в далеком Якутске начинали
понимать Иммануила Канта.*

Автор

Удел гениальных людей – задавать правила. К таким, безусловно, принадлежат Александр Пушкин и Иммануил Кант. На тесном Олимпе выдающихся людей мировой культуры они законные лидеры первого ряда. Пушкин и Кант – очень разные люди по обстоятельствам личной судьбы и профессии. Но интересы, метод познания жизни и цели их были одинаковы. Они служили людям и обществу, посвятили себя поиску путей и методов выживания, развития человека и человеческого сообщества в этом «прекрасном и яростном мире».

Есть свидетельства о нелюбви А.С. Пушкина к отдельным представителям немецкой классической философии. Происхождение этого чувства

связано с дружбой и дискуссиями его с П.Я. Чаадаевым, которые начались в 1816 году и продолжались всю жизнь. Участник Войны 1812 года П.Я. Чаадаев, член императорской свиты и Почетного императорского конвоя при триумфальном въезде в Париж в 1814 году, попал вскоре в опалу, заболел и поехал в 1823 году на лечение в Европу. Там он познакомился, сдружился и вступил в переписку с Ф. Шеллингом, которого специалисты по истории философии причисляют к последователям и ученикам Иммануила Канта. Шеллинг на протяжении своей долгой жизни эволюционировал от интеллектуального интуитивизма через романтизм к мистицизму. Умудрился при этом стать фаталистом.

Шеллинг, не без помощи Чаадаева, стал лю-

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

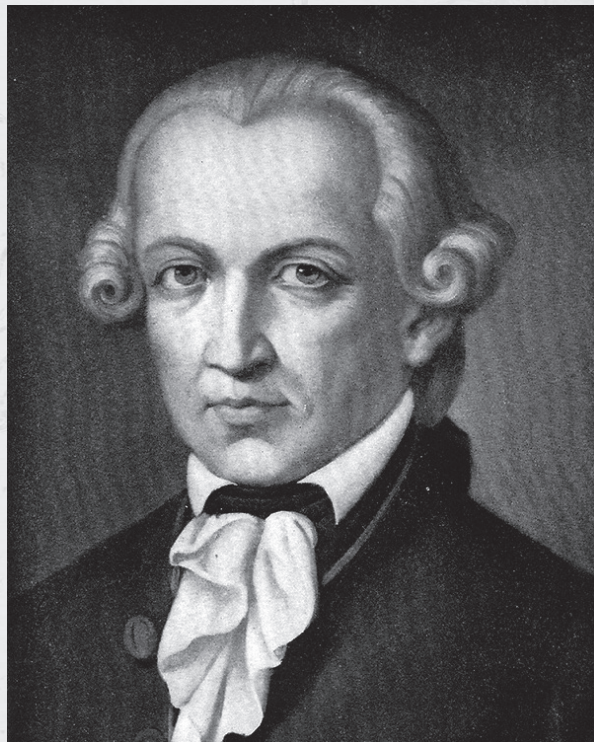
И снова о Пушкине...



А.С. Пушкин. Рисунок и гравюра Т. Райта.

бимым философом для начинающих думать на европейский манер русских людей, породил множество иллюзий, косвенно способствовал появлению феномена «неокантианства» с лозунгом «Назад к Канту!». Автор лозунга, немецкий еврей Отто Либман, опубликовал его в 1865 году в статье «Кант и эпигоны». Итог неокантианства – системная деградация мировоззренческих мотивировок европейской научной мысли. Европейские эпигоны неокантианства действительно решили и перевыполнили задачу, поставленную О. Либманом, вернули философские представления в сфере онтологии, гносеологии и социологии к докантовским временам.

Из животворного наследия И. Канта, основанного на здоровой, «рабоче-крестьянской» (инженерной, бюргерской?) закваске, последователи Фихте, Шеллинга, Гегеля не оставили ничего, превратив живую науку самопознания в сумеречный, наукообразный бред тотальных

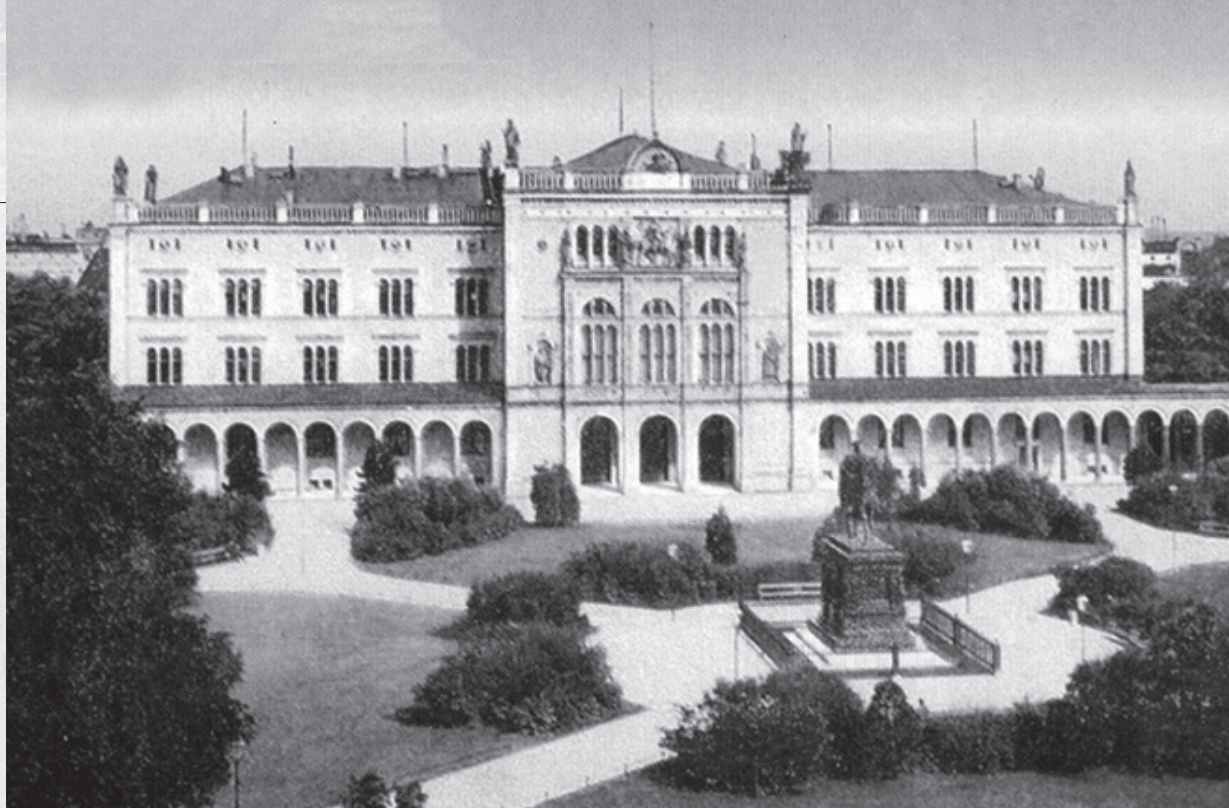


Иммануил Кант.

пессимистов, покорно ожидающих конца света с различными формами психопатологических диагнозов и реакций. То, что современные демагоги от науки называют постмодернизмом в философии, имеет прямое отношение к воинствующему мракобесию, отказывающему человеку в способности к пониманию мира и развитию самого себя на основе априорных моральных императивов, не нарушая природных установлений.

Александр Пушкин, обладавший абсолютно гениальной интуицией на языковые конструкции, почуял фальшивость аргументации Ф.Шеллинга, его искажение первоначальных идей И.Канта и потому предлагал: «ради Бога, гони ты Шеллинга от нашего порога» – еще до очного знакомства Чаадаева с этим европейским философом, в лицейские времена. Совсем иначе он относился к учению Иммануила Канта.

После возвращения в Россию в 1826 году Петр Яковлевич вновь решил «направить мысли» сво-



Кёнигсбергский университет.

его младшего друга, стал рассказывать ему о взглядах Шеллинга на природу вещей, человека в мире вещей, в мире собственных представлений, другие новейшие европейские достижения научной мысли. С П.Я. Чаадаевым случилась обыкновенная история российских туристов-студентов, посещающих Европу с целями образования и приобщения к культурным ценностям, без твердых оснований в собственной культурной идентичности. Такие истории до недавнего времени были уныло-типичными, повторялись столетиями, когда люди приезжали в новую культурную среду без подготовки к ее адекватному восприятию.

Петр Яковлевич попал под обаяние по-европейски толерантного Шеллинга с его демонстративно-познавательным, льстивым интересом ко всему русскому. А мода на все русское в Европе тех лет, после великих освободительных походов Русской Армии 1812–1814 годов, была подкупающе-искренней, дружелюбной, настоящей. Европейцы нисколько не лукавили, не было никакой иронии и показной доброжелательности. Они действительно интересовались Россией, стремились понять ее мощь, красоту, величие, и как это сочетается с внешней непрезентабельностью, наивностью, нередко грубостью и невоспитанностью их представителей. Мода повторилась в середине XX века, после Победы, и в конце века,

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

когда русские неожиданно заявили о «Перестройке, демократизации, гласности»...

Европейцы и русские вновь оказались не подготовлены к равноправному, адекватному, дружественному диалогу и взаимопониманию...

А.С. Пушкин к возвращению П.Я. Чаадаева из-за границы сформировался полностью, написал «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», много передумал и перестрадал. По мнению ведущего отечественного кантоведа, доктора философских наук, профессора Калининградского федерального университета им. И. Канта Л.А. Калининкова, вся политическая коллизия бессмертной драмы о Первой Смуте 1612 года основана на глубоком изучении идей И. Канта А.С. Пушкиным. В Лицее его любимым профессором был А.П. Куницын, человек, воспитанный на кантовских идеях во всей полноте, по-русски влюбленный в их глубину. Пушкинское «народ безмолвствует», пишет Калининков, точно отражает политико-правовые убеждения И. Канта в том, что высшим монархом и источником власти всегда является народ.

В те годы, по манию императора, Пушкин был освобожден из Михайловской ссылки, объявлен «умнейшим человеком России». Иммунная система А.С. Пушкина оказалась крепкой и устойчивой к полусознательным, непреднамеренным, учёным провокациям своего товарища, влывшего в заблуждения от зарубежных знакомств с

И снова о Пушкине...

«европейскими светилами». Он с лицейских еще времен просил Чаадаева «гнать Шеллинга с порога» вовсе не в эмоциональном порыве. При всей мощности своего чувственного статуса А.С. Пушкин всегда проявлял удивительное хладнокровие и благоразумие в вопросах принципиальных, затрагивающих суть вещей и собственных интеллектуальных позиций. При многочисленных «сердца горестных замет» всегда сохранял приоритет «ума холодных наблюдений».

Этим сильно отличался от своих современников, никогда не шел на поводу у европейских авторитетов, всегда, даже в мелочах, бережно, ревниво сохранял суверенность русской позиции по любым направлениям дискуссий. В высоких теориях, бытовых деталях иностранного происхождения стремился найти свое собственное, национальное прочтение чужих идей, основанное на глубинных народных константах, как бы не велика была до них временная дистанция. Обладал уникальным даром точно, с пользой для читателей русифицировать чужие, не только европейские, идеи и суждения. При этом А.С. Пушкин был бесконечно далек от позиций квасного патриотизма и примитивного, вульгарного шапкозакидательства на базе скорых, поверхностных оценок.

В этих вопросах А.С. Пушкин всегда был крайне щепетилен, очень строго себя судил за малейшие проявления вульгарности в любых обсуждениях. Не любил показного наукообразия, словоблудия, неискренности, двоемыслия. Малейшее проявление фальши вызывало немедленную реакцию в виде острых эпиграмм и резких, иногда злых оценок личности автора фальшивки. Если оставались трудные, быстро непреодолимые в спорах неопределенности, он их оставлял в том виде, в каком они проявлялись в ходе дискуссий. В форме правильно поставленных вопросов, на которые следует искать ответы, а не подгонять верноподданический ответ под давлением внешних сил, личных интересов и иных обстоятельств. Особенно убедительно это следует из последнего, неотправленного письма Чаадаеву от 19 октября 1836 года. Текст этот составляет по сути и форме культурный манифест А.С. Пушкина, обращенный к нам, гражданам России XXI века.

Чтобы более основательно разобраться в мировоззренческих и философских убеждениях А.С. Пушкина, необходимо провести краткий экскурс в историю вопроса и фоновые условия тех лет в России и Европе.

Читать А.С.Пушкин начал рано. Читал все подряд. Интересовался всеми отраслями и направлениями мысли того времени. Читал на французском, немецком, английском языках, очень быстро усваивал суть прочитанного, умел переносить чужие идеи на русскую реальность с критическим анализом и коррекцией под наши реалии. Реалии были таковы, что идеи чужих мыслителей нередко оказывались не востребованными русским обществом в силу традиций, специфики, определенной отсталости научных представлений в Отечестве по многим направлениям деятельности. Монголы и Рюриковичи отлучили нас от Европы основательно. Хотя в Лицее, где он получал базовую подготовку по отраслям знаний, программы обучения и квалификация преподавателей были очень высокими, без сомнения, лучшими в стране, соответствовали европейским стандартам.

Надо учитывать, что со времен М.В. Ломоносова, учителем которого был марбургский философ Х. Вольф, просветитель, методист, склонный к жесткому формализму, предшественник И. Канта, не прошло и ста лет. Научное знание в России по всем направлениям находилось на этапе становления, средний уровень образованности населения, даже высших слоев, сильно отставал от европейского. В сфере философских знаний приходилось многому учиться, правильно ставить задачи, начинать подготовку учителей.

Это объективное отставание позволило П.Я. Чаадаеву занять неформальный статус первого философа страны, наделать, по причине недостаточной образованности, множество ошибок в своих первых опусах на философской стезе, густо замешанных на религиозных оценках и заблуждениях. Цена статуса первопроходца оказалась высока, закончилось всё театральным фарсом с далеко идущими социально-культурными последствиями. После первых публикаций философских попыток осмысления российских реалий «первого философа» Указом императора объяви-



Дом Иммануила Канта.

ли душевнобольным с высочайшим назначением принудительного лечения под надзором полиции.

Такова невеселая, но поучительная история первых шагов философской науки в нашей стране. Если трезво оценить анализ и выводы П.Я. Чаадаева с позиций сегодняшнего дня, надо признать часть его выводов вполне справедливыми, что сделано еще А.С. Пушкиным. Самостоятельно утверждать приоритеты развития нам было еще рано. Не было для этого никаких фактологических оснований. На повестке дня стояла очень простая задача. Необходимо было утвердить собственную культурно-историческую идентичность, сообщить об этом соотечественникам. Историю государства российского написал Н.М. Карамзин, что явилось своеобразной культурной революцией для узкой прослойки грамотного российского общества. К чести Николай Михайловича отметим, что он, на два десятилетия раньше Чаадаева посетив «культурную» Европу, не впал в восторженную эйфорию от увиденного, трезво оценил европейские реалии, сделал правильные выводы, начал просветительскую работу.

В России И. Кант на русском языке стал доступен для читателей в весьма ограниченных тиражах только в начале XX века, причем переводы, по мнению специалистов, не являются блестящими. Проблема аутентичного перевода крайне актуальна, особенно в нынешнее время, когда

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

сознание людей дезориентировано под влиянием внешних информационных провокаций и внутреннего одиночества личности, которое поддерживается модераторами с помощью лживых, ошибочных мировоззренческих посылов. За ложь модераторам хорошо платят, а ошибки люди не хотят признавать по разным причинам, в том числе из-за отсутствия «всемирно-гражданского состояния публичной государственной безопасности», к достижению которой призывал И. Кант более двух веков назад.

Н.М. Карамзин и П.Я. Чаадаев оказали большое позитивное влияние на А.С. Пушкина. Обоих старших учителей-друзей-наставников он быстро превзошел по глубине и широте понимания всего спектра мировоззренческих, исторических, социальных, культурных обстоятельств реальности начала позапрошлого века. А.С. Пушкин владел европейской научной традицией на уровне ее творца и носителя, благодаря раннему погружению в языковую среду Европы. Но и восточным культурным и религиозным знанием он владел в совершенстве с глубиной проникновения в сущность явлений на уровне носителя. Факт достоверный, удивительный и поучительный! Он убедительно подтверждается всем его литературным и философским наследием.

Существует несколько странных, совершенно ошибочных мифов о том, что А.С. Пушкин не понимал математику, не проявлял интереса к есте-

И снова о Пушкине...

ственным наукам, всему, что выходило за рамки литературы. Кто и зачем с идиотским упорством внедряет эти дикие, совершенно не соответствующие реальности мифы, непонятно. А.С. Пушкин был по точному, справедливому замечанию Николая I умнейшим человеком России. Познания его были весьма обширны, благодаря непрерывному труду, колоссальным личным усилиям и природной одаренности к быстрому, точному усвоению самых разнообразных знаний.

Этим его качествам удивлялись и восхищались многие исследователи и современники. Перечислять фамилии не нужно, список будет очень длинный. Удивительно другое. Даже сегодня, в новом веке, зарубежные исследователи открывают совершенно новые стороны в этом гениальном человеке. Недавно опубликован труд немецкого специалиста по когнитивной лингвистике и медицине о проверенном, реальном терапевтическом эффекте текстов А.С. Пушкина.

О том, что чувства и разум человека как-то связаны между собой, с реальными обстоятельствами жизни и природы, физиологией человеческого организма, известно было давно. Эллины до Рождества Христова живо интересовались этой темой. Не будем ворошить архаических представлений Платона и Аристотеля, их гениальные догадки о природе вещей и духа человека. Сегодня они представляют интерес для узкого круга специалистов и профессионалов, практически никак уже не связаны с огромным массивом знаний, добытым людьми за тысячи лет развития цивилизации.

Новейшие представления принято связывать с Рене Декартом (1596–1651) и его знаменитой максимой: «я мыслю, следовательно, я существую» (*cogito ergo sum*). Об этих словах написано очень много, рациональное знание вполне резонно связано с этим утверждением. Хотя можно отметить и мнение Блаженного Августина (354–430) о том, что «если я ошибаюсь, то я существую» (*si fallor, sum*). Здесь существенное отличие от Р. Декарта, связанное не просто с рассудочной, умственной деятельностью, но и с конкретным действием. Это очень хорошо понимал И. Кант и, быть может, именно оно подвигло его разделить разум на «чистый» и «практический». Блаженного Августина

равно почитают католики, православные и протестанты всех разновидностей и оттенков.

Это связано с живостью, глубиной и здоровой наивностью (чистотой, честностью?) его суждений, продолжающих бодрые, жизнеутверждающие традиции эллинизма в новых рамках религии христианства. Он утверждал, что Творец сверхприроден, что люди творят зло, хотя помышляют и стремятся к добру, что после грехопадения люди сами лишили себя свободной воли. Эти смелые для того времени суждения остаются актуальными и сегодня. Блаженный существенно ограничил компетенцию Творца, передав изрядную долю ответственности грешному человеку. Именно ход мыслей Августина приводит многих к «научному» атеизму, оберегает от губительного безбожия нигилизма. Мысль Августина более активна по сравнению с Декартом. Ошибается тот, кто действует, а не только мыслит.

К этой позиции близок Кант в своих конечных выводах. Схожую идею высказывал отечественный знаток Канта В.Ф. Асмус, этнический немец, когда выразил сомнение по поводу аутентичности перевода термина «причина – следствие». В.Ф. Асмус, носитель немецкого языка, профессиональный философ, изучая автографы, сделал предположение, что Кант мог понимать под этим термином «причину – действие». В XX веке с близких позиций пытался рассуждать отец Сергей Булгаков, искавший пути к примирению русских людей после диких бесчинств в гражданской войне, развязанной большевиками.

Но вернемся к предшественникам И. Канта. Блез Паскаль (1623–1662) является одним из основателей современной научной методологии по многим отраслям знаний. Он внес вклад в теорию вероятностей, теорию игр, гидростатику, другие прикладные науки, обладал удивительным даром изобретателя. Помогая отцу, выполнявшему большие расчетные работы при сборе налогов, придумал первую в мире механическую счетную машину (паскалину), предшественницу арифмометра. Б. Паскаль придумал омнибус – первое транспортное средство для перевозки людей по дорогам, предшественника автобуса.

Очень много времени Паскаль уделял размышлениям о роли Творца в нашей повседнев-

ной жизни. Придумал разделение людей на три категории. Первые те, которые обрели для себя Бога и сознательно служат Ему. Это разумные и счастливые люди. Вторые – неверующие и ищущие Бога. Это безумные и несчастные люди. И третья категория людей это те, которые еще не обрели, но ищут Бога. Это разумные, но пока несчастные люди. Блез Паскаль не дожил до сорока лет, умер от рака мозга. Перед кончиной в шуточной форме сказал своей сестре, что наконец-то будет избавлен от губительной вероятности стать грешником. Бесспорно, величие, простота, благородство идей и догадок Б. Паскаля вдохновляли И. Канта при создании им учений об этике и эстетике.

Продолжает оказывать влияние на современное научное знание Бенедикт Спиноза (1632–1677), родившийся в Гааге в ортодоксальной семье евреев-сефардов. В 1656 году был исключен из еврейской общины. В более поздний период осуждался ортодоксальными иудеями за отказ от принципов и догм иудаизма. Б. Спиноза оказал большое влияние не столько на И. Канта, сколько на его последователей И. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, которые модифицировали (извратили) идеи И. Канта в красивые, логически стройные одеяния «объективного идеализма». За которые ухватился К. Маркс, чем смутил большое число любителей силовых социальных преобразований, революционеров, анархистов, экстремистов, террористов и примкнувших к ним многочисленных, разномастных аферистов и уголовников. Б. Спиноза оказал большое влияние на европейскую интеллектуальную традицию и продолжает оставаться авторитетом для многих сегодняшних любителей детерминизма и демонстративной логической стройности при построении аксиоматических теорий.

А. Эйнштейн писал: «Я верю в бога Спинозы, который проявляет себя в упорядоченной гармонии сущего, но не в бога, который интересуется судьбами и поступками человеческих существ». В такой убежденности физика проявляется иудаистская традиция единого, всемогущего и беспощадного высшего существа, безразличного к судьбе «мыслящего тростника», о котором сердечно заботились Рене Декарт и Блез Паскаль.

К чести А. Эйнштейна, он все же заметил, что Господь, хотя и изощрен, но не злонамерен. Логика научного познания вынудила его защитить идею Творца, как существа изначально-социального, этически определившегося, логически необходимого для сохранения и развития морально-нравственного статуса человеческой личности.

Безусловно, хотя и странно, но сын шорника И. Кант, воспитанный в добропорядочной бюргерской среде преуспевающего в ремеслах и торговле Кёнигсберга середины XVIII века, хорошо знал теории и ход мыслей своих великих предшественников. Термин «величие» еще не стал в те времена ярлыком Декарта, Паскаля и Спинозы. По крайней мере, в том размере, в каком мы сегодня воспринимаем это величие, прошедшее испытание временным интервалом в сотни лет. Для И. Канта они были почти современниками, соседями по университетской скамейке.

Интересно и удивительно иное. Кант, судя по свидетельствам современников, был человеком весьма средней образованности во всех сферах изящных искусств. Музыку, будучи современником Баха, Моцарта, Генделя, считал искусством низшего порядка. Не замечен в пристрастиях к литературе и поэзии, даже к сочинениям своего знаменитого современника Гете. При этом поэзию как жанр считал высшей формой искусства. Не блистал познаниями в живописи. Высшим искусством почитал пластические формы, архитектуру и скульптуру, самые трудоемкие, требующие больших затрат физического труда, материалов, энергии при их создании. Тем более примечательно, что при всем этом очень точно определил сущность и технологии этических и эстетических форм познания реальности.

Первым в мире Кант придал этике и эстетике функции познания, а не получения удовольствий и развлечений. Это можно объяснить очень хорошим устройством самого ума этого человека. Он обладал уникальными способностями к упорной, систематической рассудочной работе и умственной деятельности. Первым в мировой науке четко разделил, обосновал и технологически определил рассудочную и разумную деятельность человека. Это позволило при критическом анализе способностей суждения правильно опреде-

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

И снова о Пушкине...

лить этику и эстетику как научные дисциплины. Именно в ходе этого анализа пришел к гениальному, пророческому выводу о необходимости ограничения деятельности разума с целью защиты человека от самого себя и, в еще большей степени, защиты общества от бесконтрольной работы разума, которая может погубить общество или существенно ухудшить его качественное состояние, гармонию с окружающей природой и замыслом Творца.

Выводы И. Канта начинают подтверждаться сегодня по всей палитре человеческой деятельности. Эту важнейшую особенность гения И. Канта не оценили с необходимой полнотой современники и европейские последователи в XIX и XX веках. Это невнимание привело и продолжает приводить европейскую мысль в сфере социологии в опасные тупики толерантности (равнодушия) и к обязательствам по защите свободной воли индивида только по той причине, что он самочинно присвоил себе звание человека разумного. Сегодня эта ересь называется «правами человека и общечеловеческими ценностями».

Европейцы не справились с наследием профессора Кенигсбергского университета И. Канта, которое опередило свое время на столетия. Его многочисленные ученики относились к нему с восторгом и почитанием, но не усвоили самого главного – творческого дуализма системы И. Канта, который следует признать за универсальную истину Реальности, за мировую константу Бытия мира, человека и общества. Дуализм Канта подвергался критике с самых различных позиций: справа и слева, либералами и консерваторами – по неясным причинам. Скорее всего, высокоученые профессора европейских университетов были раздавлены масштабом концептуального величия идей сына шорника из провинциальной Пруссии, удаленной от блистающих европейских столиц. Может быть, завидовали его смелости, глубине, точности, ясности и откровенности. Может быть, прав поэт: «Мария опять беременна, и мир опять не готов...»

Именно дуализм, как основной инструмент кантовской гносеологии, предвосхитил принципы неопределенности Гейзенберга, дополнительные Бора, основания в математике, которые

искал Д. Гильберт. Дуализм лежит в основе многомерности физики и метафизики, практически всех естественных и гуманитарных наук, позволяет сохранять единство мира в когнитивных и темпоральных моделях. Дуализм Канта продолжает расширять площадки для применения, сохраняет универсальность, нуждается в дальнейшем развитии и расширении метода на многомерные, многополюсные модели и представления для успешного продвижения в биологии, социологии, становлении точных методов в науках гуманитарного профиля.

Действительно, даже оставаясь в рамках традиционных представлений об учениках И. Канта, нетрудно обнаружить, что Фихте, Шеллинг, Шопенгауэр, Гегель выхолостили зерно гуманизма, жизненной простоты и сердечной непосредственности кантовских установок по конституированию априорных форм в сознании человека при контакте с феноменами реальности наших органов чувств и дальнейшей аналитической работе с этими данными в самом сознании на метафизическом уровне. Кант полагал, что в этой работе принимают участие нематериальные объекты – ноумены. Этого не захотели принять его ученики, коллеги и критики. Ученики пошли по разным направлениям, но все они привели к роковым ошибкам, оказавшим существенное влияние на европейскую науку в последующие времена.

Можно сделать вывод, что европейские последователи И. Канта исказили мысли своего учителя, изменили сути его философского наследия. В коротком очерке трудно детально останавливаться на подробностях, потому ограничусь теми направлениями, по которым европейцы, развивая наследие И. Канта, завели в тупик современную науку. Шопенгауэр, развил линию романтической мистики, которая породила Ф. Ницше, Р. Вагнера и, в конечном итоге, нацизм и фашизм. Романтик Шеллинг оказался более безобидным. По его эскизам Кьеркегор, Хайдеггер, Ясперс, Гуссерль, Сартр, Камю сконструировали эстетически привлекательный экзистенциализм (импрессионизм в искусстве), породили, возможно, и не желая того, общество эсхатологического пессимизма в Европе и крайнего, воинственного, в сущности – антинаучного индивидуализма.

Большой знаток формальной логики Г. Гегель, на основе животворных идей И. Канта об антиномиях, путях их преодоления человеком через критический анализ фактов реальности и собственных заблуждений, создал логически стройную, подкупающую наукообразной убедительностью теорию из трех законов диалектики. Искусил тем европейскую мысль самым основательным образом на долгие годы, выхолостил из философии философию. Сын раввина Карл Маркс дополнил это искушение ловкими экономическими соблазнами и антинаучной, злонамеренной теорией диктатуры пролетариата. Три составляющие учения – философия Гегеля, модифицированная под материализм, экономическая теория о противоречиях труда и капитала, диктатура пролетариата как способ решения социальных проблем – известны под названием марксизма.

Это «учение», в сочетании с не менее лукавыми и сомнительными выводами Ч. Дарвина, распространившего эволюционную теорию развития жизни на природу человека и его социальные формы организации, привели к роковым событиям и кровавому XX веку, войнам и революциям, которые продолжают потрясать мир. Социалдарвинизм теоретически обосновывает терроризм, открывает пути для использования научного знания во вред природе и назначению человека. Особую роль эти теоретические «заблуждения» или прямые антинаучные провокации сыграли в судьбе России и ее народа.

Все последователи Канта изменили его открытому, живому учению. Породили марксизм, нацизм и то, что сегодня стыдливо называют постмодернизмом – эклектичный коктейль из позитивизма, фрейдизма, герменевтики, неотомизма, параллелизма и прочих измов, закрывающих человеку горизонты для творческого развития. Все говорят о своем, не слушают друг друга, но продолжают яростно клеймить своих противников нехорошими словами и навешивать ярлыки всех цветов радуги.

Последователи И. Канта в философии оказались невольными жертвами результатов очень быстрого технологического прогресса, случившегося после открытий И. Канта, А. Смита, Л. Эйлера, И. Ньютона и их многочисленных учеников в

позапрошлом веке. Технологии пара быстро дополнились двигателями внутреннего сгорания, электромагнетизмом, авиацией, массовым производством. Искушения технологического развития породили множество антинаучных или очень рискованных концепций в развитии гуманитарного знания и искусства как способов познания реальности. Забвение кантовского наследия в прикладных исследовательских программах по этим направлениям привело и продолжает приводить к дегуманизации социума.

Были оформлены и разрекламированы как два антагонистических учения – капитализм и социализм, которые сулили человеку наступление царства божия на Земле здесь и сейчас. На деле это привело к чудовищному росту потребления, культу потребления во всех без исключения сферах жизни и деятельности человека. Научное знание стало широко использоваться, в первую очередь, для создания и производства средств и систем вооруженной борьбы за приоритет заведомо ложных, аморальных целей. Делалось это под прикрытием других ложных, антинаучных положений о свободе, равенстве и братстве, которые были сформулированы не учеными, а пассивными, не очень образованными и плохо воспитанными вождями французской революции.

Лозунги эти были сформулированы по заказу тайных организаторов революции – масонов и ловких финансовых аферистов, – сумевших использовать борьбу за законные интересы трудящихся в собственных целях достижения власти и повышения эффективности эксплуатации себе подобных с использованием всего арсенала современных научных знаний. Масоны и аферисты были предшественниками нынешних «успешных менеджеров», «креативных специалистов» по манипулированию сознанием сотен миллионов людей на всех континентах Земли с той же гнусной целью – эксплуатации их физических, умственных и психических ресурсов.

В начале позапрошлого века А.С. Пушкин, профессиональный дипломат, первым заметил, что одержало победу и воспользовалось результатами многолетних революционных потрясений в Европе бюрократическое сословие посредством

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

И снова о Пушкине...

тайных масонских технологий. Без шума, пыли и громких заявлений они выстроили и внедрились в Новом свете и европейских странах весьма лужавую политическую систему представительной демократии. Система ничего общего не имеет с настоящим народовластием, которое впервые успешно было апробировано в Великом Новгороде еще в домонгольский период. По этому же пути пытались пойти и наши доморожденные «демократы» – декабристы. Еще совсем молодым человеком А.С. Пушкин публично отрекся от «тайных», масонских офицерских организаций. Мужественно заявил, что в основе любых тайных организаций, учреждений, движений всегда лежат подлые, нечистые намерения. Старая библейская истина о том, что «всё тайное становится явным», тому порукой.

Не вдаваясь более в социальные и политические взгляды А.С. Пушкина, попробуем понять его отношение к наследию И. Канта. В его библиотеке обнаружена не до конца разрезанная работа Канта, содержащая тексты с критикой чистого и практического разума. Основательно Канта А.С. Пушкин, вероятнее всего, изучал по лекциям лицейских кантианцев и иным источникам. Здесь остается поле для исследований. Отторжения трансцендентальной идеи, существования априорных форм сознания в его творчестве тоже нет. Скорее обратное. Многими поэтическими откровениями он, на интуитивном уровне, весьма убедительно утверждает их наличие. Отношение к Шеллингу у него сформировалось на основе смутной догадки о фальсификации последним кантовских идей и ошибочных оценок со стороны П.Я. Чаадаева. Здесь тоже есть место для новых открытий в анализе хода мыслей А.С. Пушкина.

Догматические и квазинаучные рассуждения Шеллинг нередко развивал ради красного словца, а не ради познания истины. А.С. Пушкин обладал абсолютно гениальным чутьем на фальшивые тексты. Это невозможно объяснить рациональными аргументами. Быть может, сама сущность поэтических форм познания мира основана на работе с этими априорными установлениями в тайниках человеческой личности. Грешил поверхностным увлечением модными европейскими идеями и П.Я. Чаадаев, что позднее сам крити-

чески признал. В мягкой, дружелюбной форме его упрекал за то в письмах А.С. Пушкин. К концу жизни Петр Яковлевич системно пересмотрел многие взгляды на исторические пути России, ее духовные, интеллектуальные пути развития и самопознания, иногда калялся.

Внешние обстоятельства жизни Иммануила Канта и Александра Пушкина имеют мало общего. Первый из трудовой, добропорядочной бюргерской семьи потомственных шорников, которые зарабатывали на жизнь изготовлением седел и сбруи для лошадей. В полной мере он испытал нужду, рано потеряв мать и отца, кормил семью уроками в богатых семьях прусских землевладельцев, военных и священников. Второй из древней аристократической семьи русского дворянина по отцовской линии, по материнской из не менее древнего княжеского рода далекой Эфиопии. Не знал нужды в детские и юношеские годы. А.С. Пушкин в разное время по-разному относился к своему аристократическому происхождению. Часто и с достоинством гордился.

Известно его искреннее признание в мещанском звании, яркие стихи о великосветской черни, «рабах и льстецах, приближенных к престолу». Родители русского поэта являлись весьма посредственными христианами. Семья немецкого философа убежденно придерживалась традиций пиетизма. Для современного читателя следует пояснить, что пиетизм находился в оппозиции по отношению к ортодоксам-лютеранам, настаивающим на строгом, безусловном выполнении религиозных догматов. Пиетисты склонны были к живому общению с Богом, считали полезным находиться в постоянном контакте с ним, сверять свои поступки в реальной жизни с требованиями Святого Писания. В традициях пиетистов Бог был добрым членом семьи, с ним можно было советоваться о насущном, даже спорить. В православной традиции аналогом пиетизма считают баптистов.

Многие установления, которые можно найти в философском наследии И. Канта, хорошо объясняются его искренним следованием традициям пиетизма. А.С. Пушкин по-настоящему приобщился к христианским ценностям в последний период своей короткой героической жизни. Хотя



Музей-заповедник А.С.Пушкина «Михайловское».

и безбожником не был никогда, даже в период бурной юности и горячего увлечения античностью, которое пронес через всю жизнь. Всегда и везде сохранял сердечный пиетет к добру, красоте, чести, благородству, ко всему человеческому и живому.

И. Кант безвыездно прожил в Кёнигсберге 80 лет, вел размеренный, строгий режим жизни кабинетного ученого. Повседневная жизнь его проходила по часам и расписаниям, которые он сам для себя устанавливал и строго им следовал. Его соседи проверяли часы по времени выхода профессора Канта на прогулку по одному и тому же маршруту.

А.С. Пушкин за свои 37 лет жизни многократно исколесил всю европейскую часть России, доехал до Оренбурга, любил Кавказ, Крым, Бессарабию, мечтал о путешествии в Китай. Но ни разу он не покинул пределы Отечества. Скорее всего, не потому, что его кто-то не пускал. Вероятнее всего, он сам этого не хотел, суеверно оберегал свой гениальный иммунитет к чужим идеям, а пуще всего – любовь к Отечеству. Здесь проступает глубокое

сходство во внутреннем устройстве умов и сердец этих гениальных людей.

Оба были трудоголики, добродетельны по природе высших, христианских и человеческих понятий, доброжелательны к близким и окружающим, просты в общении, любили проводить время в дружеских компаниях и окружении красивых женщин. Оба не попали под тотальную зависимость от женщин.

Когда И. Кант закончил земной путь, многие граждане Кёнигсберга вышли проводить его в мир иной, искренне опечалились, сожалели о потере. Хотя едва ли соседи И. Канта читали его философские труды, изучали тончайшие рассуждения о трансцендентности, априорных формах рассудочности, разума и этических ценностях.

На отпевание А.С. Пушкина в церкви собрался весь цвет светской публики столицы Российской империи, многие тысячи «простых» людей стояли на улице в морозную погоду. В этом есть нечто мистическое, поскольку грамотных в ту пору, даже в столице, было не так уж много.

Отношения к женщинам были разные. Об этой

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

И снова о Пушкине...

стороне жизни А.С. Пушкина написано много. Хотя белых и темных дыр от этого не стало меньше. Женился он при странных, чтобы не сказать таинственных, обстоятельствах. После неудачного сватовства к А.А. Олениной, которой посвятил самые пронзительные в мировой поэзии строки, оставаться холостым было уже неприлично для мужчины в 31 год. К нормам светских приличий он относился уважительно, старался от них не отступать. Сватовство к умненькой, очаровательной Анет, по матери из рода польских дворян Полторацких, к которому принадлежала и А.П. Керн, закончилось конфузом по неясным причинам. Жених был приглашен на семейный обед в дом отца невесты, чиновника высшего разряда, природного дворянина, президента Академии изящных искусств, весьма добропорядочного человека.

На обеде планировали объявить об официальной помолвке между Александром и Анет. Жених опоздал на обед, появился к ужину. Алексей Оленин взял его за руку и вежливо провел в кабинет. О чем и как они там беседовали, неизвестно. Известно, что после беседы трапеза была переведена в режим ординарного события. Александр потерял статус жениха, но не получил отказа бывать в доме. Написал бессмертные строки: «я вас любил, безмолвно, безнадежно...» Анет до конца дней хранила письма А.С. Пушкина как великий дар, завещала их своей внучке. Случись иное, не опоздай он к обеду, могла бы измениться судьба России, Европы, мира. А.С. Пушкин к моменту гибели только созрел для великих трудов. Но не случилось. «Судьбы свершился приговор»?

Новая невеста Н.Н. Гончарова была на 18 сантиметров выше своего жениха! Как и почему весьма здравомыслящий, остро чувствующий гармонию во всех ее проявлениях Александр Пушкин решился на такой поступок, вызывает у автора этих строк досаду, непонимание и тягостное недоумение. Учитывая особенности семьи невесты, характер и нрав её матери, множество сопутствующих обстоятельств, размышления на эту тему не могут привести к позитивным, хотя и в сносительном наклонении, прогнозам о светлых перспективах такого брака.

Иммануил Кант не женился в своей жизни ни разу. Пишут, что дважды имел такое намерение,

но что-то всегда не ладилось. Многие свидетельствуют о его любви к обществу красивых женщин, беседам с ними за общим столом, но не более того. Не терпел за обеденным столом разговоров на темы онтологии, гносеологии и социологии.

Но думали и творили эти гениальные люди на одну и ту же тему. Тема одинаково важна для самых «простых» людей, рядовых обывателей и для сильных мира сего. Они мечтали о счастье, справедливости и гармонии. Каждый на своем языке. Сделали очень много, чтобы помочь людям, близким и дальним, нам с вами, на расстоянии в два столетия, в точной формулировке понятий, без которых жизнь не имеет смысла.

Понятие о счастье И. Кант не считал высшей целью и добродетелью человека. Он резонно, подробно, доказательно рассуждал о том, что представление о счастье у всех разное, и является по этой причине вечным источником конфликтов и неустroений в семье, межличностном общении, обществе, ведет к угнетению свободы самой личности. Сделал смиренное предположение о том, что состояние счастья можно ожидать как награду Творца для праведного человека, которая может состояться, но может и не состояться. По Канту стремление к личному счастью есть проявление грубых, чувственных, эмпирических установок личности, удел людей, не способных к постижению высших, умопостигаемых, сверхчувственных истин.

Понятие справедливости И. Кант считает более высокой, по сравнению со счастьем, мотивировкой для людей, которая требует работы рассудка и разума, соответствует большим приближением к порядку в частной жизни и общественном устройстве. Ради достижения справедливости люди придумали законы, перед которыми все должны быть равны, независимо от происхождения, богатства, цвета волос или формы глаз. Стремление к справедливости может быть источником споров, конфликтов, распрей и войн между людьми, когда исчерпаны мирные способы достижения согласия.

К высшим формам деятельности человека он относил стремление к гармонии собственного устройства человека и разумной организации общественных форм реальности. К постижению

гармонии он относится с пиететом, считает достойным занятием для сверхчувственного постижения априорных форм в личности человека. Эти априорные формы, по Канту, существуют только в человеке, их нет и не может быть у других живых существ, которые не могут оторвать глаз от дола, устремить взгляд к звездам, вдохновиться их созерцанием для постижения высших истин. Кант прямо не называет при этом имени Творца, что делает его утверждения еще более смелыми и мужественными. При дальнейших рассуждениях он приводит себя и читателей к логическому признанию «категорического императива» целью и смыслом человеческого существования.

При этом высшей формой добродетели И. Кант призывает признать чувство осознанного долга перед требованиями морального закона внутри человека. И. Кант впервые в мировой науке высказал соображение о том, что моральные основания вызывают необходимость присвоить их авторство Творцу. Но не Творец формулирует моральные императивы. Это высшее достижение дуальности – как метода. Здесь трансцендентальность закона уже прямо может быть связана с компетенциями Творца. Далее И. Кант делает фундаментальное, гордое утверждение: «Я вынужден ограничить разум ради веры». Этим, по Канту, человек защищает себя от работы собственного разума, для которого нет логических ограничений и моральных норм. Рассудок и разум могут погубить человека и его культуру, если сам человек не наложит ограничений на его работу в форме выполнения требований веры в гармонию и универсальность «категорического императива», источником которого является моральный закон.

Это гениальное открытие не было усвоено и понято современниками. Только сегодня, спустя 250 лет после сказанного, гениальная формула И. Канта начинает подтверждаться неопровержимыми фактами материальной и метафизической реальности. Потому бессмысленно предъявлять обвинения к ученикам и последователям И. Канта в прошлом и позапрошлом веках. Ошибки их были неумышленны, они просто не имели тех знаний о веществе, полевых формах энергии, нейронных сетях, ядерном взаимодействии, электро-

магнетизме, информации, которые добыты коллективным гением человечества к сегодняшнему дню. Добыты как неопровержимые, убедительные факты, но до конца еще не осознаны людьми в той полноте умопостижения высших истин, о которой мечтал И. Кант. И здесь профессор И. Кант продолжает нам помогать. Творческое расширение и развитие метода И. Канта позволит сохранить единство мира в той полноте, которая примирит физиков и лириков, естественников и гуманитариев, Восток и Запад, поможет им осознать тесноту мира и общую ответственность за его сохранение и развитие.

Следует признать, что европейская мысль и сегодня не приняла предложений профессора из Кёнигсберга по формированию системного подхода к постижению реальности. Последователи внесли отраслевую разобщенность системы знаний не только между «точными науками и гуманитарными», но и между отраслями внутри этих наук. Сегодня физики с трудом понимают биологов, геологи не очень нуждаются в экологах, лингвисты знать не хотят филологов, экономисты вообще никого не признают и считают себя высшей кастой, которую все остальные науки должны покорно обслуживать. Человек остается один на один с природой по всем новомодным философским учениям – экзистенциализму, позитивизму, прагматизму, неотомизму, фрейдизму, марксизму, многочисленным религиозным учениям. Все философские учения забыли Человека и Бога. Многие даже радостно вопят: «Бог умер!», не понимая, что лучше бы им поплакать горькими слезами. Причина тому – измена творческому наследию великого мыслителя и человека по имени Иммануил Кант.

В начале текста мы назвали фамилии последователей философа, которые привели и продолжают вести Европу к тупикам, из которых нет и не может быть достойного выхода. Европа сегодня вновь объявляет разум человека высшей целью и средством, снимает, по факту, все ограничения на его деятельность в агрессивных, догматических рамках воинствующего рационализма в своих темных коридорах власти и лукавого публичного иррационализма в СМИ, для которого нет никаких моральных границ. Рационализм этих моде-

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

И снова о Пушкине...

раторов густо замешан на примитивной, животной выгоде-коммерции современных апостолов «новой лжи и старых басен». Начинается жизнь, когда все «не чувят под собой страну», она им и не нужна уже. Границы стерты. Транснациональные модераторы ежедневно делают свою работу, не замечая, не понимая, что она погубит не только их, но и тех, кто платит им деньги.

Угрозы давно уже перешли из области теоретических гипотез в угрюмую повседневность экологической, демографической, культурно-гуманитарной и социально-экономической деградации во всех странах мира. Скорость деградации становится сама по себе угрозой Бытия человека. Слабый разум отдельного человека, не укрепленный верой в добро и гармонию, теряет свою суверенность со скоростью развития технологий. Неустойчивость, рыхлость, беспомощность общественного сознания, не способного к самоограничению и осмысленному противодействию системным угрозам, стали повседневной реальностью современной Европы.

Самое страшное в том, что нет пока даже заметных признаков осознания этих угроз со стороны европейских интеллектуалов, которые с упорным фанатизмом продолжают уповать на силу и мощь разума, укрепленного, по их мнению, технологическим прогрессом по всем направлениям деятельности. Пример такой успешной деятельности они видят в технологической экспансии Нового Света. Совсем недавно зловещие признаки деградации проявились в явном виде – принесена первая человеческая жертва под колесами беспилотного автомобиля, управляемого роботом. Американское общество практически проигнорировало это ритуальное жертвоприношение. На самом деле это далеко не первая жертва. Счет жертв техногенных, климатических, экологических катастроф и аварий давно уже идет на миллионы, превышает число убитых в военных конфликтах.

Тема счастья, справедливости и гармонии являются центральными в творческом наследии А.С. Пушкина. Позиции его «в сухом остатке» практически полностью совпадают с выводами и суждениями И. Канта. Разница в том, что делает он это в гораздо более доступной для «простого че-

ловека» форме. Правда, при условии, что человек этот говорит, чувствует, мыслит на русском языке. Поэтические формулы очень трудно переводятся на другие языки, иногда это просто не получается. Даже прозаические тексты, которые пишут люди, наделенные поэтическим даром, не всегда можно аутентично перевести на другие языки.

Это отдельная, важная, деликатная и трудная тема. Первым в мировой науке это заметил Н.Я. Данилевский 150 лет тому назад. Но тоже не был услышан, только сейчас его постановки задач по принципиальной возможности взаимопонимания между людьми начинают привлекать внимание. В век компьютерных и информационных технологий мы начинаем правильно понимать задачи, сформулированные века назад. Попробую показать, что поэтические формулы А.С. Пушкина близки к суждениям И. Канта или почти точно им соответствуют.

В год, когда умер Иммануил Кант, Александру Пушкину исполнилось пять лет. В принципе, теоретически, они могли встретиться...

В первом эпитафье к статье А.С. Пушкин утверждает, что хочет жить не ради счастья, а ради того, чтоб мыслить и страдать. Он так и жил, мыслил, трудился с помощью гусиного пера, бумаги и 32 букв русского алфавита, выражал свои мысли и чувства, пробуждал добрые чувства у своих читателей, строго следил за собой, чтобы так всегда и было, чтобы тексты его не будили в читателях недобрых чувств и мыслей. Иногда это причиняло ему страдания, потому как работа очень непростая. Надо научиться любить своего читателя в любом виде, состоянии и достоинстве. Для этого как минимум нужно научиться любить и понимать самого себя. Задача вовсе непростая, может быть, более трудная, чем любить своего близкого, хотя, быть может, удаленного от автора в пространстве и времени.

Но А.С. Пушкин с ней справлялся и справляется, продолжает быть «любезен русскому народу» по праву, чести, совести при прошествии почти двух столетий. Думается, что удалось ему это по той причине, что он умел читать и понимать в себе априорные закладки этой любви в своем уме и душе. Он не просто прочитал сам себя, но и перевел это на язык любви читателю. И далее в

этом же стихотворении автор «ведает» о будущих наслаждениях: «порой опять гармонией упыюсь, над вымыслом слезами обольюсь». Даже надеется на награду, что любовь, быть может, блеснет ему «улыбкою прощальной». Правда, связано это с его представлением о счастье или нет, он не уточняет.

Второй эпиграф написан А.С. Пушкиным через 4 года семейной жизни, и здесь он уже категорически утверждает об отсутствии счастья на белом свете. Далее делится с читателем своей мечтой «о побеге в обитель дальнюю трудов и чистых нег». Опять мечта о труде, как о высшем наслаждении, цели и смысле жизни. Об этом же пишет И. Кант в своем последнем сочинении, считая, что наибольшую радость ему приносит труд. Подобные мотивы обнаруживаются едва ли не во всех стихах А.С. Пушкина разных лет. Этот мотив – не приобретенный, он явно врожденный, он всегда существовал в его сознании, он априорен.

Он счастливо обременен трудиться над словом, не мыслит себе жизни без этого труда, не ждет справедливого воздаяния за свои труды, не имеет никаких иллюзий об общественном признании своего труда. Только сожалеет: «...беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу, а небом избранный певец, молчит потупив очи долу». Сожалеет не о своей горькой доле, а о стране и ее гражданах, обреченных жить в таких условиях. Совсем молодым человеком (в 1819 году!) он писал в знаменитой «Деревне»:

Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...

Пейзаж очень точен, подтверждаю собственными ощущениями от ландшафта при неоднократных посещениях родового гнезда А.С. Пушкина в наше время. Но далее, после столь благостной картины, написано:

Здесь барство дикое, без чувства,
без закона,
Присвоило себе насильственной лозой

И труд, и собственность,
и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей
в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства
грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Текст написан юношей в возрасте 20 лет! Это само по себе вызывает недоумение и множество вопросов. Как этот юноша точно и с необходимой полнотой обозначил все значимые категории политической экономии – труд, время работника и отношение к собственности одной строкой!? Вождь мирового пролетариата Карл Маркс в том году под стол пешком ходил. Текст и сегодня не оставляет читателя равнодушным, вызывает к справедливости ум и сердце у любого. Автор напрасно сокрушается о слабости своего голоса. Едва ли в мировой литературе можно найти строки, в которых сконцентрирована суть социальной несправедливости в столь сжатом виде, с такой научной и эстетической полнотой. В начале стихотворения картина благодати точно соответствует сегодняшнему ландшафту, прелестям пейзажа Пушкинских гор. Здесь гармония между природой и праведным трудом человека полная. Мечта о счастье присутствует в явном виде, и тут же разрушается позорной, рукотворной, априорной социальной несправедливостью. Где источник этой разрушительной силы?

А.С. Пушкин и это хорошо понимает. Он внутри русских людей, разделенных отношениями к соб-

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

И снова о Пушкине...

ственности, труду и правам на собственное достоинство. Разрешить проблему, по его мнению, должна «мания царя». Так и случилось. Ученик А.С. Пушкина, император Александр II, проблему решил. Он же, менее чем за год до своей гибели, поставил в Москве памятник своему учителю на Тверской, около которого и сегодня собираются благодарные русские люди, тунгусы, калмыки, другие коренные народы России. И не зарастает к этому месту народная тропа. Увидели это уже дети сочинителя стихов, великого национального провидца и мыслителя Александра Сергеевича Пушкина.

В «Деревне» автор открыл главную причину люмпенизации русского народа, когда миллионы земледельцев вынуждали превращаться в городскую челядь, холопов по обслуживанию своих просвещенных хозяев-бар, правящих «элит». Процесс уже тогда начал разъедать русское общество снизу и сверху. И большой вопрос, кто при этом деградировал быстрее: хозяева или холопы.

Тема справедливости, не только социальной, интересовала А.С. Пушкина всегда. Это прямо следует из творческого наследия, из его судьбы человека и гражданина. Что мог предложить и противопоставить этому злу сочинитель стихов, вооруженный гусиным пером, горячим сердцем патриота Отечества, глубоким умом мыслителя и пророка. Он противопоставил этому честь, личное благородство и достоинство русского человека, потомственного аристократа духа. В конечном итоге пришлось расплатиться своей жизнью.

А.С. Пушкин и И.И. Кант – самые обыкновенные люди из плоти и крови, которых опалило дыхание Творца. Они честно и смиренно исполнили свой долг перед Ним до конца. Каждый по своей кафедре. Первый создал художественные образы окружающей реальности, которые точно отражают благодатную милость, веселую щедрость, бесконечную мощь и силу Творца Вселенной. В каждой строке он утверждает твердую веру в бесконечно прекрасные, неисчерпаемые в своей полноте и мощи, благодатные, бодрые основы, которые Творец вкладывает в каждого человека при его рождении. Не устает восхищаться и благодарить Творца за щедрость, богатство и многообразие возможностей, которые он вложил в этот

мир, в вершину творения – человека. Не забывает он и о смиренном долге каждого человека чутко следовать установлениям, заложенным Творцом в правила и законы существования Вселенной. Всегда помнит: гнев и сила Его будут неотвратимы, действуют во всем пространстве Вселенной во все времена. «И от судеб защиты нет».

И.И. Кант создал и сформулировал логически безупречные основы для понимания мира, в котором мы находимся. Утвердил необходимость обнаружения и системного исследования антинормальности физических и метафизических явлений Реальности. Феноменов повседневной жизни и ноуменов, возникающих в нашем сознании. Это та работа, которой обречен заниматься любой человек на протяжении всего времени пребывания на Земле. Это долг, который требуется осознать разумом, но если разум бессилён, то следует в это поверить ради собственного спасения и сохранения. Формула «Спаси и Сохрани» – это логическое следствие разумной деятельности, Вера в милость и благодать Творца. Эта вера, по И.И. Канту, не следствие его слабости, но следствие его трансцендентных возможностей к умопостижению Бытия, которые даруются каждому человеку из плоти и крови при рождении в равной доле.

Впервые в мировой истории А.С. Пушкин и И.И. Кант обнаружили и сообщили нам о реальной возможности и путях к познанию мира с помощью рассудка, разума, органов чувств. Знание всегда есть синтез разума и чувства.

Оба поставили в центре своих творческих поисков проблемы свободы, равенства и братства. Лозунги родились в ходе Французской революции и борьбы за самостоятельное развитие европейских переселенцев в Новом Свете. Оба, как одни из самых образованных людей своего времени, прекрасно понимали лукавую условность этих лозунгов, практическую недостижимость в обозримом будущем, даже потенциальную антинаучность в рамках тех научных парадигм, которые могут быть строго сформулированы человеком, живущим на планете Земля.

Оба догадывались, что лозунги были придуманы организаторами революционных процессов в интересах привлечения к ним широких народных масс. Политик В.И. Ульянов еще не родился и не



Болдино – родовое имение Пушкиных.

обнаружил справедливую политическую истину о том, что идеи только тогда становятся материальной силой, когда овладевают массами, революционеры без теорий отлично понимали, что так оно и есть. Помогали французским революционерам интуиция борцов за интересы буржуазии и результаты изысканий ученых в сфере естественных наук, которые заявили о себе в Европе уже вполне убедительно и конкретно.

Революционеры и их заказчики не интересовались науками, поэзией и философией, не финансировали поэтов и ученых. То, что сделали русский поэт и немецкий философ, не было политическим или социальным заказом. Потому они и опередили свое время на столетия. Оба были бесребрениками, честными, благородными людьми, следовавшими внутренним установкам, которые достались им от родителей, опыта жизни и воли Творца.

А.С. Пушкин и И.И. Кант попытались связать сомнительные с позиций здравого смысла идеи свободы, равенства и братства с более понятными и близкими людям идеями счастья, справедливости и гармонии.

И сделали то, что сделали!

Оба гения утверждают, что счастье, справед-

ливость и гармония – это ноумены, которые реально существуют только в сознании человека. Они неустранимы из природы человека. Чтобы они перестали проявляться в виде феноменов и явлений Реальности, надо лишить человека жизни. Это никогда не входило и не может входить в намерения Создателя Реальности, по определению. Но они же явлены нам не как физическое состояние, которого мы можем достигнуть. Это горизонты надежды, стремиться к которым имеет право каждый человек, явившийся в этот прекрасный и яростный мир. Горизонты Бытия установлены не человеком, они существуют по воле Творца. Двигаться к ним, расширять их – не только неотъемлемое право, но и столь же обязательный долг каждого честного человека, живущего в обществе себе подобных.

А.С. Пушкин не был понят людьми при жизни в своем Отечестве. После его гибели русские люди разделились на западников и славянофилов, начали бескомпромиссную, ожесточенную борьбу на взаимное уничтожение. Обустраивать Отечество самостоятельно стало невозможно. Все внутренние проблемы стали решать путем заимствований со стороны, перестали жить своим умом, к чему так настойчиво призывал А.С. Пушкин.

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ПУШКИН И КАНТ.

И снова о Пушкине...

И.И. Кант не был понят своими учеными современниками, европейские последователи и ученики исказили суть гениальных трудов, лишили Европу и мир шанса на успешное развитие. Хотя оба при жизни получили формальное признание своих заслуг и почетные места признанных гениев.

Европа изменила И. Канту. Россия, вольно или невольно, изменила А. Пушкину. Пора с этим разобраться и исправить ошибки. Пока не поздно.

Пора и автору более точно высказать свою позицию, чтобы не оставлять читателя в состоянии большей неопределенности, чем он был до прочтения этого текста. Стоит ли ворошить и оценивать позиции людей, живших два века тому назад? Может быть, тема актуальна только для узких специалистов, сочиняющих научные диссертации по истории философии и поэзии?

Уверен, что позиции и результаты трудов Пушкина и Канта крайне актуальны сегодня для нас, Европы и мира в самом практическом смысле.

Кант положил начало современному научному знанию практически по всем направлениям человеческой деятельности. Создал космогоническую теорию, в которой оставил Творцу очень скромное право для первого импульса. Заложил методы и технологии развития наук естественнонаучного и гуманитарного направлений, создал научные основы для этических и эстетических путей познания мира, рабочую гипотезу «вечного мира» для народов и дипломатов, позитивную педагогику для гармоничного воспитания детей. Мировая наука, вольно или невольно, развивается по маршрутам, заданным И. Кантом. И слава Богу! И только Европа, Отечество великого человека, начинает удаляться в своем развитии от его идей.

После Пушкина Россия получила шанс для осознанной самоидентификации в составе европейской семьи народов. Пушкин создал все несущие конструкции концепции «Русский мир». Убедительно показал, что русские должны во всем следовать своим собственным культурным константам, жить своим умом, без оглядок на авторитеты Запада, Востока, Юга. Это является условием их существования, выживания и развития по вполне объективным обстоятельствам места и времени. Россия в позапрошлом веке, в

результате трудов А.С. Пушкина, заняла законное место культурного лидера в Европе и мире. И сохраняет потенции к сохранению этого места за собой к сегодняшнему дню. К сожалению, русские не поняли наследия своего учителя и пророка при его жизни. После его гибели в стране начали развиваться процессы, поставившие ее на порог национальной катастрофы.

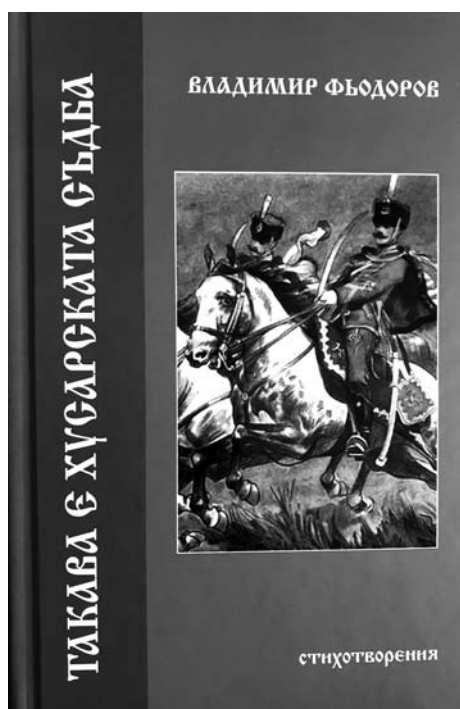
Потенциал наследия Пушкина и Канта содержится в себе зерна обновления жизнеустройства Европы и России. Европа и Россия обязаны пройти непростой путь навстречу друг другу – не только ради самих себя, но ради позитивного развития мировой культуры на основе бодрого, жизнеутверждающего, оптимистического наследия своих лучших мыслителей. Это движение не прекращалось никогда. «Простые люди», руками которых создано все в Европе и России, понимали это всегда. Осталось укрепиться в этом знании ученым и художникам. А затем всем вместе убедить в этом политиков или заставить их это сделать. У русских и европейцев есть большой опыт в такой работе и надежная теоретическая платформа в виде наследия своих выдающихся сынов И. Канта и А. Пушкина. Это же определяет условия нашего совместного выживания в этом яростном мире. И обеспечит рост вероятности того, что наш мир останется прекрасным во веки веков.

Этот долг, категорический императив для европейцев и русских, который до конца был исполнен И. Кантом и А. Пушкиным при жизни. Этот долг и есть наше богатейшее наследие.

Наш долг перед их светлой памятью и своими потомками – освоить наследие этих гениев, двигаться по направлениям, которые они задали. Не следует возвращаться назад. Нам следует идти вперед вместе с А.С. Пушкиным и И.И. Кантом. Место их навсегда в первом ряду.



Якутские гусары на болгарской земле



С весенней встречи с читателями в Актовом зале Консульства РФ в Варне начались презентации в Болгарии книги стихов Владимира Фёдорова «Такова судьба гусарская». Вечер в роли гостеприимной хозяйки открыла консул Оксана Жерновая, а вела его хорошо известная во многих странах мира поэтесса, президент Славянской Академии литературы и искусства Елка Няглова. Она же – издатель и редактор представляемого сборника.

На сцену вместе с гостем из России поднялся его друг-переводчик Антонин Горчев – обладатель Национальной премии “Лучший лирический поэт Болгарии”. Поэтому стихи попеременно звучали на двух братских славянских языках и вызывали живую реакцию собравшихся. Так же на двух языках, перемежая диалог поэтов музыкальными номерами, звучали голоса прекрасных вокалисток Ольги Василенко-Коевой и Виктории Панайотовой. Ну, а зал активно участвовал в действе, поскольку многие сидящие в нём имели самое непосредственное отноше-

ЯКУТСКИЕ ГУСАРЫ НА БОЛГАРСКОЙ ЗЕМЛЕ.

Дружба литератур — дружба народов



ние к литературе и искусству и со знанием дела комментировали происходящее. Свою оценку стихам и переводам дали Пенка Живкова, долгие годы руководившая сферой культуры города Варны; профессор Гергана Славова, успешно сочетающая науку с поэзией; Ангелина Бакалова, недавно выпустившая в «Библиотеке Славянской Академии» очередную книгу стихов «Далеко от Едема»; Мая Раданова, представляющая известное творческое объединение «Камчия»; Пенка Балева, которая не только уже много лет парит на крыльях вдохновения, но и в свои 82 года регулярно прыгает с парашютом из поднебесья...

Выслушать мнения столь разных, но одинаково искушённых в поэзии людей было, конечно же, интересно. И все они сошлись в главном — книга «Такова судьба гусарская» получилась удачной и по работе переводчика, и по художественному оформлению «под старину» гравюрами XIX века.

— Для меня было очень важно, — рассказывает Владимир Фёдоров, — что презентации книги проходили как раз в те дни, когда отмечалось 140-летие окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, положившей конец 500-летнему османскому игу и позволившей Болгарии начать возрождение как самостоятельному государству. На этой волне, конечно же, всколыхнулась волна исторической памяти и благодарности болгарского народа её освободителям. Ну, а поскольку главные персонажи моей книжки — российские воины, то они, в данном случае, оказались, как принято говорить, в нужное время в нужном месте. Так что, видимо, был какой-то перст судьбы в том, что издание неторопливо двигалось к выходу несколько лет, но зато «выстрелило» в самый нужный момент.

Конечно же, отправляясь в поездку, я постарался основательно изучить участие в упомянутой Русско-турецкой войне моих литературных героев, а точнее — их потомков, поскольку глав-



ные события книги «Такова судьба гусарская» разворачивались в баталиях 1812 года. Как оказалось, «гусарская родословная», в которой и на этот раз присутствовала яркая «поэтическая линия», отменно проявила себя в сражениях с османами. В боях за освобождение болгарских «братушек» участвовало девять прославленных гусарских полков. Лихо бил турок знаменитый Ахтырский полк, которым когда-то командовал поэт Денис Давыдов. В лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку сражались воины, наверняка знавшие, что когда-то в рядах их предшественников был унтер Александр Грибоедов. Начиная службу корнетом этого полка, а в Русско-турецкую войну ставший знаменитым генералом, Иосиф Гурко дважды первым перешёл с боями через Балканы, сначала вызвав панику во всей турецкой армии, а затем добив её у самых ворот османской столицы Константинополя. Недаром его имя было присвоено рекордно-

му числу освобождённых болгарских поселений и их улицам! Отличившиеся когда-то под Бородино Мариупольский, Сумский, упомянутые Ахтырский и лейб-гвардии Гусарский, а также Изюмский полки наглядно показали туркам «почём изюм российский ценится». Именно здесь один из потомков «гения в эполетах» – Александр Лермонтов – был за освобождение города Бургас произведён из полковников генералы...

Конечно же, мне, родившемуся в Якутии, было приятно напомнить нынешним болгарам, что среди их освободителей оказалось и несколько «сибирских» пехотных полков – 93-ий Иркутский, 94-ый Енисейский, 43-ий Охотский, 42-ой Якутский, 44-ый Камчатский. К слову сказать, Якутский полк овеял себя славой ещё на Бородинском поле, самоотверженно защищая знаменитые Багратионовы флеши и сдерживая главный удар Наполеона. После этого сражения наградами были отмечены все воины полка, а

ЯКУТСКИЕ ГУСАРЫ НА БОЛГАРСКОЙ ЗЕМЛЕ.

Дружба литератур — дружба народов

офицеры Андриевский, Ширококов и Чарников получили золотые сабли с гравировкой «За храбрость».

Нелегко подчас приходилось «якутянам» и на болгарской земле, особенно — в одном из боёв с османами в октябре 1877 года недалеко от города Елена. Там, у села Миндя, после войны был установлен памятник на братской могиле тридцати павшим воинам полка во главе с майором Константином Эмольским. Но знаменательно то, что многим другим «якутянам» позволило остаться в живых в этом сражении вовремя пришедший на помощь Нарвский гусарский полк, которым командовал полковник... Александр Пушкин. Да-да, старший сын великого русского поэта! В декабре того же года нарвские гусары вместе с пехотинцами Якутского и Вятского полков, атакуя по пояс в снегу, взяли считавшийся непреступным Бебровский перевал и выбили османов с ключевой высоты Девичья могила, которую с той поры можно было называть турецкой могилой. Османы потеряли

в этом сражении 300 человек против 19 россиян... Яркий победный след оставил в этой войне полковник Пушкин, и когда он через много лет уходил в отставку, нарвские гусары-однопольчане подарили своему командиру часы, где вместо

цифр на циферблате значились названия освобождённых ими болгарских городов...

Вот так неожиданно сошлись на болгарской

земле вместе имя моей далёкой северной родины и фамилия гения русской поэзии. К слову сказать, после окончания Лицея Пушкин тоже хотел записаться в гусары, но ему не позволил отец. Зато сын исполнил юношескую мечту Александра Сергеевича...

— А почему именно гусары стали главными героями вашей книги?

— Ну, конечно же, не из-за анекдотов о поручике Ржевском! Это был совершенно особый вид войск, с одной стороны, самый романтичный — кодекс гусарской чести, стремительность кавалерийских атак, красивая форма, традиции весёлых и шумных дружеских застолий, культ высокой поэзии, изысканные манеры на балах... Недаром Карл Великий называл гусаров «оружием богов». Естественно, что и в глазах юных дам они были просто неотразимы! А с другой стороны, эта служба считалась самой опасной. Как гово-

Писатель Всеволод Гаршин (автор популярных коротких рассказов и детских сказок, в том числе знаменитой «Лягушки-путешественницы») прервал учебу в Горном институте и поступил вольноопределяющимся в 138-ой Болховский пехотный полк. Он участвовал в боях, получил ранение в ногу, за отличия после войны был произведен в офицерский чин.

Добровольцем пошел на войну и его коллега, будущий автор знаменитой книги «Москва и москвичи» Владимир Гиляровский. Он служил на Кавказе в 161-ом Александропольском полку и за доблесть в боях был награжден Знаком отличия военного ордена святого Георгия IV степени и медалью «За русско-турецкую войну 1877 — 1878».

Художник-баталист Василий Верещагин получил тяжелое ранение ноги во время атаки миноносца «Шутка» на турецкий пароход. Потом он участвовал во многих сражениях и создал серию известных полотен, которые стали свидетельством ужасов войны и мужества русских солдат: «На Шипке все спокойно», «Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой», «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной», «Побежденные. Панихида по павшим воинам» и других.

Рвался на войну даже 58-летний Иван Тургенев, признававшийся, что лишь возраст не позволяет ему быть в рядах действующей армии. А ветеран Крымской кампании Лев Толстой, который в апреле 1877 года закончил «Анну Каренину», в конце романа направил его главного героя Алексея Вронского добровольцем на Балканскую войну.

рил маршал кавалерии Наполеона Мюрат: «Настоящий гусар никогда не доживает до 35 лет». Гусары, как самая мобильная и стремительная часть войска, первыми начинали любое сражение и последним покидали поле боя, прикрывая



отход или преследуя бегущего противника. И если, к примеру, пехота или те же кирасиры между боями отдыхали, то гусары использовались для разведки или доставки срочных донесений – они постоянно были в седле и под пулями. Не зря в форму каждого гусара входила так называемая ташка – особая сумка на боку для срочных пакетов. Интересно, что по традициям того же Нарвского полка права быть женатыми имели только командиры, а если, к примеру, связать себя узами брака решался какой-то другой офицер, то он должен был тут же покинуть часть. Но зато командир полка и его супруга фактически считались родителями молодых офицеров и при любой возможности собирали их в своём доме. Гусары настолько дорожили особым статусом и мундиром, что, когда полк решили реформировать в драгунский, все офицеры дружно подали в отставку.

– И куда ещё, помимо Варны, добрались на этот раз в Болгарии ваши литературные гусары?

– В первую очередь, в Шумен – родной город переводчика Антонина Горчева. Его земляки, конечно же, проявили большой интерес к новой

работе одного из своих любимых и уважаемых поэтов, который возглавляет областной Союз писателей. Мне, как автору, очень повезло, что Антонин хорошо знает русский язык и при этом прекрасно владеет стихотворной техникой на болгарском. Именно любовь к русскому языку и потянула его прочитать мою книгу, выпущенную, к слову сказать, в Якутске, издательством «Бичик», а затем и перевести её. Судя по аплодисментам слушателей-болгар после чтения Антонином его переводов, можно сказать, что свою работу он выполнил блестяще!

В Шумене мы вместе с сопровождавшей нас Елкой Нягловой записали большую передачу на телевидении, затем встретились в городском Культурном центре с поклонниками поэзии и местными литераторами, а позже все вместе переместились на дружеский писательский вечер. Конечно же, в ходе столь основательного и открытого общения прозвучало множество высказываний о стихах и переводах, о совпадениях и различиях в русской и болгарской поэзии, об особых отношениях между двумя нашими славянскими народами, об острой необходимости

ЯКУТСКИЕ ГУСАРЫ НА БОЛГАРСКОЙ ЗЕМЛЕ.

Дружба литератур — дружба народов

сохранения давних человеческих и литературных связей в нынешнем противоречивом и непредсказуемом мире.

На следующий день мы переместились в древнюю столицу Болгарии Плиску, где нас принимал создатель культурно-исторического комплекса «Двор Кириллицы» Карен Алексанян. Удивительно, но именно армянин, приехавший когда-то в Болгарию «всего на неделю», создал уникальный мемориал азбуке, которой пользуемся мы с вами. Рассказывать об этом духовном подвиге надо особо, но нельзя не упомянуть, что, помимо «парада» по открытым небом 32 букв-изваяний, рядом со зданием картинной галереи и историческими залами Алексаняном заложена Аллея писателей. По его задумке, на аллее в виде скульптурных портретов со временем будут представлены родоначальники литератур и выдающиеся мастера слова всех народов, пи-

шущих на кириллице. Уже и сегодня многочисленные гости «Двора Кириллицы» несут цветы к подножию памятников именитых болгарских писателей, русских классиков — Пушкина, Достоевского, Есенина, выдающихся европейских мастеров слова, основателей литератур народов бывшего СССР и современной России...

Покидая гостеприимную Болгарию, я думал о том, что на Аллее писателей со временем непременно должна появиться и скульптура основателя якутской литературы Алексея Кулаковского.



Владимир ГАРЬКУН,
п. Нижний Бестях

«Поднявшись однажды – парить, Препонов не замечая...»

Наверное, у звезд на небе,
И у луны один вопрос –
Какой же леший прошлой ночью
Под их сиянье нас занес?

Что эти две души заблудших,
Искали в полной тишине,
Державшись за руки шептали,
Друг другу о своей судьбе.

Какой Амур стрелял не целясь,
Почти наощупь, наугад,
Когда слова любви шептали,
А речь дрожала невпопад.

Хотя чему тут удивляться?
Обычный жизненный сюжет,
Душа так хочет обнажаться –
Когда спокойствия в ней нет.

Кто-то бросил камень в воду,
Очертив на ней круги.
И спокойствие нарушил
В том течении реки.

Видно, так кому-то надо
Взбудоражить жизни ход,
Несмотря на все преграды –
Сделать в жизни поворот...

Все сам прекрасно понимаю,
Хоть ты стараешься молчать,
И все упреки принимаю,
И знаю, что могла сказать.

Я удержать тебя не вправе –
Я голубя лишь с рук кормлю,

ВЛАДИМИР ГАРЬКУН. «ПОДНЯВШИСЬ ОДНАЖДЫ – ПАРИТЬ, ПРЕПОНОВ НЕ ЗАМЕЧАЯ...»

Впервые в «Полярной звезде»

И он летит со мною рядом,
Пока уверен, что люблю.

Как хочется, хочется жить!
Свободным чтоб было дыханье,
И сердцем горячим любить
Без боли и содроганья.

Свободно и много творить,
И чувствовать – снова летаю,
Поднявшись однажды – парить,
Препонов не замечая.

Ладони твои целовать,
Прижавшись холодной щекой,
Стихи о любви прошептать,
Всю жизнь наполняя тобой.

Одну лишь тебя любить,
Тобою дышать, наслаждаться,
Тебя, как звезду, вознести,
Твоей красотой восхищаться.

Так хочется просто любить,
Смотреть в голубые глаза,
С тобою судьбу разделить,
И чувствовать, ты – моя!

Как в комнате, пустой и темной,
Иду вперед, слегка раскинув руки.
В крошечной тьме не видно очертаний,
Лишь ощущение одиночества, разлуки.

Куда иду, зачем – и сам не знаю.
И как попал сюда – я не пойму,
А мысли где-то в облаках летают.
Ты мне свечу зажги – и я приду.

Наверно, мы всё же встретились
Слишком рано...

Вот уже сосульки крыши облепили,
Облака-бродяги выше в небо взмыли,
Птиц веселый щебет зазвучал в лесах,
Вот она крадется – юная весна.

Робкими шагами по земле идет,
И в лесу подснежник первым расцветет.
Я нарву охапку желто-голубых,
Знаю, что ты любишь, когда много их.

Пусть они скромнее роз и хризантем
Но они нежнее и прекрасней тем,
Что с собой приносят жизни торжество,
И теплей на сердце станет оттого.

Не пытайся заглянуть в мои глаза –
В них лишь отраженье тишины,
Полная безмолвия вода,
Краски затухающей весны.

Ничего они тебе не скажут,
Ни о прошлом, ни о том, что есть,
И вопросы, что тебя волнуют,
Ни к чему –
Не стоит в душу лезть.

Сам пытаюсь я себя понять,
А тебе все это ни к чему,
Да, хочу обнять и целовать –
Но не спрашивай: зачем и почему.

Мы как будто на краю реки,
Только разные пред нами берега,
И они коварно высоки.
А вода быстра и глубока...



Сергей МОСКВИТИН

Если очень захотеть...

Повесть

Электронное рабство

Однажды взяв в руки компьютерную мышь, оказываешься в мышеловке.

М. Мамчич.

Вовка Попов не любил ходить в школу – там его обижали. Уютно и защищённо он чувствовал себя только дома, в своей маленькой комнате, в призывно светящемся уголке с компьютером.

Страсть к компьютерным играм вошла в жизнь Вовки с пяти лет и завладела им безраздельно, поглотила его без остатка. Сначала это был новомодный планшет, который ему пода-

рили на День рождения, в который именинник влюбился без памяти и жить без него не мог спокойно ни дня. Живой, любопытный до всего ребёнок с большими ясными глазами и выгоревшей на солнце белобрысой чёлкой, который ни минуты не мог посидеть спокойно, резвился и прыгал по всей квартире, как мячик, в считанные дни изменился до неузнаваемости. Новая игрушка поразила его. Стоило Вовке взглянуть на светящийся экран – и он словно бы вошёл в другую реальность, которая расширила границы маленькой квартиры до огромного мира.

Освоился с новой игрушкой Вовка поразительно быстро. Сначала робко нажимал на кнопки – и хохотал от восторга, когда положение виртуального человечка послушно менялось. Компьютерный персонаж удивительным образом оживал, начинал бодро вышагивать, поворачивать вправо-влево или даже бежать изо всех сил. Осмелев, Вовка более уверенно стал управлять движениями человечка.

Вовкины родители облегчённо вздохнули, когда их сынок перестал ревно скакать по квар-

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

тире и переворачивать всё вверх дном. Их неутомимый «мячик» вдруг присмирел и всю свою неиссякаемую энергию растущего организма переключил на движение забавных компьютерных персонажей – человечков, зверей, роботов. Он словно бы сам становился ими – прыгал, бегал и забавлялся, но уже мысленно – в том, другом, ярком и необыкновенном мире.

Проблем с беспокойным, шустрым ребёнком стало намного меньше – планшет с компьютерными играми произвёл прямо-таки волшебное впечатление на Вовку. С тех самых пор малыш все вечера и выходные проводил за планшетом, путешествуя в виртуальном мире зверей, роботов и героев мультфильмов. Вернувшись из детского сада, Вовка первым делом кидался к любимой игрушке, которая постепенно вытеснила из круга его интересов прогулки, походы по магазинам и общение со сверстниками на детской площадке у дома.

Вовкина мама, Ирина Васильевна, работала бухгалтером, часто задерживалась на работе и домой приходила уставшая. Приготовив что-нибудь на скорую руку и покормив своих любимых мужчин, она с удовольствием вытягивала ноги у телевизора.

Вовка всегда считал, что мама у него – настоящая красавица, ведь у неё такие замечательные ласковые глаза, длинные густые волосы и выразительные чёрные брови. Папа тоже был хорош – высокий, длинноволосый, с усами и острой бородкой. А когда отец брал в руки палитру и кисти, то становился для Вовки просто предметом обожания.

Виктор Андреевич Попов, известный в городе живописец, работал художником-оформителем во Дворце культуры. Но даже дома предавался главному увлечению своей жизни – писал картины на больших белых полотнах масляными красками. Его работы пользовались популярностью, охотно покупались, и это позволяло семье Поповых жить безбедно.

На стенах квартиры Поповых повсюду висели пейзажи, натюрморты и, конечно же, портреты, в том числе два маминых и целых три Вовкиных. В первые годы жизни сына отец изо всех сил ста-

рался привить Вовке увлечение к рисованию, но тщетно. Будучи несмышлёным карапузом, Вовка охотно пачкался в красках сам и, как мог, марал холст, карябал карандашами и мелками большие ватманские поверхности, но не выказывал при этом даже намёка на какие-либо способности. Ни в два, ни в три года, ни в пять лет. Отцу с этим пришлось смириться. «Видимо, природа и вправду отдыхает на детях», – говорил он обречённо.

Когда Вовка пошёл в первый класс, у него родился братишка Данил. Внимание родителей переклучилось на младшего сына, но Вовка этого даже не заметил, потому что родители, наконец-то, уступая настойчивым просьбам своего первенца, купили ему самый настоящий стационарный компьютер, и подключили к нему Интернет! Вовке удалось убедить их, что компьютер с Интернетом ну просто жизненно необходимы ему для учёбы в школе.

Родители и не заметили, как «потеряли» сына. Вовка, вернувшись из школы, даже не переодевшись, подсаживался к своему волшебному экрану и «проваливался» в очередную игру. Отвлечь его от ярких фантастических миров было почти нереально – Вовка даже от обеденного стола, прихватив с собой тарелку, сбегал в свой «компьютерный» уголок.

Мечтательный мальчик просто грезил космическими путешествиями и покорением дальних планет, а виртуальные игры щедро дарили ему такую возможность. Вот он, облачённый в скафандр высокой защиты, ступал по красному песку дикой, ещё не освоенной человечеством планеты Пандоры, продирался сквозь густые заросли инопланетных джунглей, а когда на него неожиданно напала пандоринская рептилия, в мгновение ока выхватывал из-за пояса свой неразлучный бластер и всаживал целый заряд в бочину огромной злобной твари...

Вот он, здоровый и накачанный верзила с внешностью самого Арнольда Шварценеггера, размахивая кулаками, размазывает по стенке космических грабителей, пытающихся обчистить банк... Вот он в маске супергероя спасает красавицу из рук целой банды преступников, и

девушка закатывает глаза от восторга, чувства восхищения и благодарности к своему спасителю, и дарит ему нежный поцелуй...

Вот Вовка, вооружившись до зубов, проникает в самое логово жутких зомби, представляющих угрозу всему человечеству, и справляется с ними, орудуя самурайским мечом...

Возможности, которые дарил Вовке компьютер, были поистине безграничными: чувствуя себя богоравным, Вовка строил виртуальные миры, управлял армиями, разрушал или создавал целые цивилизации. В играх он мог быть бесстрашным рыцарем, добрым волшебником, непобедимым гладиатором...

В учёбе Вовка, увы, не блистал. В классе он ничем не выделялся и авторитетом среди одноклассников не пользовался. Что он мог дать своим одноклассникам? Разве что консультацию о преимуществах или особенностях той или иной игровой новинки. Но ребята в его услугах совсем не нуждались. На уроках Вовка часто сидел с отсутствующим видом, задумавшись или замечтавшись, учителей не слушал и не слышал. Он не гонял с пацанами мяч на поле школьного стадиона, не посещал спортивные секции в ДЮСШ или кружки по интересам в Доме детского творчества. Сверстникам с ним было просто не интересно, поэтому они часто над ним зло подшучивали: лепили к волосам жвачку, прятали куда-нибудь Вовкин рюкзак или прикрепляли к спине листок с обидным прозвищем. Особенно Вовке досаждал здоровяк Аркашка, которого побаивались все пацаны в классе, потому что он постоянно пускал в ход свои кулаки, мог ни за что, ради забавы, дать щелчок или подзатыльник. Вовка старался обходить хулигана стороной и не попадаться ему лишний раз на глаза.

Дома, за экраном компьютера, побеждая очередного экранного монстра, Вовка часто представлял на его месте ненавистного ему Аркашу. Здесь, в привычном ему виртуальном мире, так легко было восстановить справедливость и проучить зарвавшегося врага!..

В шестом классе у Вовки сильно ухудшилось зрение, и он вынужден был одеть очки. Вовка по этому поводу сильно переживал. Рассматривая

себя в зеркало, он, бывало, рассуждал: «Почему у меня такая некрасивая внешность? Почему мне не достались от мамы её густые красивые волосы и брови, а от отца – высокий рост, широкие плечи и мускулы?» Напрасно он сгибал свои тощие руки в локтях, сжимая при этом кулаки. Почему-то на месте воображаемых бицепсов и трицепсов не вздувались даже маленькие бугорочки.

От постоянного сидения за компьютером у Вовки появились сутулость и искривление позвоночника. Он крайне редко участвовал в общественной работе класса и в школьных мероприятиях, физкультуру не любил, друзей не имел, разве что одного-единственного приятеля Илью, который тоже был увлечён компьютерными играми и иногда заглядывал к Вовке, чтобы сразиться на пару в «Mortal Kombat». В последнее время Илья стал заглядывать к Вовке после уроков почти каждый день. Вовка был этому только рад, ведь вдвоём и играть можно, и соревноваться.

Летом Вовка, как всегда, наотрез отказался ехать в лагерь – ему было неинтересно со сверстниками. Все каникулы он просидел дома, за компьютером. Спать ложился поздно, в три-четыре часа ночи, а иногда и под утро. А потом отсыпался до обеда. Часто сны мечтательного мальчика были продолжением его фантастических путешествий и приключений. Проснувшись, Вовка снова усаживался за «волшебный» экран.

Наступивший новый учебный год в семье Поповых был особенным: 1 сентября в школу пошли оба сына. Вовка – в седьмой класс, Данилка – в первый. Вовка пообещал родителям присматривать за младшим братом и, если понадобится, защищать его. «Эх, был бы у меня старший брат-защитник! – с тоскою думал Вовка, заводя Данилку в его класс. – Он бы этого Аркашу по стенке размазал!»

Первую четверть Вовка закончил на «тройки», если не считать «четвёрку» по рисованию. Родители, как всегда, почти не обратили внимания на столь посредственные успехи старшего сына, потому что внимание их было сосредоточено, главным образом, на достижениях младшего. Данилка в школу ходил с удовольствием, и вско-

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

ре начал приносить домой “пятёрки” и “четвёрки”.

В конце четвёртой четверти классный руководитель Вовки, Анна Леонидовна, неожиданно вызвала в школу его отца.

Это случилось впервые. Поповы-старшие уже привыкли к тому, что Вовка почти не создаёт им проблем. На родительские собрания ходила обычно мама.

А тут вдруг вызвали отца!

– Виктор Андреевич, – устало глянула в глаза обеспокоенному не на шутку родителю Анна Леонидовна, – неужели вы не замечаете, что с вашим сыном творится неладное? Он совсем съехал в учёбе, мне на него жалуются все преподаватели. Даже Раиса Фёдоровна – учитель по физкультуре! Она говорит, что Вова физически не развит, совсем ничего не умеет – даже элементарно играть в волейбол! Однажды на уроке во время игры мяч попал Вове прямо в голову – и он, бедняга, упал, а дети над ним смеялись! На уроках он обычно «отсутствует», учителей не слышит, витает где-то в своих мирах. Его бесполезно о чём-либо просить... Общественная работа его не интересует, с внеклассных мероприятий он сбегает. Даже с общешкольной линейки в прошлый четверг удрал. Все ребята остались, и только Вова и Илья, как всегда, сбежали. Что с ним такое происходит? Вы можете мне объяснить?

Озадаченный Виктор Андреевич ответил не сразу. Ему и самому давно не нравилось, что сын дни напролёт проводит за компьютером и совсем не выходит на свежий воздух. Даже сходить в магазин за хлебом его не допросишься – приходится идти самому. Поэтому и растёт таким хилым, спортом не занимается, ничем не увлекается...

– Да, вы правы, Анна Леонидовна, Вовчик слишком много времени проводит за компьютером. Пожалуй, в ущерб и учёбе, и здоровью. Мы с супругой сами этим немало обеспокоены...

Анна Леонидовна, похоже, ожидала услышать именно такой ответ.

– Как много времени он проводит у компьютера?

– Всё свободное время.

– Все вечера и выходные?

– Да.

– Играет в эти сумасшедшие «стрелялки»?

– Да.

– Выходит, он игроман – такой же, как и Илья Охлопков. И у него самая настоящая компьютерная зависимость...

Анна Леонидовна тяжело вздохнула:

– Это очень серьёзно, Виктор Андреевич!.. Понимаете?! Это болезнь. Это самая настоящая болезнь, поверьте мне! Учёные считают гейм-зависимость сродни алкогольной и наркотической! Человек, попавший в электронное рабство, теряет чувство реального времени, игнорирует близких и друзей, перестаёт регулярно есть и пить, теряет сон. А взамен получает иллюзию вседозволенности, всемогущества, неограниченной свободы. Всё, что отвлекает его от компьютера, начинает мешать и раздражать. То есть – вся остальная жизнь!

И расстроенная учительница рассказала, как родители Ильи Охлопкова безуспешно пытались отучить сына от компьютера: ограничивали время сидения за играми, забирали сетевой шнур, насильно выводили отпрыска на прогулку, вывозили на природу. Но Илья в ответ на такие суровые меры только озлобился, в знак протеста перестал разговаривать с родителями, стал поздно приходить со школы, где-то подолгу пропадать. С большого компьютерного экрана Илья переключился на маленький экран сотового телефона, а когда отец отобрал у него и мобильник, целыми днями со скучающим видом валялся на диване или спал. Уроки он не делал в знак протеста и нахватал “двоек”. Потом вдруг выяснилось, что Илья где-то раздобыл сетевой шнур и по ночам тайно подключал компьютер... Отец поймал его на этом и снова отобрал шнур. Сын вспылил и снова ушёл в себя. Надолго. Поставив на учёбе окончательный крест. Наконец, после трёх недель протеста мать не выдержала и вернула сыну и сотовый телефон, и сетевой шнур с условием, что сын исправит весь полученный частотол “двоек”.

– Постоянная жизнь в виртуальном простран-

стве до добра не доводит, – подытожила свой рассказ Анна Леонидовна. – Ребёнок перестает нормально общаться со сверстниками, растёт абсолютно не приспособленным к нормальной реальной жизни. Ребята в его возрасте имеют столько увлечений! Некоторые и с девочками уже дружат. А Вова... Он как будто здорово отстал от жизни и остался на уровне третьеклассника. Надо что-то сделать, спасти ребёнка! Но только не карательными методами!

Виктор Андреевич крепко задумался, запустив пятерню в свои густые длинные волосы. «Как права Анна Леонидовна! – рассуждал он. – Всё верно! Это я виноват в том, что сын превратился в игромана. Это я упустил своего сына, это я не занимался его воспитанием! Жил лишь своими бесконечными заказными работами, выставками, шабашками... А Иришка всё своё материнское внимание переключила на Данилку... Надо что-то делать...»

– Что вы посоветуете? – глухо произнёс, наконец, совсем потерянный Виктор Андреевич.

– Постарайтесь вырвать Вову надолго из его привычного мира, туда, где нет ни Интернета, ни сотовой связи. Может быть, стоит поехать куда-нибудь в отпуск? Было бы замечательно переключить его внимание на что-то другое...

Феодосия

*Море – это вечное движение и любовь,
вечная жизнь.*

Ж. Верн.

Домой Виктор Андреевич вернулся хмурый и в подавленном настроении заглянул в комнату к сыну. Вовка, как обычно, сидел у компьютера в наушниках. По экрану носились какие-то вурдалаки, а Вовка активно проливал их кровь и при этом не слышал и не воспринимал ничего, что происходило в реальном мире.

Не слышал он в тот вечер и того, как долго об-

суждали зашедшую в тупик ситуацию его родители, как долго говорили о нём и даже о чём-то спорили...

В первый день летних каникул Вовка узнал, что они едут всей семьёй на Чёрное море в Крым. И поедут они туда не просто так, а какими-то «дикарями!» Отец в последнее время много говорил что-то про невероятно дешёвые билеты в связи с целенаправленной политикой государства, и про то, что грех этим не воспользоваться. И поддержать крымчан. Тем более, что на море ни Вовка, ни Данилка ни разу не были. Отец ради этой поездки даже отказался от очередной важной в его карьере юбилейной выставки...

В аэропорту Вовка растерянно хлопал глазами и смотрел по сторонам. Его немного пугала вся эта сутолока, масса людей и громкие объявления. Вовка на самолёте ещё никуда не летал, хоть и покорял неоднократно в своих виртуальных мирах огромные космические пространства.

В самолёте всё было интересно. Они с Данилкой пристегнулись к креслам ремнями безопасности и с интересом ждали, что будет дальше. Самолёт долго примеривался, будто бы пробоval силы перед взлётом: не сильно ли перегружен? Потом, уверовав в свои силы, сделал мощный рывок и, словно бы оттолкнувшись ногами, взмыл, врезался в небо. Секунды – и огромный город вдруг превратился в макетный стол.

И Вовка, и Данилка с интересом разглядывали через иллюминатор крохотные спичечные коробки высотных зданий. Вовка вдруг почувствовал себя великаном. Ему даже показалось, что стоит протянуть руку сквозь иллюминатор, и любой домик можно аккуратно взять двумя пальцами с большого макетного стола. Автомобили же, лениво ползущие по ниточкам дорог, требовали, скорее всего, пинцета.

Забавно было смотреть сверху на сопки. Вовке казалось, будто под ним лежит смятое ворсистое покрывало. А как причудливо извивались и сверкали на солнце ленты речек и рек! И это всё – огромная Республика Якутия, где он с рождения живёт! Знакомое фантастическое чувство нереальности привычно заполнило его душу, рука шевельнулась в поисках компьютерной

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

мыши, но сознание быстро опомнилось, потому на этот раз ощущения были какими-то другими, необычными.

В Симферополе мама разговорилась с интеллигентного вида пожилой женщиной, и та посоветовала им ехать на отдых в старинный город Феодосию, где легко снять комнату, да и есть на что посмотреть. Одна галерея картин Ивана Айвазовского с сотнями подлинников чего стоит! Последний аргумент больше всех убедил главу семьи, и Поповы больше не сомневались.

В автобусе было жарко, не так интересно, как в самолёте, и Вовка привычно уткнулся в экранчик сотового телефона, а Данилка уснул. После того, как Поповы вышли из автобуса, к ним тут же подскочила грузная пожилая женщина в платке, представилась бабой Глашей и предложила остановиться у неё «за умеренную плату» и всего в десяти минутах ходьбы до моря.

Баба Глаша так забавно выговаривала букву «г»! Хозяйка привела якутских «дикарей» в свой дом и предоставила в их распоряжение четыре койки в одной маленькой комнате, после чего показала, где располагаются во дворе туалет, душевые кабинки, холодильник и терраса с большим столом на открытом воздухе.

Вовка никогда не видел море, поэтому, не смотря на вечер, в нетерпении потянул на пляж родителей и братишку. Какое оно – Чёрное море? Действительно ли чёрное?

Море открылось Вовке, только когда Поповы вплотную подошли к нему. Удивительным был далёкий горизонт, слияние воды и неба. Вовка зашёл в море по колено и первым делом попробовал воду на вкус. Он от кого-то слышал, что вода в море должна быть горько-солёной, и ему поскорее хотелось самому убедиться в этом.

Море было каким-то и обыденным, и необыкновенным одновременно. В нём, как ни странно, абсолютно отсутствовал чёрный цвет, но было так много восхитительных солнечных бликов, качающихся на волнах!

Удивительной показалась Вовке эта вечная неуспокоенность волн, которые поочерёдно шумно выплёскивались на берег и стекали обратно, слизывая при этом ими же выброшен-

ных медуз вместе с ракушками. Прибрежный песок, усеянный створками мидий, восторженно сиял сверкающими блёстками слюды. Ветер нёс с моря свежий солоноватый запах...

На следующий день рано утром Поповы всей семьёй пошли на Центральный рынок по улице Грина покупать продукты. И Вовка подумал: как же замечательно вот так, вчетвером, взявшись за руки, идти куда-нибудь вместе!

Феодосийский рынок...

Такое великолепное зрелище Вовка видел впервые. Поповы невольно залюбовались.

Арбузы всех сортов выставили северянам полосатые бока и готовы были треснуть от спелости, лишь бы их купили. Они радостно отвечали на щелчки, и этот звонкий вязкий звук маняще тонул в сладком нутре. Ароматные дыни пахли сквозь тонкую мягкую кожуру нагретых на солнце боков. Бархатные персики с благородной горчинкой конкурировали с лакированными, необычайно привлекательными нектаринами: «Съешьте нас! Съешьте нас!» Целые ряды рынка были заполнены яркими яблоками, упругими грушами, интригующим инжиром, изысканными апельсинами и более скромными мандаринами, ядрёными грейпфрутами, благоухающими бананами, таинственным черносливом с белёсым отливом, восхитительным солнечным виноградом... Далее эстафету покупательского интереса перехватывали степенные помидоры и огурцы, важные глянцевые баклажаны, нарядная разноцветная капуста, царский болгарский перец, пучки свежей волшебной пахнущей зелени, мясные и рыбные ряды...

Мама решила приготовить на вечер фаршированные перцы и купила для этого всё необходимое. Папа облюбовал арбуз килограммов на восемь и более скромную по размерам дыньку. Детям купили виноград, персики, нектарины и сливы. С рынка Поповы возвращались гружёные, покупки нести пришлось всем, даже Данилке.

Вернувшись на свой «постоялый двор», Поповы от пуза наелись фруктов, арбуза и тающей во рту дыни. Забили до отказа, чтоб не скучал, выделенный им хозяйкой холодильник и пошли на пляж.

Вчера вечером, перед закатом, море и пляж были такими спокойными, отдыхающих было немного, но что здесь творилось днём! Вся прибрежная полоса пестрела от людей в купальных костюмах. Кричали от восторга дети, скатываясь в море с надувных горок. В пунктах выдачи шезлонгов играла весёлая музыка. Зазывалы каждые пять минут ревели в рупор: «Кто желает совершить увлекательную морскую прогулку на морском банане и искупаться в кристально чистой воде? Принимаем и гривны, и рубли! Продолжительность 15 минут. Желающие падаходим!» Здесь же предлагали прокатиться на водном мотоцикле – гидроцикле.

По берегу, чуть ли не перешагивая через распластавшихся на песке отдыхающих, сновали туда-сюда по всей протяжённости пляжа разносчики пищи, в основном это были представители кавказских республик. Каждый, как попугай, повторял одну и ту же фразу.

Поджарый мужчина в солнцезащитных очках, тощий, как вяленая вобла, нагруженный до предела, глухим голосом выкрикивал: «Пиво-риба. Холодное пиво, капчёная рыба. Форель капчёной, белый амур сушёный, барабулька капчёной!».

Крепко сбитый мужичок в одних шортах, с тугим выпирающим животом звонко предлагал: «Сахарный арбуз! Хачапури с сыром, с мясом! Минеральная вода! Лимонад!»

Сдобная армянка шла не спеша и медовым голосом ворковала: «Фруктовые булочки! Сладкие трубочки! Пахлава! Чурчелла!»...

Попробовав восточные сладости, Вовка решил, что пахлава похожа на наш российский хворост, пропитанный медовым сиропом и обсыпанный дроблёным орехом. А чурчелла – это орехи, залитые мармеладом.

В первые дни отдыха Вовка наслаждался купанием. В холодной Лене так не поплаваешь! Там сильное течение, а тут вода тёплая и хорошо держит на поверхности. В маске, с трубкой можно просто лежать на воде и рассматривать столь увлекательный водный мир. Снаружи море одно, а внутри – совсем другое: здесь важно колышутся водоросли, бегают по дну крабы,

зарываются в песок мелкие рачки, деловито снуют туда-сюда стайки мальков...

Погружение в яркий реальный мир, воспринимаемый всеми пятью чувствами, оказалось, интереснее виртуальных приключений.

Первая любовь

Первая любовь неисторченной юности направлена всегда на возвышенное.

В. Немцов.

Все последующие дни Поповы с утра уходили на море, на золотой пляж феодосийского побережья. Купались и загорали целыми днями, обедали тут же в столовой на берегу. Вовка лишь изредка вспоминал про свой далёкий домашний компьютер и почти не брал в руки сотовый телефон. В один из таких дней и произошла столь забываемая для Вовки встреча.

В послеобеденное время солнце раскалило песок до такой степени, что по нему невозможно было идти босиком. Жара давила, и отдыхающие неохотно отступали в тень, под тенты. Поповы тоже перебрались в тень. Вовка повалился на покрывало и некоторое время лежал, наслаждаясь относительной прохладой. В море лезть не хотелось, он уже досыта, до изнеможения накопался.

Повалявшись на покрывале, Вовка сел, начал осматриваться, и в этот момент встретился взглядом с хорошенькой девочкой. Мгновение они смотрели друг на друга, потом Вовка не выдержал, опустил взгляд, но внутренне весь замер. Потом снова взглянул на неё. Первым его чувством было изумление. Они смотрели друг на друга какое-то мгновение, и это второе мгновение длилось несколько дольше первого. На этот раз взгляд отвела она. А Вовка продолжал в изумлении пялиться на неё как на некое чудо. Изумление переходило постепенно в вос-

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

хищение и умиление какой-то особой чистотой, прелестью неимоверно красивой девочки. Она о чём-то говорила со своей младшей сестрой и бабушкой. Бабушка азартно разгадывала с внучками кроссворд. А Вовка всё сидел и глазел непрерывно, и сердце почему-то сладко замирало от восхищения.

Красный купальник на девочке отлично оттенял её ладное загорелое тело. Девушка ещё только начинала формироваться в ней. Круглолицая, большеглазая, девочка прямо-таки светила какой-то необычной концентрированной красотой, очарованием божественной детской невинности. Вовкины жеманные одноклассницы и гипертрофированные компьютерные дивы разом померкли перед этой прелестью. «С ума сойти, какая же она красивая», – эти слова Вовка скорее не повторял про себя, а ощущал через созерцание, которое погрузило его в восторженное блаженство и какую-то неземную отрешённость от остального мира...

Тем временем Поповы уже оделись, явно собираясь уходить с пляжа. А Вовке вдруг захотелось остаться. Лишь после настойчивых уговоров он с большой неохотой оторвался от объекта своего любования...

Только ночью Вовка сумел разобраться в своих впечатлениях и новых необычных чувствах. Неужели он ... влюбился? Растревоженное, как осиное гнездо, сознание никак не позволяло застыть и всё возвращалось, возвращалось к ней. И Вовке вдруг страшно стало от мысли, что он больше её никогда не увидит! А что, если эта необыкновенная девочка была на пляже последний раз и после этого уедет домой? От этой мысли Вовка ещё сильнее разволновался. А может, он всё-таки увидит её завтра? Но что ему нужно будет делать, если он увидит её? Этого Вовка не знал. Ведь он до этого ещё не влюблялся и никогда не дружил с девочками.

С удивлением Вовка анализировал нахлынувшие на него чувства: такого с ним ещё никогда не происходило. Тревожное чувство возможной потери, страх больше никогда не увидеть необыкновенную девочку и бессонная ночь помогли ему осознать и увериться окончательно в

том, что он действительно влюбился. С первого взгляда!

Вовке было четырнадцать лет, а ей? В ту ночь он впервые подумал об этом. Слишком уж юной казалась ему увиденная девочка. Вовка предположил, что ей, наверное, лет двенадцать. То есть между ними, возможно, разница в два года. Много это или не очень? Вовка долго мучился этим вопросом, и в конце концов успокоил себя тем, что два года – не такая уж и большая разница.

Многое Вовка передумал в ту бессонную ночь. И твёрдо решил во что бы то ни стало разыскать удивительную девочку назавтра.

Но назавтра Вовка её не нашёл, и на следующий день тоже. Он тщётно, с потерянными видом, ходил по длинной песчаной полосе пляжа туда и обратно, здорово помрачнел и почти отчаялся, хоть и старался не подавать вида, чтобы мама с папой ничего не заподозрили. Это было ужасно. Больше всего Вовку мучила мысль, что он уже никогда не сможет позабыть о ней, и что он зря не познакомился с ней сразу...

Вовка снова увидел её лишь на третий день утром. Девочка пришла на пляж с сестрёнкой, мамой и бабушкой. Они расположились почти на том же месте, что и прошлый раз, почти рядом с Поповыми. Вовка снова смотрел на неё завороченно, отчего-то оробев, любовался издали и не знал, что же ему делать дальше. Вернее, он знал, что ему просто необходимо подойти, познакомиться, но никак не мог себя заставить это сделать, страшно смущаясь. В таких вот сомнениях и душевных терзаниях прошёл не один час, пока Вовка вдруг не увидел с ужасом, что они собираются уходить. И Вовкино сердце снова кольнула мысль: а вдруг она на пляже в последний раз и больше никогда не придёт? От этой мысли Вовка пришёл в такой ужас, что пересилил робость. Посчитав неприличным знакомиться в плавках, он кинулся к своим вещам, стараясь не отрывать глаз от главного объекта своего наблюдения. Милая незнакомка, её сестрёнка, мама и бабушка тем временем уже оделись и направились к выходу. Так и не успев полностью одеться, Вовка второпях сунул ноги в шлёпанцы и, бросив

маме «я сейчас приду», кинулся вслед за ними. Вид у Вовки был довольно-таки нелепый: в рубашке, шлёпанцах, но без брюк. Впрочем, Вовке было уже не до брюк, ведь он мог снова потерять её из вида, поскольку народ плотным потоком перемещался с пляжа и на пляж. Догнав семейство, Вовка перешёл на шаг, немного успокоился оттого, что снова видел её близко, заставил себя подойти к ней ещё ближе и тронуть девочку за плечо.

Незнакомка обернулась.

– Девочка, разреши с тобой познакомиться?

Внимательно посмотрев на Вовку, девочка хмыкнула, отвернулась и продолжила идти как ни в чём не бывало. Озадаченный Вовка, чуть осмелев, оббежал её и уже спереди повторил:

– Разреши с тобой познакомиться?

– Не хочу я знакомиться! – девочка демонстративно отвернулась.

Такого ответа Вовка никак не ожидал и здорово растерялся. Выручило его лишь неожиданное участие матери и бабушки.

– Она ещё маленькая и ей рано знакомиться, – решительно заявила мать.

– Ну и что! – неожиданно для самого себя догадливо и невпопад буркнул Вовка в ответ.

– Инночка, ну скажи мальчику, как тебя зовут!

– бабушка улыбнулась Вовке, а внучка продолжала идти, отвернувшись и слегка нахмурившись.

– Инночкой её зовут, – участливо сообщила Вовке бабушка, которая сама, видать, была без ума от своей внучки, – маленькая она ещё.

– А вы сегодня не в последний раз на пляже? – поспешил Вовка выяснить вопрос, который волновал его больше всего на свете.

– Нет, мы ведь недавно приехали.

– А сегодня ещё придёте?

– Да придём, наверное, – окончательно успокоила Вовку бабушка. – А ты откуда приехал, мальчик?

– Из Якутии, – радостно сообщил Вовка с улыбкой до ушей, расставаясь со своими новыми знакомыми, и чувствуя, как радостно колотится сердечко в его груди...

После обеда чудесная девочка Инна и её родные снова пришли на пляж. Вовка увидел новых знакомых издали и обратил на них внимание мамы:

– Видишь вон тех двух девочек?

– Да, – ответила мама, – та, что в красном купальнике, очень хорошенькая.

Вовка просиял и, довольный, рассказал, что утром познакомился с этой самой девочкой. Мама понимающе улыбнулась, а Вовка из дальнейшего их разговора понял, что она с одобрением относится к его интересу.

У Инны были пепельно-голубые глаза и волосы какого-то необычного пепельно-каштанового цвета. Может быть, этот пепельный оттенок им уже успело придать южное солнце?

Так как с девочками Вовка никогда не дружил, то абсолютно не представлял, что же при этом делать и как себя вести. С одной стороны, он понимал, что нужно как-то сблизиться с ней, чем-то её заинтересовать, как-то привлечь её внимание. Вовке очень хотелось сделать для Инны что-нибудь приятное. Но что? Инна всё так же сторонилась его и теперь намеренно всё время проводила с сестрёнкой. Вовка подумал, что если бы у неё не было сестры, ему было бы намного легче. Как бы то ни было, Вовка, набравшись смелости, попробовал наконец сблизиться. Он выпросил на время у соседей, отдыхающих рядом, большой бинокль, но сам смотреть в него не стал, отнёс ей:

– Инна, хочешь посмотреть в бинокль?

Девочка не отказалась, но бинокль взяла молча.

А Вовка в душе ликовал!

Потом бабушка снова затеяла игру в отгадывание кроссворда, пригласив на сей раз и Вовку, который отирался поблизости и глаз не сводил с её внучки. Рядом с Инной Вовка чувствовал себя ужасно скованно и смущённо молчал, не зная, что сказать.

Слава богу, размышлял Вовка, хоть её мама и бабушка относятся ко мне хорошо, особенно бабушка. От бабушки Вовка узнал, что Инночке двенадцать с половиной лет, а её сестрёнка Юлия младше её на три года, что Инна учится в музы-

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

кальной школе, что обе девочки очень прилежные и на первом месте у них учёба. Что живёт Инночка в старинном миллионном городе Казани, столице республики Татарстан.

Оказалось, что у Инны очень красивая фамилия – Воскресенская. Но самое замечательное, что мудрая бабушка поняла, что тощий и неказистый очкарик Вовка влюбился в её милую внучку без памяти, и сказала Вовке тогда слова, которые надолго впечатались в его сознание: «Бывает, Володя, что первая любовь становится единственной на всю жизнь, и её проносят сквозь многие годы».

– Наш Вовчик, кажется, влюбился, – доверительно сообщила мужу Ирина Васильевна. – Ты знаешь, он так изменился в последнее время. И совсем забыл, мне кажется, про свои дурацкие игры.

– Дай-то бог, – с облегчением ответил ей супруг. – Всё что угодно, только не игры...

Для Вовки наступили счастливые дни. Он охотно бегал в киоск за мороженым, чтобы угостить Инну и Юльку, покупал им восточные сладости. К Юльке он относился снисходительно, как к ребёнку. А перед Инной всё его преимущество в два года ровно ничего не давало. Понимать-то это Вовка понимал, но вот поделаться ничего с собой не мог. И ведь доходило до смешного: когда Вовка предложил Инне сфотографироваться крутой папиной фотокамерой «Nikon», она в ответ убежала купаться. Снова со своей сестрёнкой. И при этом хохотала и показывала ему язык! Вовка стоял страшно смущённый рядом, на берегу, и не знал, что ему делать. Наконец, мать Инны сжалилась над пареньком и уговорила дочку сфотографироваться. Девочки вылезли из воды, встали на большой ракушечный камень и Вовка, замирая от восторга, жадно сделал один за другим несколько желанных кадров. Но и при этом Инна подчёркнуто не обращала на Вовку внимания и вертелась по сторонам. А Вовка, как блаженный, млел от восхищения и обожания, глядя на её прелестное личико, мокрые волосы и сбегающие по телу струйки воды.

А потом Инна вдруг заболела. Это произошло после того, как Вовка дал ей свою водолаз-

ную маску. Наверное, корил себя Вовка, девочка слишком долго пробыла в воде и от этого слегла в постель. Сгорая от чувства вины и нерешительности, Вовка навестил больную в том доме, где Воскресенские снимали комнату.

Девочка лежала в постели с толстой книжкой в руках. Ей, похоже, было всё равно, что Вовка пришёл её навесить. Вовка несмело приблизился и первым делом извинился за то, что Инна заболела по его вине. Девочка обиженно наморщила носик, но ничего не сказала. Вовка слегка приободрился и спросил:

– Что читаешь?

Инна быстро взглянула на Вовку с некоторым удивлением и во второй раз за всё время их необычного знакомства ответила:

– «Таинственный остров» Жюль Верна.

Вовка шмыгнул носом. Ни название книжки, ни имя автора ему ни о чём не говорили. Но Инна ответила ему! Это было так безумно приятно! И тут неожиданно для самого себя Вовка восхищённо брякнул:

– Ты такая красивая...

Инна снова удивлённо посмотрела на Вовку. Быть может, в первый раз за всё время заинтересованно. И спросила, чтобы хоть как-то поддержать разговор:

– А ты чем увлекаешься? Что ты любишь читать?

Вовка готов был сквозь землю провалиться от стыда: читать-то он не любил! Но как в этом признаться? И он, страшно смущаясь, пробормотал, что он того, этого, ну, в общем, больше предпочитает компьютерные игры.

– Ты игроман, что ли? – разочарованно протянула Инна, презрительно скривив свой прелестный ротик. – И читать не любишь?

Вовка залился алой краской и втянул голову в шею. Он смущённо пожал плечами, потому что сказать ему было совершенно нечего.

– О чём тогда с тобой вообще разговаривать? – девочка демонстративно отвернулась от Вовки и, раскрыв фолиант на закладке, продолжила чтение.

Пятясь, сгорая от стыда, Вовка покинул комнату.

На пляже Инна больше не появилась. Бабушка участливо поговорила с Вовкой, расспросила его о родителях и о городе, в котором он живёт, и сообщила, что они завтра уезжают домой, в Казань. У Вовки внутри словно что-то оборвалось. И он снова напросился на встречу с Инной, чтобы попрощаться.

Вечером после моря Вовка уговорил маму помочь ему купить для девочки Инны цветы, и мама понимающе согласилась помочь. Они вместе сходили на рынок и купили большой букет розовых гладиолусов.

Прикрываясь цветами, Вовка несмело появился в ограде дома, где снимали комнату Воскресенские. С Вовкой вышла поговорить бабушка. Она сообщила ему, что завтра рано утром они уезжают на автовокзал, и единственная возможность для Володи попрощаться с Инночкой – сейчас. Для этого она постарается уговорить внучку поговорить с Володей.

Вовка места себе не находил от стыда и смущения. Всё больше зарываясь в букет, он молил небеса, чтобы Инночка пришла к нему попрощаться, ведь он так тщательно готовился к этой встрече и так много должен ей сказать! Он просто не простит себе, если не увидит её ещё раз.

Инночка вышла, наконец, к Вовке, смущённо улыбаясь. Видимо, после долгих уговоров своей замечательной бабушки.

– Здравствуй, Инна! – у Вовки все заготовленные заранее слова и фразы вылетели из памяти. – Это тебе!

Девочка благосклонно приняла букет.

– Мы в прошлый раз с тобой не договорили. Я хотел спросить, а ты чем увлекаешься?

Инна ответила, что самое любимое для неё занятие – игра на фортепьяно. И чтение книг. И если он хочет быть человеком умным и интересным, он должен читать, а не просиживать дни и ночи, играя в глупые детские «стрелялки».

– Я обещаю тебе, Инна, я исправлюсь, – неожиданно для самого себя выпалил Вовка. И робко попросил у девочки номер сотового телефона.

– Я не дам тебе свой телефон, – твёрдо сказала, как отрезала, Инна. – Ты слишком многого

хочешь. И электронный адрес тоже не дам. Могу дать только почтовый адрес. Если хочешь – пиши мне обычные письма. На бумаге!

Вовка, не надеявшийся уже ни на что, расплылся в довольной улыбке и с радостью, старательно записал в свой блокнот почтовый адрес. Потом он спросил, когда у девочки день рождения. А потом он дал Инне заранее приготовленный листок со своим почтовым адресом, телефоном и электронной почтой.

Чуть осмелев, Вовка начал, наконец, припоминать свои домашние заготовки и фразы:

– Инна, ты помнишь, когда мы увидели друг друга в первый раз?

Девочка кивнула.

– Инна, мне очень не хочется расставаться с тобой, ты мне веришь?

Девочка снова кивнула.

– Мы обязательно встретимся, Инна. Это я тебе точно обещаю, мы встретимся! – твердил Вовка, как заклинание. И, наконец, решился сказать девочке главные слова:

– Потому что я тебя люблю...

Инна на признание отреагировала странно. Она молчала, опустив глаза, а потом вдруг посмотрела Вовке прямо в душу своими бездонными пепельно-синими озёрами, отчего тот совсем потерял голову. «Господи, до чего же она красивая! Ну до чего же она красивая!», – только и успело пронестись у Вовки в сознании. Внезапно он, осмелев от счастья и нахлынувших чувств восторга, обнял и поцеловал опешившую девочку прямо в крепко сжатые губки. Инна возмущённо хмыкнула, вырвалась из Вовкиных объятий и побежала через калитку на улицу. А Вовка, как заведённый, всё кричал и кричал ей в след:

– До свидания, Инночка! Мы ещё встретимся! До свидания! Мы обязательно встретимся! До свидания!..

Отбежав от Вовки на безопасное расстояние, Инночка всё же обернулась под конец и махнула ему рукой. В груди у Вовки всё затрепетало от счастья...

Так они расстались. В тот вечер Вовка не сразу вернулся к своим, вначале унял своё бешеное волнение и слёзы. Это были слёзы счастья и горя

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

одновременно. Рыдания душили его какое-то время, и он не сразу успокоился.

Во все последующие дни до отъезда Вовка лелеял в сознании образ Инны. После отъезда девочки море казалось Вовке печальным и неуютным. Оно постоянно штормило и хмурилось, собирая над собой тяжёлые мокрые тучи. И Вовка подумал: каким всё-таки чудом были эта встреча с ней и эти несколько счастливых дней до её отъезда!

На память об Инне у Вовки остались несколько напечатанных фотографий, записанные в блокноте почтовый адрес девочки и День её рождения – 23 декабря. А вдобавок к этому – нестерпимо яркие воспоминания и шальное-шальное, огромное-преогромное, доселе неизвестное Вовке чувство волнения, восхищения и восторга, какой-то безумно хмельной волны, которые не помещались ни в груди, ни в сознании.

Он твёрдо пообещал себе измениться и завоевать внимание любимой девочки – во что бы то ни стало!

Вовкины родители заметили разительные перемены в сыне. Южное солнце явно пошло мальчику на пользу – он подзагорел и даже расправил плечи. От прежней сутулости не осталось и следа. Забыв напрочь про свой сотовый телефон, их сын плывал до изнеможения сам и старательно учил плавать Данилку. Но самое главное чудо – сразу после отъезда Инны Вовка попросил мать пойти с ним в книжный магазин и купить ему книгу – «Таинственный остров» Жюль Верна! И начал эту книгу читать!

Перед отъездом Поповы осмотрели главные достопримечательности Феодосии – города с 2500-летней историей. В число этих достопримечательностей попал и Музей писателя Александра Грина. Вовка вспомнил: бабушка Инны рассказывала, что они посетили Музей Грина, и что Инночке понравилась эта экскурсия.

Вовка узнал, что Музеем А. С. Грина в Феодосии является дом, где жил писатель, создавший здесь свои романтические произведения «Бегущая по волнам», «Джесси и Моргиана», «Золотая цепь», «Дорога никуда» и множество рассказов. Комнаты в музее, отделанные под каюты

корабля, хорошо передавали атмосферу мечты, в которой жил писатель. Вовке музей понравился, наверное, в первую очередь потому, что он понравился Инне. Женщина-экскурсовод с восторгом рассказывала о произведениях писателя, в первую очередь о самом известном из них – феерии «Алые паруса». И Вовка пообещал себе, что обязательно прочтает это произведение.

Не меньшее впечатление на Вовку произвела большая галерея картин Ивана Айвазовского, содержащая четыре сотни подлинников художника. Виктор Андреевич с восторгом тянул родных от одного полотна к другому и рассказывал, рассказывал...

Когда Поповы осматривали старинную башню святого Константина, Вовка узнал от экскурсовода, что название города «Феодосия» в переводе с древнегреческого означает «богом данная». Этот простой факт поразил мальчика: в «богом данной» Феодосии он повстречал не иначе как «богом данную» девочку Инну, и «богом данная» любовь поселилась в его сердце.

Домой в далёкую Якутию Вовка возвращался совершенно преображённым, поскольку в груди его полыхало большое алое пламя возвышающей, окрыляющей любви.

Испытание временем

*Но ежели для истинной любви
Страдание всегда необходимо,
То, видно, уж таков закон судьбы,
Научимся сносить его с терпением.*

В. Шекспир.

Снова и снова Вовка возвращался в своих воспоминаниях на золотой пляж феодосийского побережья. Снова и снова доставал из блокнота заветные фотографии и ласкал взглядом

ставший ему таким дорогим образ милой хрупкой девочки в красном купальнике. Ах, как это было здорово!.. Он, Вовка, пообещал ей, что они обязательно встретятся. Пообещал. Связал себя, получается, обещанием. Ну, а раз дал обещание – обязан его сдерживать. Как он это сделает, Вовка тогда ещё не представлял. Он лишь мечтал о какой-нибудь счастливой случайности, которая вновь соединит их.

По дороге домой Вовка написал в своём блокноте прямо под адресом любимой девочки: Начинаю путь к самосовершенствованию:

Обещаю покончить с компьютерными играми раз и навсегда.

Обещаю избавиться от очков и вылечить зрение.

Обещаю заниматься спортом.

Обещаю прочитать много книг.

Обещаю хорошо учиться.

Клянусь своей любовью, что всё это выполню.

По приезду домой, первым делом, подсев в свой «компьютерный» уголок, Вовка безжалостно удалил с винчестера все игры. Имеющиеся компакт-диски с играми разрезал пополам ножницами и выбросил в мусорное ведро. Включив Интернет, он набрал в поисковике «Как избавиться от очков» и распечатал несколько рекомендаций. Следом сделал запрос «Как быстро накачать спортивную фигуру в домашних условиях».

После этого Вовка написал Инне письмо. О том, как сильно он тосковал в Феодосии после её отъезда. О том, какое сильное впечатление на него произвёл Жюль Верн. О своём твёрдом намерении покончить с компьютерными играми. И, конечно же, о своей любви...

Спустя три дня Вовка написал и отправил в далёкую Казань второе, полное чувств и восторгов послание.

Вовка рассудил, что письмо в один конец будет идти не больше недели. Значит, ответ последует через две. Но ответа не последовало ни через две недели, ни через три, ни через месяц. Вовка не отчаивался. Он напечатал целый ворох феодосийских фотографий и отправил их Инне в двух больших конвертах.

А между тем Вовка начал задуманный им «путь к самосовершенствованию».

От попросил родителей купить ему разборные гантели и перекладину для установки в дверном проёме.

Отныне каждый день Вовки был расписан по минутам. Рано утром он отправлялся в городской парк бегать лёгкой трусцой; вернувшись, делал несколько подходов на бицепсы, трицепсы и «крылья» с гантелями; далее он отжимался от пола, приседал и подтягивался на перекладине. Несколько раз в день в перерывах между чтением Вовка делал гимнастику для глаз и стоял за учебники и взялся за выполнение уроков с таким усердием, словно от этого зависело, будет ли он жить дальше.

Родители Вовки за всеми этими чудесами наблюдали с каким-то восторженным удивлением, радостью и даже гордостью за своего сына. Они ничего ему не говорили, боясь вспугнуть эти серьёзные перемены к лучшему.

А через несколько дней Вовка несказанно обрадовал отца, когда решительно вошёл к нему в мастерскую и попросил:

– Папа, научи меня рисовать портреты...

Виктор Андреевич внутренне ахнул, но вида не подал и тут же ответил согласием:

– Легко... Садись вот сюда.

Отставив в сторону громоздкий мольберт с тяжёлым полотном и недописанным пейзажем, отец пододвинул к сыну более лёгкий деревянный мольберт с прикрепленной к нему бумагой светло-коричневого оттенка.

– Смотри, сынок, бумага телесного цвета выбрана не случайно. Это основной цвет человеческой кожи, поэтому самые освещённые места на лице можно оставлять так. Для начала тебе нужно набросать эскиз. Он делается угольком. Держи его вот так, кончиками пальцев. Движения наноси смело – уголь легко стирается, если что-то будет не так.

Взяв Вовкины пальцы с зажатым угольком в свою широкую ладонь, отец быстро набросал скупыми, но невероятно точными движениями абрис головы девушки.

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

– Теперь попробуй сам.

Повторить движения вслед за отцом оказалось не так сложно, как Вовка предполагал вначале. И Вовка выдал почти такой же абрис!

Отныне сын каждый день брал двухчасовые уроки у отца. Довольный донельзя Виктор Андреевич каждый раз подбадривал добровольного ученика: «Если очень захотеть – можно к звёздам полететь! Тем более – научиться рисовать...» Часто он повторял для ободрения и другое своё любимое выражение: «Не боги горшки обжигают».

И Вовка поверил в себя. Схватывая теорию на лету, практиковался с азартом, и каждодневные подходы к мольберту начали приносить первые плоды. С автопортрета, написанного с помощью зеркала, на Вовку неожиданно глянул он сам – вихрастый большеглазый подросток со всеми характерными чертами Вовки Попова. Даже сдержанный на похвалы отец удовлетворённо крякнул:

– Есть! Хорошо!

А спустя минуту добавил, светясь от счастья, себе под нос:

– Гены – это вам не кот чихнул...

Освоив уголь и сангину, Вовка перешёл на пастель. Стены его комнаты постепенно заполнились портретами разных техник и размеров с изображениями самого Вовки, мамы, отца, братишки и, конечно же, любимой девочки.

Через пять недель, так и не дождавшись ответа, Вовка отправил в Казань третье письмо, на следующий день – четвёртое, затем пятое, шестое и седьмое.

«Добрый день, Инна! – писал Вовка в письмах, – мне о многом хочется поговорить с тобой. По-моему, мы расстались друзьями. Как ты считаешь? Давай познакомимся поближе! Но для этого нужно, чтобы ты отвечала мне. Хотя бы несколько строчек! Честное слово, после получения твоего письма я почувствую себя самым счастливым человеком! Если бы ты только знала, сколько разочарований мне приносит каждый день! Заглядываю в почтовый ящик – а там пусто! Спрашивай меня в письмах о чём угодно, я расскажу тебе честно обо всём. И сообщи мне,

пожалуйста, какие книги твои самые любимые. Я их с удовольствием прочитаю...»

После отправки седьмого письма Вовка каждый день с замиранием сердца заглядывал в почтовый ящик. Но тот был бессовестно пуст и через две, и через три недели, и через месяц.

Восьмое письмо Вовка отправил Инне в ноябре. К тому времени он уже придумал, как выполнить данное Инне обещание. После девятого класса он поедет поступать в Казань в какое-нибудь училище. Что может быть проще?

Конечно же, Вовка написал Инне и об этом. Своё послание любимой он закончил так: «Трудно писать в неизвестность, но я надеюсь, что это письмо попадёт в твои руки, и ты мне ответишь...»

Но снова потянулись недели напрасного ожидания. Приближался День рождения Инны – 23 декабря. Подарок для любимой Вовка приготовил своими руками – пастельный портрет Инны, самый удачный и похожий из четырнадцати разных вариантов. Посылку Вовка специально отправил в Казань с уведомлением, чтобы узнать, получит ли Инна его подарок. А вдруг она дала ему неточный адрес? Вскоре, однако, он с радостью узнал, что «Посылка выдана Воскресенской И. Н. лично в руки».

Впрочем, писем от Инны по-прежнему не было. Вовка, стараясь не впадать в отчаяние, с трудом контролировал себя. Перечитав “огоньковское” Собрание сочинений Александра Грина в шести томах, он взялся за Полное собрание сочинений Шекспира из отцовской библиотеки.

Как сказал великий классик английской литературы, «На всей земле не сыщете поэта, дерзнувшего приняться за перо, не обмакнув его сперва в прекрасных слезах любви...» Когда Вовка осилил весть шекспировский восьмитомник, он с удивлением отметил, что его сознание продолжает по инерции мыслить в стихотворном ритме. Свои первые неумелые стихотворные строчки Вовка написал именно тогда. Это был акростих на строчку «Инна, я люблю тебя». Вовка отправил его любимой девочке в одиннадцатом письме, самом длинном, на шести листах. В нём он писал ей о школьной жизни, о класси-

ческой музыке, которую он начал слушать; о колоссальном впечатлении, которое на него произвёл «Концерт №1 для скрипки с оркестром» Никколо Паганини; о прочитанных книгах; о том, насколько он был очарован «Алыми парусами» Александра Грина, о Шекспире и, конечно же, о своей любви.

К 8 марта Вовка снова отправил любимой девочке подарок – книгу «Ромео и Джульетта» Шекспира. Это был подарок с подтекстом, он словно бы говорил: многие взрослые считают, что подростки не способны любить по-настоящему, но ведь Ромео и Джульетта были такими же юными, как мы с тобой! Они тоже были, получается, детьми!

«Нельзя терять надежды, – успокаивал себя, как мог, Вовка, – буду ждать».

А между тем он упорно продолжал свой «путь к самосовершенствованию».

Ежедневные пробежки, упражнения с гантелями, приседания, подтягивания и отжимания сделали своё дело: Вовкины руки взбуржились приятными упругими мышцами, расширились плечи и грудная клетка, появилась спортивная осанка и мягкая пружинистая походка. Кроме того, Вовка начал набирать рост.

Теперь, стоя перед зеркалом обнажённым по пояс, Вовка с удовлетворением отмечал наличие и бицепсов, и трицепсов, и намечающейся трапеции корпуса, и «кубиков» на животе. «Я стану достойным тебя, Инночка! – мысленно обращаясь к любимой девочке Вовка. – Я добьюсь этого! Я смогу!»

И Вовка решил на то, о чём мог лишь только мечтать ещё два года назад, но боялся сделать – прийти на секцию бокса в детско-юношескую спортивную школу.

Он уже знал, что тренер Игорь Валентинович Зенцов – невысокий, но коренастый мужчина средних лет с немного угрюмым выражением лица, не отказывал никому. Такой у него принцип. Тренер был убеждён, что сквозь горнило тяжёлых тренировок смогут пройти лишь самые упорные и способные. Остальные – слабаки и лентяи – быстро отсеются сами собой.

Вначале Вовка трижды в неделю исправно

посещал занятия в группе новичков разного возраста. Занимался он с рвением и усердием, до седьмого пота, и вскоре Игорь Валентинович сделал ему предложение приходить тренироваться в удобное для него время по вечерам, получать индивидуальные задания.

Восьмой класс Вовка окончил без “троек”, как и Данил. Родители устроили по этому поводу домашний праздник. Наступило лето, прошёл целый год со дня их встречи, а писем от Инны по-прежнему не было. Но Вовка по двум полученным уведомлениям знал, что пишет не впустую, что адрес верный. И он себя успокаивал, как мог. Может быть, дело не в Инне? А в её родителях? Может быть, это они перехватывают Вовкины письма или попросту не разрешают ей отвечать? Все эти терзания и предположения привели в конце концов к тому, что Вовка написал письмо родителям Инны. Это были отчаянные, наивные, но искренние строки, способные, как ему казалось, растопить лёд их жестоких сердец.

Если очень захотеть...

Когда чего-нибудь сильно захочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы твоё желание сбылось.

П. Коэльо.

Вовкино отчаяние к тому времени достигло предела. Он замкнулся, он безумствовал, он видел по ночам в своих снах любимую девочку, их встречи происходили всё в более фантастических обстоятельствах. Неизвестно, что было бы с Вовкой в дальнейшем, если бы в один счастливый день в конце августа он не обнаружил в почтовом ящике столь долгожданное письмо. Послание родителям сработало!

Никогда ещё Вовка не был так бешено счаст-

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

лив. Сердце его громко заколотилось, и, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди, когда он увидел отчётливый казанский штамп на конверте и выведенное детским почерком «Попову Владимиру». Это было как во сне... От переизбытка чувств Вовка даже встал перед почтовым ящиком на колени и сказал ему, как живому: «Спасибо!» А когда влюблённый паренёк открыл конверт и пробежал глазами по строчкам, то зарыдал от счастья.

«Здравствуй, Володя! Ты, наверное, догадался, кто тебе пишет? Ты меня извини за долгое молчание. Сначала я сдавала экзамены в муз. школе. Потом ездила в лагерь. Потом снова началась учёба и занятия в музыкалке. В этом году мне нужно особенно потрудиться, ведь я решила сдать экзамены в музыкалке за 2 года.

А если честно, то я не спешила отвечать тебе. Я не воспринимала тебя всерьёз. И ещё. Если бы ты сдался и перестал писать, значит, все эти чувства с твоей стороны были несерьёзными.

А ты молодец, что проявил настойчивость. И нашёл в себе силы побороть компьютерную зависимость. Ты меня удивил.

Я тебе ещё напишу, какие книги тебе нужно прочитать.

Ну, пока! Инна».

Вовка снова и снова покрывал поцелуями долгожданное письмо, залитое слезами, он был просто безмерно счастлив. Никогда до этого он ещё не испытывал ничего подобного. Ответ он написал в тот же день. И в нём было очень много сумасшедших слов благодарности и любви...

Душа его пела...

Отец оказался прав: если очень захотеть – можно к звёздам полететь! Что-то невероятное произошло в Вовкином организме. Он вдруг начал меняться на глазах в лучшую сторону. То ли оттого, что Вовка перестал горбиться у компьютера и бесконечно напрягать глаза экранным излучением, то ли от постоянных упражнений для глаз, то ли от элементарного самовнушения и установки на выздоровление, то ли от волшебной силы любви, зрение его постепенно выправилось до положенной единицы. И Вовка распрощался с очками.

Радикальные изменения, которые произошли в хилом, незаметном очкарике, были просто поразительными. Не только одноклассники, но и учителя озадачились тем, что вчерашний самый заурядный троечник получает отличные оценки, уверенно отвечает на вопросы, регулярно выполняет домашние задания и постоянно тянет руку на уроках. Паренька словно бы подменили. А когда Вовка однажды пришёл в школу без привычных уже для его образа очков, класс ахнул от изумления.

– Что случилось с нашим Вовочкой? – дурашливо, картинно воздел руки вверх Аркашка. – Как он мог оставить дома свои вторые глаза? Не иначе, как его укусила муха цеце!

Вовка привычно пропустил мимо ушей и Аркашину реплику, и смех ребят.

Но Аркаша и не думал успокаиваться. С дурацким возгласом «Ой, муха сидит!» он подскочил к Вовке сзади, чтобы поставить ему подзатыльник.

Почти всё дальнейшее за Вовку сделал его тренированный организм: отклонил в сторону корпус, одновременно развернув его к противнику, пропустил в сторону летящую Аркашину руку и впечатал в правую скулу обидчика неожиданный хук слева, добавив следом прямой удар всем телом, с разворотом плеч, правой рукой, прямо в ненавистный Аркашин подбородок.

Аркаша, не удержавшись на ногах от двух неожиданных крепких ударов, рухнул назад, на локти и задницу.

Класс восхищённо ахнул во второй раз.

Прозвенел звонок.

Аркаша с красными пятнами на скуле и подбородке озадаченно поднялся, отряхнул брюки и, ничего не сказав, угрюмо проследовал на своё место.

Больше он Вовку не цеплял.

После того случая на красавчика Попова начали заинтересованно поглядывать одноклассницы. Но Вовка ни на кого из них не обращал внимания: он продолжал идти к своей цели однажды намеченным путём.

Начался последний для Вовки учебный год в школе. Он уже твёрдо решил, что будет по-

ступать в Казанское художественное училище имени Н. И. Фешина, на отделение живописи. Именно с этой целью он продолжал брать уроки у отца, и ему начали покоряться традиционные масло и холст.

В ноябре Вовка получил от Инны второе письмо. В нём она сообщила, что у неё по-прежнему очень мало свободного времени, много внимания приходится уделять музыке, потому что сейчас она в группе «А», и ей нужно много заниматься. Она похвасталась, что научилась играть «Лунную сонату» Бетховена; предупредила, что писать будет редко, и просила не обижаться на неё. К письму Инна приложила список своих любимых книг и фотографию. Она специально ходила в салон художественной фотографии, чтобы сделать Володе подарок. За прошедших полтора года очаровательная девочка превратилась в прелестную девушку – такую, что не ответишь глаз.

Вовка блаженствовал, отвечал, благодарил...

«Инночка, ты знаешь, я так благодарен тебе за всё! Ты такая красивая на фотографии! Знаешь, мне так понравилось то, что ты совсем не накрашенная!

Раньше в моей жизни была одна-единственная страсть – компьютерные игры. Но вот я встретил тебя, и теперь моей страстью стала ты.

А ещё я полюбил книги, живопись и классическую музыку. Я начал заниматься спортом. Я специально пошёл на бокс, чтобы защищать тебя. И чтобы быть достойным тебя.

Ведь мы же обязательно встретимся! Ты помнишь, что я тебе пообещал?

Какой я раньше был дурак, что не читал книги! Книжки, оказывается, так много дают человеку! Я понял: когда человек читает, он глазами запоминает, как правильно писать слова и то, как правильно нужно строить предложения, правильно расставлять знаки препинания. Когда человек читает, у него развивается воображение, потому что нужно представлять в голове то, что написано. Я понял: когда человек смотрит телевизор или играет в компьютерную игру, он пользуется готовой картинкой, и мозг его почти не работает. А когда человек читает, мозг его постоянно

работает, постоянно создаёт картинки своим воображением. И с каждой прочитанной книгой человек умнеет. Я, благодаря тебе, Инночка, уже стал такой умный! Я стал учиться без “троек”! А раньше ведь двух слов связать не мог.

Ты знаешь, спасибо тебе за «Лезвие бритвы» Ивана Ефремова. Что посоветовала прочитать. Теперь это самая моя любимая книга. Она такая мудрая, и там столько мудрых слов про красоту!

Я так счастлив, Инночка, что встретил тебя и полюбил. Я так изменился с тех пор в лучшую сторону. И так благодарен тебе за это!

Хочешь, всю жизнь свою посвящу тебе в благодарность?..»

С подаренной фотографии Вовка решил написать традиционный портрет маслом. Он собственными руками сколотил подрамник, натянул на него холст, загрунтовал...

Всю свою душу, всю свою сумасшедшую любовь Вовка вложил в эту работу – в каждый мазочек, в каждый штрих...

Портрет, казалось, уже был готов, но Вовка не успокаивался, находил в нём всё новые и новые мельчайшие неточности, и снова брался за кисть. В итоге ему удалось достичь поразительного сходства с фотографией. С его портрета на Вовку смотрела та же самая девушка с милыми пепельно-синими глазами-озёрами, что и с фотографии.

Отец, молча наблюдавший за работой сына на протяжении двух недель, сказал: «Сынок, больше ничего не исправляй – я боюсь, что ты что-нибудь испортишь». А потом, прослезившись, обнял сына: «Я так горжусь тобой!»

Жаль было Вовке расставаться с портретом, но он уже твёрдо решил отправить его Инне в подарок. На день рождения.

Что он и сделал.

А недели через две, в январе, Инна вдруг ... позвонила.

«Здравствуй, Володя! Привет из Казани! Узнаешь меня по голосу? Я получила твой шикарный подарок! Спасибо!..»

Долгих полтора года Вовка ждал этого события, и вот, наконец-то, оно произошло! Какой волшебной мелодией влился в сознание безум-

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

но влюблённого паренька долгожданный голос любимой девушки! Вовка, задыхаясь от счастья, благодарил, благодарил, благодарил... Ему так много хотелось сказать своей Инночке! И Вовка, ошалев от радости, говорил, говорил... О том, что скоро они встретятся, и он сдержит своё обещание перед любимой. О том, что он будет жить и учиться в Казани, и они смогут встречаться... О том, как счастлив он слышать её голос и смех...

Долгожданный звонок от Инны так много значил для Вовки! Звонок доказывал, что Вовка не безразличен этой особенной, целеустремлённой девушке. Значит, отныне они будут звонить друг другу и общаться, когда захотят! До самой встречи в Казани!

Долой письма!

Да здоровствует сотовая связь!

Вовка готов был весь мир расцеловать от счастья...

Всю неблизкую дорогу Вовка находился в каком-то взвешенном, приподнятом состоянии эйфории, ведь это были последние часы его долгого пути к своей мечте. Сердце, как метроном, производило удары финального отсчёта. Вовка ехал навстречу своей мечте, и весь огромный реальный мир открывался перед ним во всей своей красе. Мир этот был полон испытаний, чувств, неожиданностей, но Вовка отныне шагал по нему уверенно и радостно.

Инна встречала Вовку в аэропорту. Увидев издали её тоненькую фигурку и сияющие глаза, Вовка, ошалев от дикой радости, помчался навстречу своему такому сумасшедшему и нестерпимому счастью...

Июнь 2015 г.

Кода



*Я понял одну нехитрую истину.
Она в том, чтобы делать чудеса
своими руками.*

А. Грин. «Алые паруса».

Девятый класс Вовка окончил почти на «отлично», лишь с двумя «четвёрками». Едва получив на руки Аттестат о неполном среднем образовании, выпускник отправился в долгий путь в незнакомую, но такую желанную Казань с целым чемоданом эскизов, рисунков и портретов. Поехал заранее, чтобы успеть пройти подготовительные курсы. Он почти не сомневался, что уверенно поступит в училище. По-другому и быть не могло. Родители уже давно благословили его на эту поездку...

За словом будет слово...

*«Нет ничего труднее,
чем завоевать репутацию художника».*

Гюстав Курбе.

И НЕОБЫЧНЫМ ОН ПРЕДСТАЛ

Он никогда, нигде и ни у кого не просил деньги на жизнь. Жил, как мог, и как кормила земля. И всегда шёл к себе, испытывая себя. В Москве был одним из самых знаменитых стилиг, лидером «продвинутой» молодёжи.

Эдуард Волков учился хорошо в Московском государственном университете, выпускал студенческую юморную стенгазету. Посещал тусовки столичной богемы. Лично знал знаменитых и талантливых людей – члена Политбюро СССР, бывшего руководителя Норильского никелевого комбината Долгих, известного поэта Рождественского, международника Бовина, режиссера Розовского, джазиста Козлова и других. Порой бывал в джазовых клубах, играл в театральных спектаклях, выступал в поэтических диспутах. Всюду пробовал себя.

После окончания учебного заведения Волкову вручили редкий диплом литературного стилиста. С этим документом он мог не только писать и править материалы, но и доводить до читате-



АЛЬФРЕД КУЛАЧИКОВ. ЗА СЛОВОМ БУДЕТ СЛОВО...

лей научные статьи и диссертации учёных. Режиссёр Пётр Колбасин привёз из Москвы видеописьмо о жизни юбиляра Семёныча. И показал его в Доме печати Якутии. Так перед якутянами предстал молодёжжинец-«шестидесятник» Эдуард Волков в ореоле необычного человека и журналиста.

РОДОМ ИЗ «МОЛОДЁЖКИ»

«Шестидесятники» Сергей Окоёмов, Чагыл Мординов и Владимир Серкин пришли в «Молодёжь Якутии» первыми романтиками. И стали родом из «Молодёжки». Их называли журналистами от Бога. Они поднимали свою газету и свою романтику.

За ними «Молодёжкой» заболели Эдик Волков и Борис Васильев. Они жили в её доме и называли редакцию «конторой». Семёныч писал здесь свои лучшие рассказы и правил нас, а Боря создавал незабываемые плакаты и рисунки.

И было в вёрстах пол-России. И тяжкий путь художника к себе. Москва, Калмыцкая степь и морская рыбалка, Мурманск и Норильск, тайга и тундра Якутии. Всё от партийных изданий до молодёжной газеты.

Эдуард Волков начинал «Молодёжку» в шестидесятых годах и – навсегда. А Боря Васильев тоже давно связал себя с газетой. Оба жили «Молодёжкой» вместе до конца.

Меня с Семёнычем познакомил Чагыл Мординов в мартовских снегах Якутского парка культуры и отдыха. «Ну, Эдя, ведь ты, наверное, многое знаешь...», – произнёс Чага. «Да, с божьей помощью...», – ответил Эдик. Это «с божьей помощью...» стало своим в его журналистике. Оно не раз выручало и нас.

Я заметил: на портретных фотоснимках Эдик и Боря, как побратимы, снимались вместе. На коллективных – тоже рядом. И это говорило о большой дружбе. Стилист и художник были привержены друг к другу. Как бы тянулись к постижению своего дела.

Из командировок Семёныч привозил шедевры. Первый ложился на стол. И он говаривал: «Тип-топ». Что означало: «Всё в порядке». Через

неделю – другой шедевр. Он тоже начинался с сильной фразы и завершался постижением. Вершилась преданность друзей к «Молодёжке».

Эдуард Волков и Борис Васильев даже одевались похоже. В каком-то художественном стиле. Тёмная полосатая рубашка со шнурком, стильные джинсы, чёрные туфли в лодочку и модное демисезонное пальто. В облике Семёныча с негосрающим взглядом был весь он – недосказанный художник.

А «Молодёжь Якутии» росла тиражом, читабельностью и смотрительностью. Стилист и художник жили своим преображением издания. Они вместе шли за постижением.

Волков представлялся псевдонимом – Тарагай Бёрё (Лысый Волк), иногда по журналистски – Семёнычем. А Боря просто – «художником». Оба порой смеялись и иронично подтрунивали над непостижимым. Они были честными и ранимыми. Работягами родом из «Молодёжки».

А ВСЁ-ТАКИ ДУША ЖИВА

После возвращения из Мирнинского района Эдуарда Волкова уволили на полгода. Его командировка стала настолько хрестоматийной, а депеша «В Айхале снег... Вышлите валенки» такой загадочной, что вызывала эмоции в никуда.

Семёныч сожалел, что оставил нас наедине с газетой. Переживал, как будто извинялся. И, молча, глядел на каждого. А думал душой, своими красками. В нём жило чувство постиженья того, что мы когда-нибудь ощутим его. Поймём тяжкий путь к себе недосказанного художника. За словом приходило слово...

Он что-то писал из сюжетов рассказов. Правил нас, читал газеты и молча курил за столом в Голубом зале «Молодёжки». Сердобольные женщины приносили ему бутерброды и чай из дома. Порой из «Севера» перепадали котлеты с гарниром в тассовских пакетах.

Потом он тоже где-то оставался и объявлялся. Мы как-то привыкли к таким бессрочным мукам. И про себя радовались его появлению. Снова в газете будут незабываемые «байки».

И всё-таки я его любил. За праведность и тру-

долюбие, за юмор и бродяжничество. За рассказы оттуда, из тишины, из него, из слов. Которые приходили к его душе.

К сожалению, я не слышал о якутских литературных совещаниях или художественных советах, на которых бы говорили об Эдуарде Волкове и Борисе Васильеве. О них умалчивали. Но почему?! Ведь Семёныч писал в «Молодёжке» хорошие материалы, а Боря создавал неповторимые плакаты и рисунки. Не зря же учреждены премии их имени за профессиональное мастерство. А республиканские газеты признали журналиста Волкова и художника Васильева лучшими. Они начинали «Молодёжку» из себя, из своего начала. Их энергия писания переходила в духовную. Люди как бы возвышались духом. И постигали себя.

В «Молодёжь Якутии» на работу приезжали разные журналисты. Москвичи, ленинградцы, киевляне, сибиряки и другие. Костяк же молодёжной газеты составляли местные кадры. А стилист в Якутии был один – Семёныч. Он стремился остаться верным своему делу. Ничем себя не выделял, но от природы был стойким.

Волков красиво танцевал и ретушировал фотоснимки, бурил скважины, рыбачил на море и умело плавал. Он проработал в «Молодёжке» дольше всех. Правил многих, поднимал журналистов нескольких поколений.

Когда оставался один с газетой, вздыхал по одиночеству, которое когда-то всё равно приходит к людям. Как-то грустно он читал пронзительные строки: «Я почести воздаю одиночеству. Оно моё имя, оно моё отчество. Оно не обманет, оно не изменит, оно и без денег придёт в понедельник...»

У него слова и мысли складывались в неповторимый рассказ. Читались и запоминались надолго.

ЖУРНАЛИСТИКА – ЭТО ЖИЗНЬ

Всегда Семёныч сам отбирал слова в байку. Это пойдёт, а это – нет. С первого взгляда. Также требовательно он подходил и к начинающим газетчикам. «Есть огонь в глазах, неподдельный

интерес к собеседнику, значит, будет журналистом», – говорил Эдик Волков. И создавал настоящую свободу творчеству.

Однажды стилист заметил: «Журналистика – это жизнь. Она не может быть побочным занятием. Иначе – это халтура».

Тогда его спросили: «А какая разница между литературным и газетным языками?» Семёныч ответил: «Надо стремиться к тому, чтобы они сходились. Всегда иметь чувство языка».

Он имел это чувство. И проникал в канву, в суть материала. Сам верно соединял мысли и выдавал нужный заголовок. Расположением заголовков, баек, врезок, рисунков и снимков привлекал читателей к главному в «Молодёжке». Словом, священнодействовал над газетными полосами.

Чувствовалось, что газета свёрстана мастером дела. Каждый макет писал, как байку. Начисто и точно. Верится, что в журналистику пришёл без иных занятий. Как всё-таки ответсек походил на стилиста и правщика. Для всех была одна жизнь – «Молодёжка».

«ПРИЗНАНИЕ»

Я приведу лишь два случая, которые так дороги мне. Однажды довелось написать очерк «Нам всем была нужна победа...» Семёныч прочитал его. И сказал, что я совершил «прыжок лосося». Тогда бытовало такое журналистское выражение о профессиональном достижении. Мне повезло. Я стал больше присматриваться к словам, к их воздействию на читателей. Понял, что Волков перед правкой думает над материалом, мыслями и заголовком. Помечает места, в которых надо слова усилить для акцента или убрать совсем. Байка становилась удобоваримой, читаемой, но «синенькой». Затем он доходчиво объяснял автору свою правку. И – в печать.

Помню: Семёныч сам писал неожиданные и философские стихи. И потому я ожидал его особого мнения о «Прикосновении» и «Признании». И стилист на одной «тишине» высказал его. «Прислушайтесь: «Весь замер я. Весь – на

АЛЬФРЕД КУЛАЧИКОВ. ЗА СЛОВОМ БУДЕТ СЛОВО...

одном дыхании. Ружьё не шелохнулось на плече...» Я верю в такую «тишину». «Её зари, её дыханья. Таких неожиданных, как она». Без «тишины» не пришли бы такие пронзительные стихи», – таков был его вердикт.

ОТРЫВКИ О СЕМЁНЫЧЕ

Удивительно, но Семёныч интересовался жизнью и бичей, и докторов наук. В пивной или в тиши научного кабинета Академии. Читатели не раз видели его с собеседниками. Некоторые бичи и учёные знали Волкова в лицо.

Помню! Он любил песни. Подпевал и, бывало, дирижировал перед нашим хором. Вроде такт за тактом выводил свою, но похожую композицию. И слова звенели, напоминали что-то незабываемое.

Когда в «конторе» кто-то оживлённо рассказывал забавный случай, Волков поддерживал автора. Смеялся, всплёскивал руками. И вдруг, задыхаясь от смеха, хлопал себя по лбу и поворачивал ладошку вниз пальцами. Так он «уходил» в несбыточную людскую хохму. В самых разных, порой противоречивых, эмоциях. При этом взгляд в глаза слушателю. И выражал своё то смешное, то тупое, то восхитительное состояние.

У Эдика Волкова были свои придуманные фразы. Понятная ближним «игон уз» вскоре стала расхожей в «конторе», она означала «ноги езу». Даже насквозь протезный курьер Геннадий Мухин шёл за трапезой в любую непогоду. Он молча исчезал и также безмолвно возвращался. Дальше всё проходило неслышно, как в недосказанном рассказе. Через кивки и жесты.

Как-то в редакцию газеты забрёл молодой автор. Он принёс три военных стихотворения. Я усомнился в авторстве их и решил дождаться Семёныча. Мы взяли в Республиканской библиотеке им. А.С. Пушкина несколько военных книг. В знаменитом сборнике Сергея Орлова были эти три произведения. «Автор» пришёл требовать за них авансом гонорар. Тогда Эдик Волков схватил его за шиворот. И пинками в зад попёр к калитке. Там ещё раз пнул и хрипло пригрозил: «Сволочь! Сюда больше – не приходи».

НАДО СТОЯТЬ ДО КОНЦА

Много печальных минут пришлось пережить Волкову. За наши несурзные слова и байки. Какая-то самоуверенная девушка на высокой ноте отстаивала свой материал. Ответсек что-то кричал посреди редакции «Молодёжи Якутии». Его речь была совсем непонятной. Толпились обрывки фраз, недосыгаемые даже для привычного уха. Он стоял с ворохом бумаг и выпученными глазами, брызгал слюной, дрожащим пальцем тыкал в девушку байку. И весь дрожал. «Если ты, если ты не поймёшь меня – то уходи», – простонал Семёныч. Девушка что-то гневное прокричала прямо в лицо ответсека. Тогда он яростно швырнул её материал ей же под ноги. И обвёл нас безмолвным, несгорающим взглядом. Мы тоже молчали...

И я подумал, что в этой ситуации поступил бы тоже жёстко. Ради газеты.

Ведь слово журналисту достаётся тяжело. Оно не продаётся и не покупается. За него надо стоять до конца. Так же отверженно, как Семёныч.

Девушка поняла ответсека. И тихо извинилась: «Волков в словах прав. Надо нам ценить его!»

ПОСТИГАЯ ПОСТИЖЕНИЕ

Он начинал свой рассказ с сильной фразы стилиста. К ней шёл всегда, как к своей возможности. И когда прошёл пол-России. И когда на нас смотрел несгорающим взглядом. И когда правил наши байки. Его душа, как сказал талантливый поэт Сергей Орлов, не заросла «житейской муравой». Каждому он желал удачи, каждого хотел подвигнуть к газете. И уходил, чтобы вернуться к недосказанному рассказу. Дойти – художником. Его слова точно передавали людские судьбы. Они жили незабываемо. И несли себя в журналистику. Постигали постижение жизни. Как несгорающая душа Семёныча...

**Альфред Кулачиков,
ветеран журналистики.**

Михаил СЛЕПЦОВ



ОПУСТЕВШИЙ ОКЕАН СНОВ

Рассказ

*Посвящается той, которая снилась...
И той, которая снится...*

Пролог

Михаил Владимирович Слепцов родился и вырос в селе Куберганя Абыйского района. Окончил Майорскую среднюю школу, Новосибирский государственный аграрный университет. Имеет степень магистра по зоотехнии. В армии служил в военной разведке в пограничной зоне на границе с Монголией.

Занял второе место во Всероссийском конкурсе XIV фестиваля литературного творчества «Решетовские встречи».

Работает специалистом сельского хозяйства в с. Куберганя.

Боль, выкованная в самом жерле пылающей адской печи, пронзает мою грудь где-то слева. Страдание, пришедшее с задержкой на две тысячи лет, изначально предназначенное не для меня. Огромная дыра в бесконечной Вселенной, появившаяся после её ухода. Она мой океан опустевших снов. Маяк среди бушующих мрачных волн, до которого я так и не смог доплыть.

Её присутствие в моей жизни было отражением всех моих радужных желаний, носившим в себе последнюю каплю надежды в моём бессмысленном существовании. Теперь ее нет, как нет больше жизни и всех остальных прелестей бытия. Осталась только неизмеримая любовь на дне стакана, которую я выливаю в себя каждый день.

1

Кто мы? Зачем мы здесь? За чьи грехи и оплошности мы прожигаем свои и чужие жизни. Неужели люди настолько глупы и безбожны, что не могут понять, как отвратительна на самом деле война.

Я смотрю на свои руки и чувствую к ним небывалое отвращение. Они до костей пропитаны кро-

МИХАИЛ СЛЕПЦОВ. ОПУСТЕВШИЙ ОКЕАН СНОВ.

Впервые в «Полярной звезде»

вью, и мне их при всём моём безмерном желании никогда не отмыть. Кровь, кровь, везде кровь. Кем я был и кем я стал? Была ли у меня жизнь до этой войны? И будет ли она, когда-нибудь в будущем?

Над головой пролетают сотни и тысячи пуль, пытающихся найти мою голову или сердце. Маленькие посланцы Старухи с косой, словно по волшебству, находят моих товарищей в самых укромных местах. Кто мне скажет, за какие заслуги мы каждый божий день хороним молодых парней не у них на Родине. Никто нам не ответит на наши вопросы, а с другой стороны, мы и не будем задавать их. Здесь нет слова “я”, здесь только “мы” и “приказ”.

В итоге на войне все сходят с ума. Каждый делает это по-своему. Кто-то у всех на виду, а у большинства это происходит незаметно. Судьба оказалась благосклонна ко мне – она подарила мне шанс.

Месяц назад на одной из вылазок мы попали в засаду. Много наших в тот день полегло. Реки крови, последние вздохи умирающих, ужасающий стон раненых – всё это отпечаталось у нас в памяти. Я отчетливо помню свист пуль над головой, и как сержант, надрывая голос, торопил нас, и тот самый крик одного паренька. Его ранили. Две пули вонзились ему в спину, лишив его надежды на спасение. Почему-то именно я услышал, как он зовёт помощь. Остановившись буквально на долю секунды, я не мог решиться на дальнейшие действия. Спереди был орущий сержант, требующий немедленного отступления, а сзади – совсем молодой, ни в чём не повинный пареньёк. Приняв решение, я ринулся спасать его. Оглушающие взрывы гранат, крошечные осколки камней, летящих прямо в лицо, и дождь из свинца и стали всеми силами пытались помешать спасению парня, но меня уже невозможно было остановить.

Я нёс паренька на руках, словно его жизнь была дороже остальных. Разум предательски пытался остановить меня, крича в голове бросить его. Все взрывы и крики перемешались – этот звук здесь называют “плач мира”. Противный писк, угнетающий весь твой внутренний мир. Что бы ни говорили и ни кричали, сквозь боль и страдания я всё-таки смог донести его до безопасного места.

На следующий день меня отчитали за то, что я ослушался приказа командира, но для меня это было уже неважно – парень был спасён. Через несколько дней его комиссовали. Будучи на войне, мы с ним особо-то и не общались. Время от времени я слышал, как он вечерами иг-

рал на гитаре. Его мягкий и чарующий голос заставлял всех умолкнуть. Как будто в его песнях солдаты находили успокоение и в их головах яркими красками вырисовывались родные места.

Через две недели после его госпитализации я получил письмо от его сестры. Чуть ли не через каждую строчку девушка благодарила меня за спасение брата. Из письма я узнал, что, кроме него, у неё никого не было. Она несколько раз спросила, что она может сделать для меня, но я не мог ничего от неё потребовать, да и в голову ничего полезного не приходило в первое время. Разве что кроме одного.

Когда я читал письмо, я почувствовал изменения в себе. Словно её слова разбудили во мне давно потерянное чувство жизни. Мне вдруг захотелось пройти до конца эту войну. Остаться в живых несмотря ни на что. Казалось, что между строк спрятано наркотическое средство для моей заблудшей души, и только оно могло помочь мне вспомнить, что есть и другие акварельные цвета на этой багровой войне. Решение было принято. Я попросил её писать письма, пока война не закончится.

Со временем мне начало казаться, что я начал избегать Старушку Смерть только из-за её писем. Холодными ночами при тусклом свете свечи я взахлёб перечитывал их, представляя себе девушку, живущую между строк. Девушку, на чью голову свалилась огромная ноша в виде брата на инвалидной коляске. Но, несмотря на все тяготы, она сохраняла веру в лучшее будущее, чем подпитывала и меня. Я всё гадал, какая же она из себя, девушка, живущая между строк, пока не обнаружил в одном из конвертов её фотографию. Над лавандового цвета глазами – тонкие линии длинных ресниц. Каштановые волнистые волосы аккуратно собраны серебряной заколкой. В её улыбке таился тёплый огонёк, готовый в нужный момент согреть лаской или же сжечь любовью душу каждого из нас.

Эта фотография станет моей иконой, которую я пронесу под сердцем до самого окончания войны.

2

Она держит меня за руку, и мы бежим вдоль реки. Солнечный свет отражается от неё, словно её кожа осыпана алмазными песчинками. Её взгляд излучает тепло и уют, и я понимаю, что мне большего в жизни ничего и не нужно. Она что-то кричит, но я ничего не слышу. Кажется, что весь

мир замедлил своё движение. “Запомни этот момент. Запомни”, – шепчет мне ветер. Оглядываясь, я понимаю, что на этом берегу мы в первый раз. За нами тянется неповторимая чёрно-белая стена из берёз, чьи листья так и тянутся ввысь.

– Иди сюда, дорогой.

Мы садимся на песок и любимся закатом.

– Что мы здесь делаем? – спрашиваю я.

– Ты ведь обещал меня сюда привезти. Мы наконец переехали в дом нашей мечты, – оглянувшись назад, среди листьев я увидел маленький домик у реки и вспомнил, что мы его недавно купили. – И я должна сообщить тебе новость.

– Какую же?

Её лицо порозовело еле заметным румянцем, и с нежной улыбкой на лице она сказала:

– Ты скоро станешь папой, – и тихо провела рукой по животу.

В кромешной тьме я просыпаюсь, а на стене напротив, словно дым, растворяется её лицо.

3

Человек, переживший багровую войну, не сможет носить розовые очки. Утверждение это нельзя принять или отвергнуть, оно приходит само без предупреждения. Кажется, что весь мир, который ты знаешь, стал невыносимого тёмно-серого цвета. Люди вокруг существуют, не подозревая, какие грехи ты в себе таишь. Они пролетают мимо, погружённые в свои безобидные мысли, а ты стоишь в самом центре событий, пытаешься удержать мимолётное счастье своего возвращения.

На войне человек часто думает о родном доме, о друзьях, которые были дороже любого золота, об упущенных моментах и необдуманных словах. И, осыпанный землёй, во время артобстрелов, каждый солдат даёт себе слово, что если он вернется живым, то он всё исправит. На самом деле происходит всё иначе. Тебя встречает пустая пыльная квартира с ободранными обоями. Люди, к которым ты так стремился, куда-то исчезают, а ты бессонными ночами начинаешь думать, что на войне было не так уж и плохо. Там у тебя хотя бы был смысл не умирать: ты ведь воюешь и убиваешь за спокойный сон своих близких людей, а тут ты никому не нужен. Ты сам по себе.

Скитаясь днями и ночами в поисках новой цели жизни, я попытался устроиться на работу, но уже на третьей смене она начала нагонять тоску в мою и без того скучную жизнь. Всё давалось слишком сложно, и в итоге я понял, что меня здесь ничего

не держит. Собрав все нужные вещи в крошечный вещмешок, я отправился в путь. Тогда мне казалось, что я еду в неизвестном направлении, лишь бы подальше от этого города. Но, как всем известно, все принятые нами решения имеют скрытый умысел. В моём случае этим умыслом была “она”.

Приехав в её город, уже на следующий день я поехал к ней. Адрес у меня был – на конвертах писем, и дело оставалось за малым. Изначально мне захотелось навеститься сразу в квартиру, но потом, посчитав это плохой идеей, я просто купил букет цветов и стал ждать её возле подъезда. Волнение в моей груди напоминало игру духового оркестра. Сердце бешено колотилось, словно бубен, которым неистово развлекался бешеный шаман. И, конечно же, одолевала одышка заядлого курильщика, словно мне только что пришлось пробежать длиннейший в мире армейский марш-бросок. Я пытался себя успокоить, ведь встреча всё-таки ещё не состоялась, а мне уже было плохо. Страшно представить, что будет при встрече. Около двух часов я полировал скамью у её дома, и вот это свершилось.

Она шла по узкой тропинке вдоль соседнего здания, держа в руках сумочку и спокойно разглядывая окрестности, как будто ей в первый раз довелось оказаться здесь. Боже, такой красоты я никогда не видел в своей жизни. Казалось, что ангел шёл навстречу мне, чтобы обнять и простить все мои грехи. Её сияние отражалось на всём существующем вокруг. Вмиг всё стало таким осязаемым и живым, как будто я прожил всю жизнь с закрытыми глазами и именно с её появлением я прозрел. Её волнистые волосы напоминали летний прохладный ветерок, спасающий тебя в самый знойный день. А улыбка, полная нежности и любви, так и молила оставить всё на произвол судьбы и пойти за ней на край света.

Я был просто очарован. Все стихи, песни, повести и романы о женской красоте вдруг обрели иной смысл в моей душе. Я всю жизнь терпеть их не мог, но теперь понял, что это всё было непридуманным. Целый спектр эмоций нахлынул на меня, как будто сотни лет всё это таилось во мне.

В пяти метрах она остановилась, и улыбка с её лица исчезла. Своё счастье я увидел в её глазах – они наполнились слезами. Это было сигналом, что она была рада встрече.

– Здравствуй, человек, живущий между строк, – тихо сказала она. – Наконец-то мы встретились.

Она обняла меня. Все страдания, печали и кошмары испарились в её объятиях. Уродливые шра-

Впервые в «Полярной звезде»

мы моей души затянулись, как по щелчку пальцев. Мне было так хорошо. Нет, не так – мне никогда не было так хорошо.

Столько лет спустя я, наконец, отыскал свой настоящий дом. Дом для моей души, своего рода – Эдем, где обитали все ноты моих чувств, сплетённые в одну нить музыки счастья и покоя.

4

– Спасайся кто может!!! Нам конец!!!

В крошечной тьме я стою на пересечении двух дорог и не могу понять, что происходит. Вокруг крики и стоны, но как странно – никого не видно. Вдалеке слышны звуки сирен и невнятный грохот. И лишь только подняв голову, я понял, что произошло. Звёздное небо потеряло свою красоту с появлением в нём сотен и тысяч спутников, кораблей и космического мусора.

Что же произошло? Неужели наша планета притянула весь этот “хлам” к себе? А как же Луна? Я её не вижу. Может, она улетела? Возможно ли такое? Мне всегда казалось, что она примкнула к нам не случайно. Кто знает, может, её отправили инопланетяне следить за нами. И что теперь? Им наскучило за нами наблюдать? Или всё-таки мы сами виноваты?

– Беги!!! Что ты уставился?!! Беги!!!

Кто это? Он кричит мне? Почему я так спокоен? Я не чувствую ни страха, ни волнения, лишь непреодолимый интерес к дальнейшим событиям. Как будто моё рвение к жизни куда-то испарилось.

Повернув голову влево, я вижу пустую улицу, затем смотрю направо и удивлённо вздыхаю. Среди высоких зданий появилась река. Она как будто была здесь с самого начала. Может, строители не смогли придумать, что с ней делать, а может, ландшафтные дизайнеры решили оставить её для красоты. Подождите, я точно помню, её здесь не было. А что это там дальше? Лес? А он-то откуда здесь?

«Прыгай в реку. Вода спасёт тебя. Прыгай и ни о чём не думай. Она спасёт тебя». Чей это шёпот? Он доносится из гущи леса за рекой.

За спиной раздался взрыв. Я оборачиваюсь и вижу столб огня, стремительно тянущийся ввысь. Это точно конец. Надо бежать. Спасаться.

Я бегу к реке, но ноги отказываются меня слушаться. Чувство, как будто они прилипают к земле. Они тяжёлые и липкие. Задыхаясь от горячего воздуха, я падаю и с трудом доползаю до воды. Вот оно, моё спасение. Тут меня огонь не достанет.

Я пытаюсь нырнуть, но вода предательски отталкивает меня, как будто на поверхности растянута невидимая плёнка. Пробую её разорвать, но всё без толку. Вода начала кипеть. Секунду назад она была холодной и чёрной, но теперь она кипит и покрывается белыми пузырями. Огромные языки пламени охватили моё тело. Я начал гореть. Эта боль нестерпима!!! Вся моя кожа и все мои органы охвачены огнём.

И тут я просыпаюсь весь в поту.

5

Странная штука – время. Не имеет ни начала, ни конца. В бесконечной череде событий, происходивших на протяжении всей истории существования человечества, наш промежуток жизни является лишь крошечной каплей в океане. В определённый момент ты понимаешь, что тебе отведён лишь короткий срок. В первой стадии каждой жизни время летит со скоростью света, возможно, поэтому мы так плохо помним своё детство. Затем ты начинаешь потихонечку взрослеть. В это время человек, как ужаленный, пытается найти своё место в жизни. Он получает образование, которое, возможно, никогда не пригодится в жизни. Тратит время на бессмысленные связи с противоположным полом, которые в будущем дают отголоски, как окаменевшее сердце, заполненное страхом быть вновь отвергнутым.

И, наконец, приходит момент, когда ты сидишь за барной стойкой в Богом забытом заведении, осознавая, что кто-то ещё в самом начале жизненного пути всё за тебя решил. Такое случилось и со мной. Я отлично помню тот день, когда меня, пьяного, выперли из бара, где я пропил все свои последние сбережения. Сидя на заснеженной скамье возле своего дома, я прекрасно осознавал, что моя беспечная жизнь закончится завтра утром, когда меня увезут воевать. Никто мне не обещал, что я вернусь оттуда живым и здоровым, были лишь слова: “Должен и обязан”. И никто не удосужился объяснить, кому я был “должен” и чем я был “обязан”. Просто так было нужно.

После войны я ожидал, что вновь стану счастливым, жизнерадостным человеком, которого ничего не будет тревожить, но на деле всё оказалось совсем наоборот. Внутри меня образовалась огромная дыра тоски и бесчувственности. Как будто среди пуль и вечных смертей я оставил большую часть своей души, но всё поменялось после встречи с ней.

Два месяца и две недели мы проводили с ней всё свободное время. И за эти два месяца время показало, какой оно является беспощадной сукой. На войне дни и ночи оборачивались в бесконечные недели и месяцы, как будто кто-то отключал часы. А сейчас, когда я обрёл счастье и покой, время, словно цунами, ринулось навёрстывать упущенное.

Нам с ней есть что вспомнить. Редкие, но такие прекрасные моменты, наполненные радостью и смехом. В наших днях, проведённых вместе, было нечто волшебное и прекрасное. Когда мы встретились, нам показалось, что в нас проснулось детство. Мы бегали по крышам высоток, прячась от глуповатых охранников. Ночами любовались и считали звезды. Катались на аттракционах вместе с ребятишками. С серьёзными лицами говорили на придуманном языке, чем удивляли прохожих. Были случаи, когда мы позволяли себе роскошествовать – ездили на лошадях в парке, представляя, что она знатная дама, а я – никудышный рыцарь. И многое-многое другое.

Я встретил её брата. Он сильно изменился. Того весёлого паренька с гитарой в нём было не узнать. Хотя на войне мы с ним не были близки, но по невольным встречам я знал точно, что он был человеком с оптимистическими взглядами на жизнь. Возможно, он был единственным, кто до конца верил, что войну выиграем именно мы и, конечно же, все вернёмся домой живыми и здоровыми. Сейчас передо мной сидел уставший от жизни пессимист, твердивший, что нас всех продали власти за лишние копейки в их широких карманах.

Я его отлично понимал, и меня время от времени посещали подобные мысли. Пытаясь его успокоить или переспорить, я однажды наткнулся на камень преткновения нашей с ним возможной будущей дружбы. Во всех своих несчастьях и страданиях он винил меня. В первое время, по просьбе его сестры, я пропускал его обвинения мимо своих ушей, но со временем до меня самого дошло, что он был прав. Если бы не я, он бы так не страдал, не сидел бы дни напролёт, уткнувшись в телевизор. Я с ним виделся от силы восемь раз и перестал к ним навещать в гости просто потому, что мне было неприятно слушать его бредни.

С его сестрой всё было иначе. Она всегда была рада видеть меня. Каждый день я ждал её после работы и провожал до дома. С каждым днем я понимал, что моя к ней привязанность стремительно нарастает. Меня не покидал страх, что привязанность ревоплотится в нечто большее.

За очень короткий промежуток времени мы с ней поняли, что наша встреча была предопределена. Как бы это ни звучало, но мы с ней были похожи как две капли воды. Оказалось, что мы обожаем перечитывать произведения одних и тех же авторов, слушали одну и ту же музыку и мечтали улететь жить на другую планету, оставив на Земле все свои проблемы. Наши эгоистичные желания после знакомства превратились в общие фантастические цели. Она не любила жаловаться, но одна вещь не давала ей покоя. Казалось, что в её окружении нет людей, способных по-настоящему понять и выслушать. Она твердила, что ей присущи роли психолога и проповедника, при всём при этом она не знала, что делать со своими невзгодами. Чувства одиночества и беспомощности в моральном плане не покидали её ни на секунду. Рассказывая все свои душевные переживания, она словно наизусть пересказывала мою ситуацию.

Во всём прекрасном времяпрепровождении с ней был огромный изъян, который портил всю романтику наших отношений – мы были просто хорошими друзьями. Как бы я ни желал признаться ей в своих чувствах, где-то в глубине души я опасался, что она отвергнет меня, и новый мир, появившийся вместе с ней, попросту растворится в воздухе. Я был счастлив, и этого мне хватало.

Однажды воскресным утром, возвращаясь после работы, я встретил её у своего дома. Мы не виделись уже почти неделю. Передо мной стоял совсем другой человек. От той озорной и широко улыбающейся девушки ничего не осталось. Обхватив себя руками, она обеспокоенно переводила взгляд.

– Что-то случилось? – спросил я испуганно.

– Случилось, – она так и отводила взгляд. – Мой старый школьный друг договорился с нейрохирургом, и он постарается помочь ему. Говорят, есть шансы, что он вновь сможет встать на ноги.

– Так это же круто, – улыбаясь, воскликнул я.

– В лучшем случае, мы уедем, как минимум, на год, – она наконец посмотрела на меня. – Ты ведь понимаешь? Год...

Я понял, что она хотела этим сказать. Она пришла попрощаться. Пытаясь сохранить улыбку на лице, я перебаривал в голове то, что сейчас произошло.

– Ты ведь будешь мне писать? – я кивнул. – Может, в гости приедешь через какое-то время. Я думаю, брат будет рад тебя видеть.

– Он меня терпеть не может.

Она улыбнулась.

МИХАИЛ СЛЕПЦОВ. ОПУСТЕВШИЙ ОКЕАН СНОВ.

Впервые в «Полярной звезде»

– Это точно. Мы улетаем сегодня ночью...

Было чувство, будто между нами возникла пропасть. С одной стороны, подумаешь, какой-то год, но с другой – всё ведь только наладилось.

– Не забудь отвечать на письма и по возможности будем созваниваться.

– Конечно, будем, – она обняла и сказала: – Я буду скучать.

Последние два месяца стали для меня чем-то особенным. Наблюдая, как она удаляется, я почувствовал, будто эта была наша последняя с ней встреча. Мне захотелось кричать ей вслед, подбежать и сказать все слова, которые я держал в себе со дня нашей встречи. Набраться смелости и объяснить в своих чувствах. Рассказать, как она стала для меня дорога и незаменима. Вместо этого я смотрел ей вслед, тихо перемалывая в себе терзания, включив обратный отсчёт уничтожения душевного покоя.

6

– Ты, наконец, пришёл. Смог всё-таки отыскать нас.

В этом тёмном лесу ничего не видно. Деревья настолько высоки, что солнечный свет не может пробиться сквозь них. Под ногами туман, он, словно снежный сугроб, простирается вдоль всего леса. Я не могу понять, где я, и как я тут оказался.

– Где это мы? – спрашиваю почти шёпотом.

– Как это “где”? Ты ведь сам сюда пришёл. Мы здесь уже давно. Тебя всё ждем.

– Мы? Здесь ещё кто-то есть? – я оглядываюсь по сторонам.

– Какой же ты иногда смешной. Вот же она, – в руках она держала белое одеяло...

– Кто это? – с интересом спрашиваю у неё.

– Дурачок, это же моя принцесса. Дочка моя. Она так давно хотела встретиться с тобой. Возьми её.

Я осторожно принимаю и приподнимаю уголок одеяльца. Внутри лежит маленькая девочка. Крошечный комочек счастья, излучающий жизненную силу и надежду на будущее. Я не могу оторвать взгляд от неё. Она такая красивая, и от неё исходит такой приятный аромат.

– Как её зовут? – девочка тянет ручку.

– Ох, мы с этим ещё не разобрались. Ты проводишь нас? Тут недалеко.

– Да, конечно, а вы торопитесь?

– Нас ждут. Мы здесь слишком задержались. Пойдём.

Туман расступается перед нами, как будто боится за ребёнка и хочет показать, что у нас лежит под ногами. Я не могу оторвать взгляда от ребёнка. Меня поглощают странные чувства. С одной стороны, я спокоен и счастлив, но чувство тревоги обуревает меня. В этой встрече что-то было не так.

– Вот мы и на месте.

В двух метрах от нас появилась только что вырытая могила, в которой видна лестница, ведущая в темноту. Она взяла девочку в руки и радостно посмотрела на меня.

– Я рада, что ты пришёл. Теперь всё будет хорошо. Я люблю тебя, друг мой.

Пытаясь крикнуть, понимаю, что сейчас произойдёт что-то плохое, но горло будто стянуто ключей проволокой. Голос срывается, руки не слушаются, ноги вросли в землю. Она спускается вниз, и земля закрывается за ней.

В холодном поту, с зарёванными глазами я рассыпаюсь на полу. Свет фонаря за окном слепит мои глаза, отражая надпись на надгробной плите: “Та, которую не уберегли”.

7

Как же человек быстро привыкает к хорошему, собственно, как и к плохому. Иногда я жалею, что приехал в этот город. Возможно, это был осознанный выбор, где-то в глубине души я знал это. Как ни крути, встреча с ней до сих пор остаётся единственным светлым моментом в моей жизни.

Прошло полгода, как она уехала. Писем от неё не было уже два месяца. Звонки были недоступны. Был бы кто другой, возможно, переживал бы насчёт этого, но они с братом были в надёжных руках. Оказалось, что её школьный друг был сыном мэра нашего города. Естественно, жил он в достатке, ни в чём не нуждался, имел свой бизнес и жил за границей. Брату успешно провели первую операцию. В письмах она писала, что он чувствует себя хорошо, даже ворчать меньше стал. Врачи обещают поднять его на ноги в очень скором времени. Я был за него искренне рад. Радость эта была связана с тем, что они в скором времени возвратятся, и моё существование вновь обретёт какой-то смысл.

В свою очередь, я продолжал трудиться. После её отъезда я сменил работу. Профессия охранника, работающего в ночную смену, сводила меня с ума из-за изоляции от общества. Охранять склады на окраине города не особо-то пыльная работёнка, но чувство одиночества, что дома, что на работе, просто стало невыносимо. Немного подумав, я

решил устроиться в людное место, и этим местом стал бар в центре города. Работа вышибалой в таком заведении вызывала во мне почему-то радость. Скорее всего, причина была в том, что я мог при необходимости выпустить там пар. Пьяных дебоширов всегда там хватает.

Коллектив был хороший: начальник, который сам иногда работал барменом; гардеробщик, который всегда был недоволен нашим правительством; официантки, больше похожие на живые воплощения спортивных машин; ну и, конечно же, некоторые гости – интересные личности, с которыми можно говорить по душам. Одним из таких был журналист. Худощавого телосложения паренёк лет двадцати, который всегда был в курсе происходящего. Для своих лет он был чересчур умён. Моя предвзятость к испорченной и тупой молодёжи начала давать трещину после знакомства с ним.

Сидя за барной стойкой, мы с ним постоянно что-то обсуждали. Его начитанность и знание точных наук меня просто удивляли. Он часами напролёт рассказывал и рассказывал о каких-то новых открытиях в сфере науки, при этом объясняя всё на человеческом языке. Также он любил обсуждать политику, приводя при этом уйму фактов и доводов, доказывающих правоту или нелепость принятых законов и действий. В студенческие годы я не особо отличался умом от своих сверстников, и, наверное, по этой причине я так уважал этого паренька. Он, в отличие от меня, хотя бы не упустил свой шанс. Именно появление этого журналиста в моей жизни стало ключевым фактором моих будущих действий того или иного характера.

Как-то раз в пятницу вечером журналист напился больше обычного и стал вести себя неадекватно. Сначала была потасовка с одним из посетителей – тот якобы посмотрел на него криво. Потом он бросил в бармена стопку с коньяком, заявив при этом, что тот разбавляет алкоголь водой (кстати, это так и было). Владелец заведения знал паренька давно, поэтому он просто попросил вывести его на улицу и вызвать ему такси.

Если честно, я был удивлён необузданным поведением журналиста. Сколько я его знал, он всегда вёл себя адекватно, но сегодня всё было иначе.

– Что случилось? – спросил я его уже на улице.

– Всё отлично. Подумаешь, с работы выперли, – вот это было неожиданностью.

– За что?! – спросил я удивлённо.

– Начальника в ж... послал, достал он меня. Тупой продажный баран, не чтящий законов и прин-

ципов журналистики. Это напиши ему, об этом не пиши, это удали, это добавь... Пошёл он в ж..., короче.

Вдруг мне стало его жалко. Таких парней ведь мало среди нас.

– Есть сигарета?

Протянув ему папиросу, я уселся рядом с ним и тоже закурил.

– Всё будет хорошо, не переживай ты так. Ты пацан умный, отыщешь достойную работу.

– Достойную? – он засмеялся. – В этой стране нет ничего достойного, и ты это лучше меня знаешь. Вот ты же воевал? Скажи мне: за что ты воевал? За кого ты лил кровь? За что ты пережил адские муки, будучи ещё живым человеком?

– Не знаю. За спокойную жизнь граждан, наверное...

Он не дал мне договорить:

– Кого ты обманываешь?! Себя ты обманываешь!!! Как жили в дерьме, так и живём. Ты отлично знаешь, как устроена эта жизнь: одним всё, другим ничего. Сколько бы ты ни желал чего-то достичь, тебе позволяют пройти только до определённой черты. Боже, какой же я неудачник. Ни квартиры, ни машины, ни работы, ни девушки. Почему эта жизнь так устроена? Почему всяким придуркам везёт, а нам нет? Может, ты мне ответишь? – Я пожал плечами. – Вот и я не знаю. Слышал новость? Мэр нашего города уезжает на днях. Жирная свинья. Говорят, его любименький дармоед свадьбу играет.

– Ты про кого?

– В смысле про кого? Про его сына, конечно. Он у него один. Женится, говорят. Помог какой-то бабе с лечением её брата, так она – в постель и “прыг” к нему. Пишут, что залетела девка. Ну, а почему бы и нет? Он у нас богатенький и солидный, папка-то его хорошо устроил.

Весь мир перед глазами словно растворился. Я не верил услышанному, как такое могло случиться? Неужели это правда? Перед глазами я увидел на её безымянном пальце обручальное кольцо. Кольцо, подаренное человеком, который не был достоин даже кончика её пальца. Я увидел на их счастливых лицах конец своего существования. Моя душа вмиг раскололась на две части. Одна из них кричала хвататься за жизнь, а вторая умоляла прыгнуть в пучину хмельных страданий. На его месте должен был быть я. Если бы не моя неуверенность в себе, всё было бы иначе. Одно я понимал точно – теперь всё пойдёт наперекосяк.

МИХАИЛ СЛЕПЦОВ. ОПУСТЕВШИЙ ОКЕАН СНОВ.

Впервые в «Полярной звезде»

8

Вокруг меня белые колонны, испачканные кровью. Слезы льются ручьём, я не могу с этим ничего поделать. Мои руки в крови, как и всё вокруг. В голове чей-то голос шепчет: “Беги, пока тебя не поймали. Это конец”. Я совершил нечто ужасное, и это никто не простит. Крики о помощи эхом проносятся по длинным коридорам здания с белоснежными стенами. Поняв, что никто не придёт на помощь, я опускаю глаза, и тут я замечаю её. Она лежит на полу, истекая кровью. Её стеклянные глаза смотрят на меня с вопросом: “За что ты так со мной?” Подползая к ней, я понимаю, что убил её. Нож, белое платье, кровь.

– Виновен!!! Виновен!!! Виновен!!!

Рядом с нами появляется девочка лет десяти и кричит во весь голос, и я почему-то соглашаюсь с ней. Мои мольбы о помощи она пропускает мимо ушей, продолжая кричать.

Почему я это сделал? Ведь я её люблю. Она – самое дорогое, что у меня есть. Я пытаюсь привести её в чувство, но толку от этого нет. Что заставило меня это сделать? Почему я убил её?

Белоснежные стены обгаряются кровью, она льётся из всех щелей, заполняя всё здание. Коридоры и этажи превращаются в багровые реки, унося потоком мою любимую. Я кричу снова и снова, пытаюсь перекричать маленькую девочку напротив меня. Но она кричит всё громче и громче.

9

То, что не написано, не может быть прочитано. То, что не сказано, не может быть услышано. Как жаль, что я осознаю это только сейчас. Почтальон так и не отыскал моих писем, а ветер так и не услышал мои слова. Всю оставшуюся жизнь мне придётся жить с сожалением о несказанных словах. Поезд ушёл, и мне его не догнать. Теперь нет смысла писать ей о своих чувствах, звонить, моля её бросить всё и попробовать начать всё заново.

Какая же всё-таки ироничная штука наша жизнь – обманывать, воровать, избивать и убивать мы можем, даже не моргнув глазом, но сказать три самых важных слова мы не в силах. Нам не хватает духа переступить через себя, чтобы уберечь своё счастье. Упуская моменты, утешая себя тем, что судьба ещё раз даст шанс. Питая надежду, что в следующий раз у тебя всё-таки хватит смелости сказать все нужные слова, ведь ты и так пережил слишком многое. Но это лишь отговорки, с кото-

рыми нам придётся жить до самого конца наших дней.

Сегодня сто семьдесят третий день, как она стала его законной супругой. Сто семьдесят третий день, как я смотрю на окружающий мир через дно стакана. Все заработанные деньги я пропиваю и трачу на ночи со шлюхами. В притонах обычно стоит густой туман сигаретного дыма и едкий запах жидкого мыла. Я до мозга костей пропитался этой вонью, и мне кажется, что я уже никогда не смогу смыть с себя всю это дрянь.

Находясь в их обществе, я пытался отвлечься от своих дурных мыслей. Изначальная неприязнь к таким заведениям постепенно куда-то исчезала. Любовь за деньги притягивает своей простотой и безответственностью, но какая любовь не требует денег? В итоге ты понимаешь, что деньгами можно купить лишь присутствие человека.

Ещё год назад я бы орал во весь голос, пытаюсь отвергнуть вышесказанные слова. Принялся бы доказывать, что настоящий человек с чистой душой и благими намерениями никогда не прогнётся под уговоры толстосумов и, тем более, не променяет чувства на деньги. Но, с другой стороны, как я могу осуждать человека, не зная его истинных чувств. Одна мысль о том, что я был для неё просто другом, убивает меня.

Тот самый паренёк в баре, поведавший мне историю о женитьбе, всё-таки смог устроиться на другую работу. Из обычного гостя заведения, где я до сих пор работал, он превратился в моего собутельника. Неделю назад журналист рассказал, что сын мэра прилетел со своей женой в город. По этому поводу мэр решил устроить шикарный банкет в их честь.

Меня разрывало на части. Так хотелось встретиться с ней, поговорить обо всём или просто взглянуть на неё краешком глаза. Но что даст эта встреча? По мне, всё станет ещё в разы хуже. Я был более чем уверен, что уродливые раны души вновь вскроются. И ни тонны алкоголя, ни полчища «ночных бабочек» не смогут мне в этом помочь. Она сделала свой выбор, и мне ничего больше не остаётся, как принять это.

Дни летели со скоростью света. Рабочие будни сплетались в единое целое хмельными ночами. Сегодня один из таких дней. Еле встав с кровати, я направился на работу. От меня несло перегаром на сотню миль, но что поделаешь. В баре были одни и те же лица. Устроившись на стуле возле гардероба, я пытался восстановить события прошлой ночи. В голове всё перемешалось в кашу. Вчерашняя ночь

напоминала старый выцветший фотоальбом. Отрывки воспоминаний, словно фотографии, мелькали перед глазами. Вот я пью у себя в квартире, уставившись в выключенный телевизор. Теперь я плачу, но уже на улице. Здесь я стою у двери чьей-то квартиры. Подождите, это же дверь её квартиры. Нет, только не это. Я был там. Я стучусь, но никто не открывает. Кто-то на меня кричит, я посылаю его или её. Слава Богу, дома никого не было. Мой позор никто не видел. И хорошо, что она этого не видела.

– Дружище, с тобой всё хорошо? – Это гардеробщик. – Выглядишь неважно.

– Приболел малость, – за столь долгое время работы я с ним говорю первый раз.

– Понятно. Сейчас все болеют, надо теплее одеваться. Хотя некоторым даже это не поможет.

– В смысле?

– В коромысле. Люди под конец озверели. Крыша едет у некоторых тварей от хорошей жизни. Ты ведь слышал про вчерашний случай?

– Нет, а что случилось? – я испугался. Неужели я что-то натворил?

– Да этот урод делов натворил страшных. Папенькин сыночек, такой же ублюдочный, как и его отец.

– Что случилось?!!

– Ты чего орёшь-то? Жёнушку свою порешил. Бухой был. Ножом ударил два раза в живот. Бедная девчонка, говорят, беременной была...

Всё плывёт перед глазами. Нет-нет. Этого не может быть. Нет, это не может быть она.

10

– Любимый, просыпайся, уже утро.

Я чувствую приятный запах её волос – это тот же аромат, что был при нашей первой встрече. Она нежно гладит меня по голове, и я, как маленький мальчик, не жаждающий идти в школу, пытаюсь спрятаться под одеяло.

– Ещё пять минуточек, дай мне пять минуточек.

– Нет уж, давай вставай. Я тебе говорила не засиживаться с друзьями допоздна, – она щекочет меня. – Вставай, милый, сегодня у нас много дел. Надо начинать вещи собирать. Я вспоминаю, что мы завтра улетаем отдыхать в Париж.

– Ладно-ладно, встаю.

Подрываясь, я бегу в соседнюю комнату. Наша дочь улыбается мне со своей кровати. Я беру её на руки и начинаю целовать. Маленький комочек счастья – живое воплощение нашей любви. Радость переполняет мою душу.

– Твоя мама сказала, что приедет сегодня вечером, – она подходит к нам. – Так не хочется оставлять её.

– Да брось ты, всего-то на две недели. Она и не заметит нашего отсутствия. Ты ведь знаешь, как она у нас сильно любит бабушку.

– Настолько сильно, что даже больше похожа на неё, чем на нас, – она обнимает меня. – Спасибо тебе.

Я поворачиваюсь к ней и вижу её глаза, наполненные слезами. Это слёзы радости. Внутри меня словно бурлит котелок положительных эмоций, и содержимое его вот-вот разольётся. Через пару секунд я сам расплачусь. Где-то в глубине души я понимаю, что не заслужил такого счастья. Но ведь вот – оно же. Передо мной и у меня на руках.

– Тебе спасибо, – я её целую.

– Люблю тебя, – она прижимает ладонь к моему лицу. – И всегда буду любить. Я просыпаюсь на улице. Холодно, очень холодно.

11

Любое действие живого существа – это всего лишь цепочка событий, приводящая к тому или иному исходу. Ты всю жизнь мечтаешь посвятить искусству. Днями напролёт ты оттачиваешь своё мастерство, но в один прекрасный день тебя не берут в университет. И вот, спустя десятки лет, ты становишься самым жестоким тираном, которого знает весь мир. На последнем издыхании ты вспоминаешь, что просто хотел стать безобидным художником, рисующим каракули на белой бумаге.

Или же, прогуляв полночи с друзьями в клубе, ты опаздываешь на занятие по математике. Забыв уже в пустой кабинет, ты видишь на доске домашнее задание. Ты тратишь три дня и три ночи, чтобы решить эту задачу, и ты решаешь. С гордой душой ты идёшь на следующее занятие, где тебе говорят, что на доске был пример, который ни один учёный в мире не мог решить до сего дня, а ты решил его за три дня и три ночи. Слава, признание, праздники, салюты, фанфары. А в конце ты получаешь пулю в затылок. У чокнутого профессора, потратившего полжизни на попытки решить эту задачу, не выдерживают нервы, и он прерывает твою жизнь из зависти. Ты паришь у своего бездыханного тела, и в голове только одна мысль: лучше бы я остался в том клубе на всю ночь и вообще не ходил на эти занятия.

Никогда раньше я не задумывался над такими вещами. Переосмыслив всё произошедшее, я понял: это из-за череды событий, в которые я вме-

МИХАИЛ СЛЕПЦОВ. ОПУСТЕВШИЙ ОКЕАН СНОВ.

Впервые в «Полярной звезде»

шался. Будь я проклят! Если бы я доучился в том университете, я бы не уехал служить. Не попал бы на войну, не спас бы её брата, никогда не получил бы её письма и не узнал бы о её существовании. После смерти брата она бы начала жизнь с чистого листа. Возможно, даже встретила бы хорошего парня и жила с ним долго и счастливо. Я вмешался в череду событий, не предвидя последствий. Какая же я мразь!

Раз за разом я вбиваю кулаки в эту сволочь. Изнутри меня пожирают чувства ненависти и обиды. Я хочу убить его, оборвать его ничтожную жизнь. “Убивший должен быть убит” – эта мысль вертится у меня в голове. Как же до такого дошло? Ведь когда-то я давал себе слово, что больше не трону никого. Я признаю, что сам убивал, но это совсем другое – то была война. Человек, лишивший жизни беззащитного человека, больше не может считаться человеком. Он убил её, ударив её два раза ножом. Он прервал чужую жизнь. Нет. Жизни!!! Мало того, что он убил любимого человека, так он ещё и отобрал право на жизнь у неродившегося дитя. Он не имел на это права.

Я вновь и вновь разбиваю кулаки о его лицо. Капли крови летят во все стороны. Весь мир покрылся багровым оттенком, кажется, я схожу с ума.

– За что ты с ней?!! – срывая голос, я кричу. – За что ты так с ней?!!

Он молча смотрит на меня. В его глазах нет ни страха смерти, ни чувства вины. Что же с ним такое?

– Я спрашиваю тебя, за что ты так с ней?!! Она ведь была хорошим человеком, – я отпускаю его. – Ты убил её. Ты убил её.

– Знаю, – он выплёвывает кровь. – Так мне и надо. Убей меня, я заслужил это. И не забудь потом застрелиться сам. В её смерти виноват не я один. И твоя вина тоже есть. Из-за тебя её не стало.

– Что ты несёшь?

– Отчасти ты виноват во всех наших бедах. Я её любил. Боже, как же я её любил!!! – он вытирает окровавленное лицо рукавом. – С самой нашей первой встречи я влюбился в неё по уши, но не мог никак добиться её сердца. И тут, столько лет спустя, мне выпадает такая возможность. Её больной на всю голову брат после войны нуждался в операции. Я решил помочь и заодно попробовать растопить её сердце. Мне это удалось. Мы были счастливы. Очень счастливы. Пока она не начала скучать по тебе. Я видел, как она пишет тебе письма. Сначала я не обращал внимания, но в конце концов любопытство взяло верх. В этих письмах

было столько нежности и заботы. Я сразу всё понял: она что-то чувствовала к тебе.

Любопытство переросло в ненависть. Ненависть начала проявляться в вечных запоях. Мы начали ссориться по пустякам. Она всё больше плакала. Мне стало казаться, что она со мной только из-за брата. И тут умирает её брат...

– Я не знал, что он умер.

– Да-да, он скончался. Ты ведь не в курсе. После операции он пошёл на поправку, даже сказали, что он скоро встанет на ноги, но тут – внезапная смерть. Не доглядели. Что-то у него в лёгких скопилось. То ли кровь, то ли гной. В общем, он всё равно был жалким созданием.

– Заткнись!!! Не смей о нём так говорить!!! Он защищал свою страну!!! Он защищал твой сон!!!

– Я его об этом не просил. Мы привезли его в этот поганный город. На похоронах она вечно оглядывалась по сторонам. Наверное, надеялась, что ты придёшь, – он сплёвывает кровь. – Как-то вечером она меня попросила найти тебя. Мол, ей интересно, как ты поживаешь и всё такое. Но я-то знал, что тут дело нечисто. Был большой скандал. Я ушёл из дома и нахерачился в стельку.

Вдруг он заплакал. Он не мог остановиться. Тишину пронзили его стоны, и тут я понял, что он её и вправду любил. По-настоящему любил.

– Я не помню ничего!!! Правда, ничего!!! – Его голос стал писклявым и жалким. – Я проснулся в луже крови. Ты даже не можешь представить, что это такое. Я ненавижу себя за это!!! Больше, чем ты меня!!! Каждый день я вспоминаю о ней!!! О неродившемся ребёнке!!! Убей меня!!! Я прошу тебя. Убей меня...

Он схватил меня за одежду и тянет к себе. Его крики и стоны пронзают тишину.

Как же мне теперь с этим жить? В её смерти я виноват столько же, сколько и он. Не появись я в её жизни, всё было бы иначе. И как мне убивать его после всего этого? С какой стороны ни подходи, виноваты мы оба. Я принёс этот нож, а он его вонзил.

– Убей меня!!!

Я вырываюсь из его рук и оставляю его окровавленным на этом асфальте. Одно я знаю точно: она бы никогда не хотела, чтобы я кого-то убивал. Тем более человека, которого она любила. Она его любила, это точно. Не мне его судить и не мне его наказывать. Так пусть он проживёт всю свою жизнь с этой ношей. С кровью на руках, которая никогда не смывается.

Весь мир плывёт перед глазами. Я ничего не

вижу, никого не слышу. Рядом со мной только её фантом. Она улыбается, как и при первой нашей встрече. Протягивая руку, она как будто просит принять весь мир таким, какой он есть. Мир без неё и без надежды на спасение.

Я устал. Дайте мне поспать. Во снах она всегда рядом. Она радуется жизни и так же неотразимо прекрасна.

12

Вдалеке мерцает свет маяка. Ценой своей жизни нужно доплыть до него. Она там – я чувствую это. Но смогу ли я доплыть? Эта холодная вода как будто хочет утащить меня вниз. Холодное дыхание ветра мешает мне сконцентрироваться на цели. Свет становится всё дальше и дальше, словно я отдаляюсь от маяка. Мне холодно. Посередине этого океана нет ни единой живой души. Усталость всё сильнее наступает.

Прости меня, родная. Кажется, у меня не хватит сил доплыть до тебя. Ты одна на этом маяке каждый день зажигаешь для меня свет, чтобы я не заблудился, но я обессилен. И лишь этот спасательный круг помогает мне оставаться на плаву. Только он спасает меня от неминуемой смерти. Прости меня, я никогда не смогу доплыть до тебя. Может, когда-нибудь это мне удастся, но мне понадобится для этого чья-то чужая помощь.

Плач ребенка будит меня. Я просижу на краю кровати ещё пару секунд и постараюсь забыть этот сон.

13

Иногда мне кажется, что наши сны – это не плод нашего воображения, а сигналы из других измерений, где мы проживаем ту или иную реальность. Параллельные Вселенные, где у нас есть большая и счастливая семья. Дети, которые смогли добиться большего, чем их родители. Место, где её брат смог позволить себе операцию и продолжал радоваться жизни, и ей не пришлось испытывать все тяготы и страдания, связанные с этим несчастьем. И где мы вечерами, усевшись на берегу реки под берёзовой рощей, наслаждаемся тем, как солнце, прощаясь своими лучами, медленно уходит в закат. И в тот миг я глажу её по животу в ожидании самого великого момента в нашей жизни.

Моя вера в существование параллельных

Вселенных не даёт разойтись по швам изуродованной душе. Это напоминает огонь костра, который ты видишь в тёмном лесу. Ты не знаешь, что тебя там ждёт, но ты искренне надеешься, что именно этот огонёк спасёт твою жизнь.

– Папа, а зачем мы сюда пришли?

Рядом со мной моя пятилетняя дочь. Она самое дорогое, что у меня есть. Она и моя жена. Слишком много воды утекло с тех самых пор. Много чего произошло, и многое было обдумано и переделано. Найдя в себе силы, я смог начать двигаться вперёд. Ради будущего, ради жизни. Я смог отыскать спасательный круг в опустевшем океане. Спасательный круг в виде любимой жены и дочери.

– Мы пришли навестить моего старого друга.

– А где сейчас этот друг?

Наверное, это неправильно – брать с собой ребёнка на кладбище, но я так давно у неё не был, что не мог не приехать. Сегодня ровно семь лет, как её не стало.

– Друг уехал на корабле в далёкие страны, дорогая.

– А далёкие страны – это очень далеко?

– Да, солнышко. Далеко.

Я не смог забыть её полностью, как и вину перед ней. Но было бы неправильно не постараться начать жизнь без неё. Её недолгое появление в моей жизни стало уроком на все оставшиеся дни. Необязательно вычеркивать прошлое, чтобы начать новое будущее. Просто иногда нужно что-то оставить себе, как напоминание, чтобы больше не повторять ошибок.

Я больше не вижу ярких снов. Иногда я плыву всю ночь в надежде, что вновь отыщу тот свет маяка, но я его не нахожу. Бесконечный и огромный океан опустел. Вокруг только водная гладь, устрашающая своим спокойствием, и мой спасательный круг, не дающий мне утонуть.

